DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2019 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/atamanskaiapamia01kras

АТАМАНСКАЯ ПАМЯТКА

С. ПЕТЕРБУРГЪ

4

Krasnov, Petr Nikolaevich

П. Н. Красновъ.

Ataманskaia pamiatka.

Атаманская Памятка.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ

Л.-Гв. Атаманскаго Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича полка.

1775—1900.

С.-Петербургъ.
1900.

Тип. Исидора Гольдберга, Спб.

Дозв. ценз. Спб. 25 Мая 1900 г.

355.0947
К91 от

Товарищамъ - Атаманцамъ.

д. Николаевка
5 мая 1900 г.

Отъ составителя.

Моей мечтой было дать полную картину 125-ти лѣтней жизни дорогого полка, иными словами написать полную его исторію,—но недостатокъ времени, невозможность отлучиться отъ мѣста служенія въ Москву, Новочеркасскъ и въ Область войска Донскаго для разработки архивныхъ матерьяловъ и разспросовъ старыхъ атаманцевъ, принудили меня сократить работу и дать лишь очеркъ былой жизни полка по даннымъ полковаго Архива, бумагъ, предоставленныхъ мнѣ покойнымъ Н. А. Андреевымъ, сочиненій библіотеки Главнаго Штаба и разспросовъ сослуживцевъ.

При изданіи мнѣ очень помогъ своими совѣтами В. К. Шенкъ, сдѣлавшій для меня много снимковъ и Т. В. Михайловъ, украсившій изданіе своими художественными набросками. Отъ всей души приношу имъ искреннюю благодарность за чисто товарищескую помощь въ новомъ и трудномъ для меня дѣлѣ.

П. Красновъ.

С.-Петербургъ,
23 ноября 1899 года.

Его Императорское Величество
ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
въ бытность
Наслѣдникомъ Цесаревичемъ
Шефомъ Л.-Гв. Атаманскаго полка въ 1884 году.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мѣщ. 2.

ШЕФЫ

Л.-Гв. Атаманскаго Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника полка.

1.

Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Великій Князь Александръ Николаевичъ со 2 октября 1827 года по 19 февраля 1855 года.

2.

Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ съ 19 февраля 1855 года по 12 апрѣля 1865 года.

3.

Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ съ 12 апрѣля 1865 года по 2 марта 1881 года.

4.

Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ со 2 марта 1881 г. по 21 октября 1893 г.

Прохожденіе службы Л.-Гв. Атаманскаго Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича полка.

1.

5 мая 1775 года по просьбѣ Атамана Алексѣя Ивановича Иловайскаго и съ разрѣшенія Кн. Ал. Потемкина составленъ пятисотенный ***войска Донскаго Атаманскій полкъ.***

2.

Въ 1783 году въ походѣ за Манычъ для усмиренія ногайскихъ татаръ.

3.

Съ 1791 по 1793 годъ въ Молдавіи на сторожевой линіи.

4.

Съ февраля по 2 мая 1801 года въ Оренбургскомъ походѣ на Индію.

5.

25 іюня 1803 года повелѣно въ Атаманскомъ полку имѣть 10 сотенъ и полкъ именовать ***„Войска Донскаго Атаманскій Атамана Платова полкъ“.***

6.

Съ осени 1806 года по августъ 1807 года въ походѣ и въ дѣлахъ противъ французовъ въ Пруссіи.

7.

Съ ноября 1808 года по февраль 1810 года въ походѣ и дѣлахъ противъ турокъ въ Молдавіи и Болгаріи.

8.

Съ марта 1812 года по іюль 1814 года въ походѣ и дѣлахъ противъ французовъ въ Россіи, Германіи и Франціи.

9.

28 марта 1813 года за отличную храбрость, оказанную войска Донскаго Атаманскимъ полкомъ въ кампанію 1812 года, полку пожалованы: ***Георгіевское знамя*** съ изображеніемъ Христа Спасителя и ***Георгіевскій бунчугъ*** съ изображеніемъ Св. Георгія Побѣдоносца.

10.

2 октября 1827 года Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ пожалованъ ***Шефомъ*** Атаманскаго полка и полкъ именуется: ***„Казачій Его Императорскаго Высочества Наслѣдника полкъ“.***

11.

Съ апрѣля 1828 года по январь 1829 года въ походѣ и дѣлахъ противъ турокъ.

12.

11 декабря 1831 года повелѣно ***одной сотнѣ*** Казачьяго Атаманскаго Е. И. В. Наслѣдника полка находиться на службѣ ***въ Петербургѣ*** и имѣть обмундированіе отъ казны.

13.

Съ января по октябрь 1831 года въ походѣ и дѣлахъ противъ поляковъ.

14.

25 іюня 1831 года Атаманскій полкъ зачисленъ ***въ гвардейскій корпусъ.***

15.

6 декабря 1831 года Казачьему Атаманскому Е. И. В. Г. Н. Ц. полку за дѣла противъ польскихъ мятежниковъ пожалованы отличія на шапки съ надписью:

„За Варшаву 25 и 26 августа 1831 года“.

16.

23 декабря 1831 года состоялось Высочайшее повелѣніе ***2 сотнямъ*** Казачьяго Атаманскаго полка находиться на службѣ въ ***С.-Петербургѣ.*** *Содержаніе* офицерамъ выдавать *по окладамъ молодой гвардіи и сотнямъ именоваться эскадронами.*

17.

2 мая 1834 года Государь Императоръ повелѣть соизволилъ ***днемъ праздника*** въ Казачьемъ Атаманскомъ Наслѣдника Цесаре-

вича полку назначить ***30 августа, день св. Благовѣрнаго князя Александра Невскаго.***

18.

11 февраля 1842 года Высочайше повелѣно именовать чиновъ Казачьяго Атаманскаго Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича полка, какъ въ регулярной кавалеріи: ротмистрами, штабсъ-ротмистрами, поручиками, корнетами, вахмистрами, унтеръ-офицерами и ефрейторами.

19.

8 сентября 1843 года ***Великій Князь Николай Александровичъ зачисленъ въ списки*** Казачьяго Атаманскаго Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича полка.

20.

Съ августа 1848 года по декабрь 1849 года въ походѣ въ Царство Польское.

21.

Съ февраля по октябрь 1854 года въ походѣ въ Царство Польское и на сторожевой службѣ по финляндскому берегу Финскаго залива.

22.

8 сентября 1859 года Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: Лейбъ-Атаманскій Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полкъ именовать ***Лейбъ-Гвардіи Атаманскимъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полкомъ*** съ правомъ ***Молодой Гвардіи.***

23.

8 сентября 1860 года Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать Л.-Гв. Атаманскому полку ***георгіевскій штандартъ*** съ надписью: ***„за отличіе, оказанное въ войнѣ съ французами въ 1812, 1813 и 1814 годахъ“.***

24.

Съ января по сентябрь 1863 года въ походѣ и дѣлахъ противъ поляковъ при усмиреніи польскаго мятежа.

25.

19 апрѣля 1875 года по случаю исполнившагося столѣтняго юбилея Л.-Гв. Атаманскаго полка,—полку пожалованы ***Андреевскія юбилейныя ленты.***

26.

Съ мая 1877 года по сентябрь 1878 года въ походѣ и дѣлахъ противъ турокъ.

27.

17 апрѣля 1878 года Государь Императоръ пожаловалъ Л.-Гв. Атаманскому Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича полку права и преимущества ***Старой Гвардіи.***

28.

13 марта 1884 года Высочайше повелѣно Л.-Гв. Атаманскому Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаре-

вича полку имѣть въ Петербургѣ *вмѣсто двухъ эскадроновъ—четыре,* а два имѣть на Дону на льготѣ.

29.

Высочайшимъ приказомъ *18 марта 1891 года* полку возвращены старинныя казачьи наименованія эскадроновъ — сотнями, ротмистровъ—есаулами, штабсъ-ротмистровъ—подъесаулами, поручиковъ — сотниками, корнетовъ — хорунжими, унтеръ-офицеровъ—урядниками и ефрейторовъ—приказными.

ГЛАВА I.

Прошлое донскихъ казаковъ.

Мѣста, гдѣ жили казаки.—Татары.—Кто такіе казаки.—Жизнь старыхъ донцовъ.—Поиски за добычей.—Присяга русскому Государю.—Казачьи полки.—Земледѣліе на Дону.—Образованіе другихъ войскъ.

Лейбъ-Гвардіи Атаманскій полкъ съ самаго основанія своего былъ казачьимъ полкомъ. Всѣ чины его родились и выросли среди донскихъ степей и станицы и хутора Тихаго Дона дороги нашему атаманскому казачьему сердцу.

Казакъ — тотъ же русскій. И вѣра у казаковъ или православная, или по старому обряду, какъ у русскихъ, и говорятъ казаки тѣмъ же чистымъ русскимъ языкомъ, какъ говорятъ и на Руси, и любятъ матушку Россію и Царя Батюшку, какъ любитъ ихъ всякій русскій человѣкъ.

Разница въ службѣ казака и солдата, въ обычаяхъ, въ самой одеждѣ, произошла давно, вслѣдствіе того, что всѣ наши предки, кости которыхъ покоятся подъ курганами въ широкой степи, умерли не тихо и мирно на постели отъ старости и болѣзней, а нашли славную смерть и мученическій вѣнецъ, защищая Россію отъ татаръ и турокъ.

Триста пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стоятъ русскіе города Николаевъ, Одесса, Симферополь, Ялта, Азовъ, Ростовъ, гдѣ служатъ наши станичники въ 7-мъ и 8-мъ донскихъ полкахъ—жили татары. Все побережье Чернаго и Азовскаго морей, истоки Дона и Днѣпра были заселены татарами. Татары

пришли на русскія земли давно. болѣе шестисотъ лѣтъ назадъ, поработили русскихъ и долго заставляли предковъ Государя нашего,—князей Московскихъ, платить имъ дань.

Но русскіе собрались съ силами и при князѣ Дмитріѣ Ивановичѣ Донскомъ, въ 1380 году прогнали татаръ за Воронежъ, къ полудню; при Царѣ Иванѣ Грозномъ забрали Казань и Астрахань: татары остались только въ низовьяхъ Дона, въ Крыму, да въ заманычскихъ степяхъ.

Татары были народъ безпокойный. Они мало занимались земледѣліемъ, а жили грабежами и войной. То и дѣло они собирались и шли походомъ на Воронежъ, Орелъ, Рязань, нѣсколько разъ доходили и до самой Москвы. Они не объявляли войны, не предупреждали нашего Царя, а шли прямо, уничтожая города, села и деревни и забирая крестьянъ въ плѣнъ.

Какъ теперь для охраненія покоя войскъ выставляютъ цѣпь сторожевыхъ заставъ, такъ и тогда пришлось за Воронежемъ постановить цѣпь такихъ заставъ, которые давали бы знать о приближеніи татаръ. Заставы эти занимали казаки.

Казакъ—слово татарское и значитъ „вольный“, „свободный“. Русскіе крестьяне не были свободными, они принадлежали своимъ помѣщикамъ, были ихъ крѣпостными. Кто изъ нихъ уходилъ отъ помѣщика, тотъ шелъ на границу русскую къ тихому Дону и записывался въ казаки.

У казаковъ домовъ не было, земли они не обрабатывали, а тѣхъ, кто брался за плугъ, нещадно били плетьми, чтобы бросилъ мужицкую привычку. Жили они въ камышевыхъ шалашахъ, которые разоряли и сжигали, какъ только прослышатъ о приближеніи татаръ, а питались тѣмъ, что удастся съ бою отбить у татаръ, охотой на звѣря и рыбною ловлей.

На высокихъ мѣстахъ они насыпали курганы, на курганахъ ставили вышки, откуда далеко наблюдали, что дѣлается въ степи. Остатки кургановъ и вышекъ и теперь еще можно видѣть кое-гдѣ на Дону.

Женатыхъ между казаками не было. Не было потому и дѣтей. Но число казаковъ не уменьшалось. Постоянно приходили туда бѣглые люди, а также тѣ, кому тѣсно было на землѣ, кому хотѣлось потѣшить молодецкую руку въ бою съ татариномъ.

Никто не любопытствовалъ, откуда и почему идетъ человѣкъ къ казакамъ. Спросятъ только: „въ Бога вѣруешь?"—„Вѣрую".—„А ну перекрестись!"—и если приходящій крестился, то его принимали къ себѣ, снабжали одеждой, оружіемъ, давали коня и становился онъ казакомъ.

Чтобы рѣшать между казаками споры, начальствовать на походѣ, выбирали они себѣ старшого—атамана, а въ помощь ему есауловъ. А дѣла поважнѣе рѣшали всѣ вмѣстѣ казачьимъ кругомъ.

Татары пѣшкомъ не воевали. У нихъ были лошади и были сѣдла такія же, какъ у насъ теперь:—съ деревяннымъ арчакомъ и подушкою. Они лихо ѣздили, такъ, какъ теперь ѣздятъ калмыки. Хорошо умѣли они также стрѣлять изъ лука и дѣйствовать копьемъ; питались сырымъ мясомъ, которое клали подъ потникъ, чтобы оно провялилось и провоняло конскимъ потомъ.

Казаки тоже были конные. Лошадей отбирали у татаръ, а сами постоянно занимались охотой на коняхъ. Въ сѣдлѣ казаки сидѣли крѣпко, не боялись переплывать верхомъ рѣки, мѣтко стрѣляли съ коня изъ ружья и изъ лука и отлично дѣйствовали дротикомъ: такъ называли тогда пику.

Постоянно воюя и грабя татарскіе городки, казаки оттѣснили татаръ отъ береговъ моря, построили себѣ въ устьяхъ Дона города Раздоры и Черкасскъ—то, что теперь Раздорская и Старочеркасская станицы, забрали Азовъ у турокъ и стали между турками и Россіей, какъ плотная стѣна. За казаками покойно и мирно жилось русскимъ, а потому русскіе Цари жаловали казаковъ своими грамотами, посылали знамена, сукна и дорогія матеріи.

Война обогащала казаковъ. Задумавъ походъ выходилъ казакъ въ народъ, снималъ шапку и кидалъ ее о земь. Это значило, что онъ хочетъ говорить съ народомъ. Его обступали казаки и онъ кричалъ имъ: „Атаманы молодцы, послушайте! На Волгу рыбки половить, на Сибирь пушныхъ звѣрей пострѣлять, или на Черное море или на Хвалынское молодецкую руку потѣшить!...“

Кто хотѣлъ, снималъ свою шапку и кидалъ къ нему, и такъ собиралась партія, иногда въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Если походъ былъ недалекій — сѣдлали коней и шли „верьхи“; если направлялись на турокъ, или плыли по Волгѣ, то снаряжали легонькіе струги-однодеревки и на веслахъ, распѣвая разбойничьи пѣсни, шли искать счастья на чужбинѣ.

Казаки доходили на лодкахъ до самого Царьграда, наводили страхъ и на турецкаго султана; а однажды, начальникъ поиска донской казакъ Ермакъ Тимофеевичъ добрался по Волгѣ до Сибири и покорилъ сибирскаго хана Кучума подъ высокую руку Московскаго Царя Ивана Грознаго.

Охраняемая казаками Россія расширялась и росла. Въ 1671 г. казаки, собравшись въ Черкасскѣ на великій кругъ, порѣшили просить Царя Алексѣя Михайловича принять казаковъ подъ свою власть и присягали на вѣрную службу русскому Государю...

Съ этого времени, какъ только Россія объявляла войну, казаки собирались по станицамъ, комплектовали полки, которые такъ и назывались, какъ станицы „Гундоровскій“, „Митякинскій“, „Луганскій“ полкъ, избирали походнаго атамана и шли вмѣстѣ съ русскими умирать ради славы Тихаго Дона. Такъ сражались донцы со шведами, съ нѣмцами и турками, воевали Польшу, покоряли калмыковъ и Кавказъ, ходили съ Суворовымъ въ Италію...

На Дону начали строить города: въ станицахъ, вмѣсто камышевыхъ шалашей стали дѣлать мазанки; каменныя церкви воздвиглись по Дону; отличившіеся казаки получали ордена и званія отъ русскаго Государя. Казаки поженились, стали домо-

витѣе. Русскій Государь заключилъ миръ съ турками, крымскій ханъ покорился Императрицѣ Екатеринѣ II, Сибирь принадлежала Россіи и некуда было ходить въ поиски за добычей.

Одни изъ казаковъ стали служить въ полкахъ, другіе бросили шашку и копье и занялись сначала рыбной ловлей и винодѣліемъ, а потомъ взялись и за соху, и плугъ впервые прошелся по цѣлинѣ донской степи.

Въ награду за военные подвиги донскимъ полковникамъ были даны крѣпостные крестьяне изъ губерній Харьковской и Екатеринославской и по Дону пошли „мужики"—хохлы.

Часть казаковъ послали сражаться съ горцами на Кавказѣ и образовали Терскихъ казаковъ, часть еще раньше поселили на Уралѣ, посылали казаковъ и въ Сибирь и въ Семирѣчье ([1]).

Въ это время, въ царствованіе Императрицы Екатерины II Великой, въ 1775 году и было положено основаніе Атаманскому полку.

ГЛАВА II.

Основаніе Атаманскаго полка.

Сотная команда атамана Ефремова.—Безпорядки въ Черкасскѣ.—Образованіе Атаманскаго полка.—Его устройство.—Форма одежды.—Жизнь въ Черкасскѣ.—Занятія.

Не всѣ казаки, однако, бросили привольную жизнь среди военныхъ тревогъ. Были между казаками и такіе, которые, помня прежнюю свою вольность, собирались въ шайки и ходили грабить турокъ и татаръ. Иные шли прямо въ Россію бунтовать, нападали на помѣщиковъ и жгли русскія села. Турки жаловались на казаковъ русской Государынѣ. Та приказывала атаману сдѣлать розыскъ и виновныхъ казнить смертью, но атаману это трудно было исполнить, потому что онъ не имѣлъ подъ своею рукою полковъ.

Въ тѣ времена казачьи полки собирались только на войну. А когда войны не было, то казаки жили у себя по станицамъ и некому было усмирять бунтовщиковъ.

Атаманы просили Императрицу, чтобы имъ разрѣшено было имѣть при себѣ постоянную команду для розысковъ и наказанія виновныхъ. Такая команда въ сто казаковъ была учреждена при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ въ атаманство Данилы Ефре-

Императрица Екатерина II

Основательница полка ([162]).

мова. Начальникомъ ея былъ походный есаулъ Семенъ Никитичъ Сулинъ. Эта команда и положила начало нашему полку ([2]).

Въ 1772 году въ Черкасскѣ произошелъ бунтъ. Казаки не разобрали грамоты, присланной отъ Императрицы Екатерины II, и не хотѣли ее исполнять, говоря:

— „Грамоты подписаны генераломъ, а ручки государыни нашей нѣтъ“.

На кругу нашлись такіе бунтари, которые напали на домъ присланнаго отъ Государыни генерала и побили его. Сотной команды въ это время не было въ Черкасскѣ, она уѣхала изъ города вмѣстѣ съ атаманомъ и выручить генерала не могла ([3]).

Въ это же время до казаковъ доходили слухи о томъ, что на Волгѣ бунтуетъ народъ, и атаманъ опасался, чтобы къ нему не пристали и казаки.

Почты тогда не было. Газеты на Дону не издавались и узнавать о томъ, что дѣлается въ станицахъ, атаманъ могъ только черезъ пришлыхъ людей. Чтобы имѣть постоянно людей изъ станицъ, донской атаманъ, Алексѣй Ивановичъ Иловайскій просилъ разрѣшеніе сформировать въ Черкасскѣ полкъ изъ молодыхъ казаковъ, который служилъ бы постоянно. Казаки должны были собираться изъ разныхъ станицъ и разсказывать, что у нихъ дѣлается.

5-го мая 1775 года пришло разрѣшеніе составить полкъ съ тѣмъ, чтобы онъ былъ *всегда въ особомъ присмотрѣ у атамана и исправностью своею во всѣхъ нуждахъ казацкой службы могъ служить образцомъ для всѣхъ прочихъ полковъ* ([4]).

Этотъ образцовый казачій полкъ и былъ нашъ Атаманскій полкъ.

Первымъ командиромъ полка былъ полковникъ Дячкинъ. Въ полкъ приказано было назначить лучшихъ казаковъ со всѣхъ станицъ, людей *степенныхъ и богатыхъ*. Дѣлился полкъ на пять сотенъ, сотнями командовали есаулы, въ каждой сотнѣ было два младшихъ офицера—одинъ сотникъ, другой хорунжій. Кромѣ того на весь

полкъ былъ 1 писарь и 1 квартермистръ. Казаковъ было положено имѣть 483 человѣка ([5]). По числу сотенъ въ полку имѣлось 5 войсковыхъ хоругвей, какъ и въ другихъ казачьихъ полкахъ ([6]). Всѣмъ чинамъ полка было положено жалованье. Полковникъ получалъ 300 рублей, есаулы, сотники, хорунжіе и квартермистръ по 50 рублей, полковой писарь 30 рублей и казаки по одному рублю въ мѣсяцъ. Каждый казакъ долженъ былъ имѣть двухъ собственныхъ верховыхъ лошадей и все собственное обмундированіе и снаряженіе.

Первые атаманцы носили высокую баранью шапку изъ сѣрой смушки съ голубымъ суконнымъ верхомъ, голубой суконный кафтанъ съ прорѣхою подъ пазухою, подпоясанный малиновымъ кушакомъ, и широкіе шаровары голубого цвѣта. Сапоги у казаковъ были черные, у офицеровъ цвѣтные. Кафтаны были оторочены желтой тесьмой. Холоднымъ оружіемъ была сабля и пика съ краснымъ древкомъ; огнестрѣльнымъ—ружье и одинъ или два пистолета. Сѣдло было той же формы, какъ и теперь. Вьюкъ укладывался въ переметныя сумы, которыя торочились у задней луки ([7]).

Полкъ стоялъ въ Черкасскѣ по казачьимъ домамъ. Весною и осенью, когда степь зеленѣла, атаманцы уходили въ степь, гдѣ обучались маневрированію лавой, стрѣльбѣ съ коня и джигитовкѣ. Тамъ, близъ атаманскаго лагеря были выкопаны канавы, черезъ которыя заставляли прыгать казаковъ. Зимою казаковъ на занятія не собирали. Они холили и подъѣзживали своихъ коней да бесѣдовали со старыми служилыми казаками и офицерами ([8]).

Изъ этихъ бесѣдъ они узнавали, какъ надо служить на заставахъ, какъ ходить впереди и сзади отряда, какъ закладывать секреты и добывать языка.

Иногда, на потѣху черкасскимъ жителямъ, казаки скакали по улицамъ съ джигитовкой, или, собравшись вмѣстѣ, пѣли старинныя пѣсни. Пѣсенники они были хорошіе и въ атаманской церкви по праздникамъ всегда пѣли казаки Атаманскаго полка ([9]). Верховой

Атаманскій полкъ въ 1775 году.

Казакъ ([162]).

ѣздѣ тогда не приходилось обучать, потому что съ малыхъ лѣтъ казаки были лихими наѣздниками. Десятилѣтнимъ мальчикомъ — казакъ отлично справлялся съ лошадью и рубилъ и кололъ безъ промаха... Хлѣбопашествомъ казаки не занимались, а, когда не было войны, охотились съ собаками за волками и зайцами, или пулей стрѣляли дудаковъ и дикихъ козъ. И лихая охота была лучшей школой для нашихъ предковъ.

ГЛАВА III.

Первые походы.

Первые походы.—Оренбургскій походъ на Индію 1801 г. Увеличеніе числа сотенъ.

Караваны въ Индіи.

Служба Атаманскаго полка началась походами, да мелкими стычками съ татарами. На восьмомъ году по основаніи въ 1783 году они ходили походомъ за Манычъ для усмиренія ногайскихъ татаръ.

Ногайскіе татары кочевой народъ, видомъ похожій на калмыковъ, задумали бунтовать и жечь русскіе города. Усмирять ихъ былъ посланъ знаменитый Суворовъ, съ 11-ю казачьими полками, въ числѣ которыхъ былъ и нашъ полкъ съ полковникомъ Дячкинымъ ([10]).

Въ 1791 году нашъ полкъ занималъ подъ командой походнаго атамана Ивана Исаева сторожевую линію въ Молдавіи, тамъ онъ оставался до 1793 года ([11]).

Весною 1801 года атаманцы пошли въ тяжелый походъ къ сторонѣ Оренбурга.

Императоръ Павелъ приказалъ донскимъ казакамъ отнять у англичанъ Индію.

Далеко за землями уральскихъ казаковъ, за Каспійскимъ моремъ тянутся песчаныя степи. Въ степяхъ этихъ не растетъ трава, воды нѣтъ. За степями лежатъ высокія горы, а за горами богатая Индійская земля. Изъ нея везутъ къ намъ самоцвѣтные каменья, дорогія пестрыя матеріи, пахучіе коренья и травы.

Тамъ въ городахъ добывается золото и серебро, дорогія черныя деревья растутъ въ лѣсахъ. Земля эта принадлежала англичанамъ.

Чтобы дойти до нея, нужно идти по пескамъ и горамъ четыре мѣсяца.

Казакамъ приказано было взять съ собою по двѣ лошади, большой обозъ и продовольствоваться самимъ, помимо казны *Атаманскимъ полкомъ командовалъ полковникъ Степанъ Дмитріевичъ Иловайскій.* ([12]).

Выступили въ походъ въ февралѣ мѣсяцѣ. Зима была суровая. Сильные вѣтры дули въ степи. Подножнаго корма не было. Переходы были по 30—40 верстъ въ день, безъ дневокъ. Лошади и люди сильно страдали отъ морозовъ. На ночлегъ становились въ степи. Палатокъ не было. Не изъ чего было развести костры, чтобы согрѣть измученное холодомъ тѣло. Въ мартѣ мѣсяцѣ пошли дожди, заиграли по балкамъ ручьи и рѣки и походъ сдѣлался еще тяжелѣе. На пути лежала Волга. Ледъ уже потемнѣлъ на ней. Переправа была опасна. Собрали солому и доски, настелили на ледъ и стали переправлять казаковъ. Нашъ полкъ переправился первымъ. За нимъ перешло на другой берегъ еще нѣсколько полковъ, послѣ этого ледъ лопнулъ и цѣлый полкъ ушелъ подъ воду. Людей удалось спасти, но лошади погибли. Тогда часть полковъ потянулась по одному, другая по другому берегу Волги. За Волгой походъ сталъ еще тяжелѣе. Началась песчаная степь. Овесъ, сѣно и хлѣбъ должны были доставить изъ Саратовской и Симбирской губерній, но тамъ былъ неурожай и казаки остались безъ фуража и провіанта. Лошади падали каждодневно и казаки пѣшкомъ продолжали походъ.

23 марта, въ страстную субботу, казаки подошли, наконецъ, къ селу Мечетному, близъ города Оренбурга. Здѣсь рѣшено было остановиться на нѣсколько дней, чтобы отдохнуть отъ тяжелаго похода, да и дальше идти было невозможно. Казаки питались гнилыми сухарями и мясомъ павшихъ лошадей.—Лошади по нѣсколько дней не имѣли овса. Въ Атаманскомъ полку пало уже шестьдесятъ двѣ лошади.

Положеніе было трудное. Приказано идти впередъ, а идти нельзя: лошади обезсилѣли, казаки переболѣли.....

Въ эти тяжелые дни прискакалъ въ казачій лагерь курьеръ изъ Петербурга и на другой день войсковой атаманъ громко объявилъ казакамъ:

— „Жалуетъ васъ, ребята, Богъ и Государь родительскими домами“.....

Походъ былъ оконченъ. Императоръ Павелъ скончался, а вступившій на престолъ Императоръ Александръ I, зная о тѣхъ тягостяхъ, которыя терпятъ казаки приказалъ полкамъ возвращаться домой.

31 марта казаки тронулись въ обратный путь. Шли безъ дорогъ и безъ маршрутовъ, дѣлая по шестидесяти верстъ въ день.

2 мая 1801 года атаманцы вступили въ Черкасскъ. Тяжелый походъ былъ оконченъ. Казакамъ не пришлось сражаться съ непріятелемъ и быть подъ огнемъ, но они съ честью вынесли борьбу съ непогодой, голодомъ и усталостью. Глубоко залегли у нихъ на сердцѣ слова присяги: *терпѣть холодъ и голодъ и нужды казачьи.*— И наши прадѣды, атаманцы ихъ свято исполнили.

Черезъ годъ послѣ похода на Индію, 29 сентября 1802 года повелѣно было въ Атаманскомъ полку имѣть вдвое, противу прежняго людей и полку дѣлиться на 10 сотенъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ полку дано имя войсковаго Атамана([13]).

Съ этого времени нашъ полкъ именуется *войска Донскаго Атаманскимъ имени Платова полкомъ....*

ГЛАВА IV.

Атаманцы въ Пруссіи въ 1807 г.

Походъ въ Пруссію.—Новая форма одежды.—Дѣло у дер. Гронау.—Отношеніе атаманцевъ къ хозяевамъ нѣмцамъ и къ французамъ.—Сраженіе подъ Ортельсбургомъ.—Неисправные казаки выручаютъ полкъ при Едвабно.—Удальство Атаманскаго офицера.—Награды.

Кто не слыхалъ про Наполеона Бонапарте? Такъ звали Императора французовъ, правившаго Франціей въ то время, когда у насъ на Руси былъ Императоръ Александръ I Благословенный. Наполеонъ хорошо зналъ военное дѣло и умѣлъ воевать. Всѣ народы, кромѣ Россіи, боялись его. Ему было тѣсно во Франціи и онъ задумалъ покорить себѣ всѣ земли, чтобы одному быть правителемъ цѣлаго міра. Въ 1805 году онъ побилъ австрійцевъ, а въ 1807 году направился противъ нѣмцевъ.

Нѣмецкій король былъ другомъ нашего Императора и просилъ Александра Павловича заступиться за его землю. И намъ сосѣдство Наполеона было бы непріятно. По этому, Государь нашъ приказалъ послать на подмогу нѣмцамъ русскую армію. Въ составъ ея входилъ корпусъ донскихъ казаковъ подъ начальствомъ войскового атамана генералъ-лейтенанта Платова.

При Платовѣ былъ и его любимый Атаманскій полкъ.

Полкомъ командовалъ маіоръ Степанъ Ѳедоровичъ Балабинъ ([14]).

Въ это время атаманцы носили уже одноформенные мундиры и шаравары. 18 августа 1801 года приказано было атаман-

цамъ вмѣсто прежнихъ длинныхъ кафтановъ носить чекмени изъ темносиняго сукна съ голубыми выпушками по воротнику и обшлагамъ, шаравары съ голубымъ лампасомъ, сапоги короткіе, у офицеровъ и урядниковъ со шпорами, у казаковъ безъ шпоръ. Шапки черныя высокія, барашковыя, съ султаномъ изъ бѣлыхъ, а на корнѣ черныхъ и оранжевыхъ перьевъ, съ кистями изъ бѣлаго шолка. Чекмени подпоясывались бѣлыми кушаками. Патронташи и портупеи были черной кожи. Въ лѣтнее время вмѣсто чекменей носились куртки, заправлявшіяся въ шаровары ([15]) Видъ у Атаманскаго полка былъ очень красивый. Одинъ русскій офицеръ, видавшій его въ 1807 году въ нѣмецкой землѣ, пишетъ, какъ мимо него пронесся знаменитый донской атаманъ со своимъ полкомъ:

„Матвѣй Ивановичъ Платовъ, сухощавый, уже не молодой человѣкъ, ѣхалъ, согнувшись, на небольшой лошади, размахивая нагайкой. За нимъ стройно по три шелъ его геройскій полкъ. Всѣ казаки Атаманскаго полка носили тогда бороды и у всѣхъ бороды были почти до пояса. Одѣты казаки были въ голубыя куртки и шаравары, на головѣ имѣли бараньи шапки, подпоясаны были широкими потронташами изъ краснаго сафьяна, за которыми было по два пистолета. У каждаго казака за плечами висѣла длинная винтовка, а черезъ плечо, на ремнѣ нагайка съ свинцовою пулею на концѣ, сабля на боку и дротикъ въ рукѣ на перевѣсъ. Люди были подобранные, высокаго роста, плотные, красивые, почти всѣ черноволосые, Весело и страшно было смотрѣть на нихъ" ([16]).

Осенью 1806 года атаманцы простились съ Черкасскомъ и родными станицами и пошли въ походъ. Въ концѣ февраля полкъ сталъ въ передовой линіи за Прусской границей.

Тяжелая служба на заставахъ выпала на долю нашего полка. 28 февраля полкъ принялъ боевое крещеніе.

На зарѣ прискакалъ казакъ изъ передовой цѣпи и доложилъ, что „французъ наступаетъ". Атаманцы посѣдлали коней и поска-

Атаманскій полкъ въ 1801—1809 году.

Казакъ въ зимнемъ кафтанѣ и урядникъ въ лѣтней курткѣ ([163]).

кали навстрѣчу. Мѣсто было лѣсное, грунтъ топкій. Французы заняли опушку лѣса и начали обстрѣливать наши сотни.

Атаманцы спѣшились и съ ружьями въ рукахъ побѣжали къ лѣсу. Французы испугались и стали выходить на опушку. Какъ только они вышли на чистое, подскакали коноводы къ стрѣлкамъ, казаки вскочили на коней и дружно въ дротики атаковали французовъ. Непріятель убѣжалъ въ деревушку Гронау и залегъ въ ней за плетнями и заборами. Его конница пыталась остановить казаковъ, но атаманцы опрокинули ее, влетѣли въ деревню и, перескочивъ черезъ плетни, насѣли на французовъ. Одни изъ французовъ бросали оружіе и просили пощады, другіе бѣжали въ разбродъ, куда попало. Вечерѣло. Короткій зимній день приходилъ къ концу. Атаманъ, бывшій при полку, приказалъ прекратить бой.

Нашъ командиръ, маіоръ Балабинъ, былъ легко раненъ, но не оставилъ своего мѣста и продолжалъ командовать полкомъ. Атаманцы взяли въ плѣнъ 2-хъ французскихъ офицеровъ и 60 солдатъ ([17]).

И такія схватки были почти каждый день. Французы пытались захватить нѣмецкія деревушки, казаки не пускали ихъ, отчаянно атакуя своими заставами французскіе полки.

Тѣ сотни, которыя отдыхали отъ службы на заставахъ, стояли по деревнямъ. Казаки помнили завѣтъ солдатскій: „*обывателя не грабь — онъ насъ поитъ и кормитъ*“ и дружили съ нѣмцами. И на какомъ языкѣ говорили съ ними наши дѣды—Богъ знаетъ, но только ихъ понимали. Въ хатѣ казакъ помогалъ хозяину-нѣмцу въ работахъ, приходилъ французъ—онъ защищалъ его отъ врага. За то и полюбили нѣмцы нашихъ казаковъ.

Однажды наша застава возвращалась со службы домой. Дѣло было уже весной, было жарко.

Казаки притомились. Навстрѣчу къ нимъ выбѣжали нѣмецкіе ребятишки и кричали „ура!“ Въ это время по дорогѣ шли женщины, возвращавшіяся съ полей съ молокомъ. Мальчишки

увидали ихъ, съ громкимъ гикомъ атаковали, отобрали молоко и принесли его своимъ усталымъ друзьямъ-казакамъ.

— Можно ли пить-то? спрашивали казаки у бабъ. Тѣ смѣялись и кивали головами, дескать—можно, кушайте на здоровье ([18]).

Страшный для непріятеля въ бою, казакъ послѣ боя скоро сживался съ нимъ и былъ хорошимъ товарищемъ. Зла казакъ не помнилъ. Съ однимъ изъ дѣдовъ нашихъ въ эту войну былъ такой случай.

Возвращаясь съ границы въ армію, нашъ казакъ въ городѣ Гродно зашелъ въ трактиръ и увидѣлъ тамъ французскаго офицера, котораго онъ недавно взялъ въ плѣнъ. Офицеръ этотъ подошелъ къ казаку и благодарилъ его за то, что тотъ ему сохранилъ жизнь. Разговорились. Конечно, знаками, да кое-какими словами. Казакъ немного научился по-французски, французъ узналъ нѣсколько русскихъ словъ. Какъ водится, выпили и закусили. Французскій офицеръ хотѣлъ заплатить, но атаманецъ предупредилъ его.

— Послушай, камрадъ,—сказалъ онъ,—ты и при взятіи въ плѣнъ не былъ денеженъ, а теперь, я думаю, и того меньше, такъ уже лучше я заплачу за обѣдъ".

Прощаясь съ нимъ, казакъ усиленными просьбами принудилъ французскаго офицера взять отъ него тридцать рублей серебромъ ([18]).

А на заставахъ тѣмъ временемъ круто приходилось казакамъ. Иной разъ непріятель наступалъ въ большомъ числѣ и казаки должны были его отражать, не щадя своей жизни.

14 марта сильный отрядъ французовъ оттѣснилъ казачью заставу и подошелъ къ мѣстечку Ортельсбургу, гдѣ находился Атаманскаго полка есаулъ Шульгинъ съ двумя сотнями. Застава прискакала къ Шульгину въ большомъ смятеніи.

— Непріятель валомъ валитъ, кричали казаки, и все конные. Заразъ будутъ здѣсь! Отступайте!

„Ну нѣтъ", подумалъ Шульгинъ, „не на то пришли мы

сюда, чтобы отступать, а затѣмъ, чтобы заслужить себѣ громкую славу“!

— По конямъ!

Два казака поскакали съ донесеніями:—одинъ къ атаману, другой къ сосѣдямъ—Павлоградскимъ гусарамъ.

Не считая врага, съ громкимъ гикомъ поскакали казаки на французскіе эскадроны. Первый эскадронъ не выдержалъ и повернулъ, но задніе построили фронтъ и устремились на наши сотни. Сверкнула шашка въ рукахъ у Шульгина и живо разсыпались казаки въ лаву. Отстрѣливаясь съ коня, атакуя въ пики, отступали казаки. Каждая деревушка обращалась въ крѣпость, каждый плетень давалъ случай казакамъ спѣшиться и обстрѣлять французовъ. Но ихъ было много и казаки уже покидали свою стоянку. Какъ вдругъ вдали показалась пыль. То скакалъ маіоръ Игельстромъ съ двумя эскадронами гусаръ.

— Не опоздали? спросилъ онъ у нашего есаула.

— Въ самый разъ! отвѣчалъ Шульгинъ.

Сотни собрались. И атаманцы и гусары ринулись въ атаку и снова прогнали французовъ далеко за Ортельсбургъ ([18]).

На войнѣ иногда бываютъ и смѣшныя приключенія. Такъ, однажды, неисправные наши атаманцы, которыхъ въ мирное время строго бы взыскали за опозданіе въ строй, были причиной нашей побѣды.

Это было уже въ серединѣ апрѣля у селенія Едвабно.

Сильный французскій отрядъ занялъ позицію въ лѣсу. Атаманцы и Павлоградскіе гусары были вызваны по тревогѣ и напрасно пытались выбить француза изъ лѣса. Непріятель отвѣчалъ ружейнымъ огнемъ и наши атаки были безуспѣшны.

Тогда маіоръ Балабинъ спѣшилъ нашъ полкъ и разсыпалъ казаковъ въ цѣпь. Едва раздались первые выстрѣлы атаманцевъ, какъ непріятель бѣжалъ, хотя былъ гораздо сильнѣе нашихъ.

Что же оказалось?

Извѣстно, у плохого казака дѣло никогда не клеится. А

тѣмъ болѣе во время тревоги. Другой уже коня посѣдлалъ и въ строй сталъ, а онъ винтовку не найдетъ. Бѣгаетъ, мечется, а она надъ яслями повѣшена. У другого потники пропали. Третій бранится—„вишь ты, пика виклятая куда запропала". Всѣ уже уѣхали, сражаются, а эти все возятся.

Вотъ такихъ-то опоздавшихъ набралась порядочная компанія. Когда наши сотни спѣшились и начали стрѣлять, они толпой поскакали на свои мѣста. Французы увидали пыль, да еще въ разныхъ мѣстахъ и подумали, что это идутъ къ русскимъ подкрѣпленія, испугались и отступили ([18])....

Въ маѣ мѣсяцѣ нашимъ дѣдамъ удалось отбить большой обозъ, послѣ этого нѣсколько дней Атаманскій полкъ отдыхалъ. Въ эти дни совершенно неожиданно на плохой позиціи было сраженіе нашей арміи съ французской. Сраженіе было неудачно и наши войска отступили.

Прикрывать это отступленіе должны были казаки. Въ каждой деревушкѣ спѣшивались атаманцы, заставляли французовъ развертываться, атаковали ихъ, а потомъ снова отступали. Такъ подошли они къ Нѣману. Нашъ полкъ долженъ былъ прикрыть собою переправу другихъ полковъ.

Уже всѣ переправились на ту сторону и послѣдній нашъ разъѣздъ подъ напоромъ французскихъ конныхъ егерей отходилъ къ городу Тильзиту, гдѣ былъ мостъ, какъ вдругъ у атаманскаго офицера лопнула на сѣдлѣ подпруга. Онъ слѣзъ и сталъ поправлять сѣдло. Вѣстовой его хотѣлъ было ему помочь, но онъ отпустилъ его. Французы замѣтили одинокаго атаманца и поскакали къ нему. Офицеръ нашъ въ это время уже справился и хотѣлъ догнать своихъ, но конные егеря пересѣкли ему дорогу. Тогда атаманецъ далъ шпоры коню, поскакалъ прямо къ рѣкѣ и съ обрыва бросился въ воду. Какъ вкопанные остановились французы, не смѣя послѣдовать за храбрымъ офицеромъ. А онъ, соскочивъ съ сѣдла и ухватившись за гриву, плылъ рядомъ съ лошадью. Французы спѣшились и стали стрѣлять по нему. Но

ружья тогда были плохія, кремневыя,—Богъ былъ защитой храбраго и онъ благополучно добрался до нашего берега.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этой переправы 7-го іюня 1807 года былъ заключенъ миръ между Россіей и Франціей. Нѣмцы оказались плохими союзниками, выгоды Россіи требовали мира, а Наполеонъ его просилъ.

Атаманцы возвращались домой въ Черкасскъ.

Въ эту войну атаманъ Платовъ близко познакомился съ нашимъ полкомъ и полюбилъ его. Съ этихъ поръ онъ не разставался съ атаманцами. Командиръ нашъ Балабинъ за эту войну украсился орденомъ св. Георгія 4-ст.

Изъ двадцати семи нашихъ офицеровъ тринадцать получили золотыя сабли „за храбрость“, а двадцать три урядника и казака были удостоены награжденія знаками отличія Военнаго ордена.

Сотникъ Кудиновъ и хорунжій Харитоновъ нашли славную смерть въ бою при Малгѣ 30 апрѣля ([19]).

Залегли цѣпью въ лавѣ ([166]).

ГЛАВА V.

Противъ турокъ въ 1809 году.

Походъ въ Молдавію.—Дѣло подъ Рассеватомъ.—Подвигъ сотника Яновскаго.—Подвигъ есаула Мельникова въ разъѣздѣ.—Тартарицкое сраженіе.—Осада Силистріи.—Возвращеніе на Донъ.

Года не пробыли казаки у себя по станицамъ и хуторамъ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1808 года Атаманскій полкъ пришелъ походомъ въ Молдавскія степи, гдѣ мы воевали съ турками уже третій годъ.

Война затянулась. Время было осеннее, степь размокла, дороги стали тяжелыя. На долю нашего полка досталось подаваться шагъ за шагомъ къ Дунаю и помогать пѣхотѣ овладѣвать крѣпостями. Цѣлый годъ прошелъ, миновало жаркое лѣто, многихъ атаманцевъ уже недосчитывалось въ строю, не одно турецкое знамя было въ рукахъ у нашихъ дѣдовъ, а войска наши все еще не дошли до Дуная.

Наконецъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ русскія войска подошли къ городу Рассевату, у котораго собралась турецкая армія. Бой начался на разсвѣтѣ 4-го сентября. Едва поднялось солнце, какъ казаки увидали турецкихъ всадниковъ, выходящихъ изъ Рассеватскихъ воротъ. Украшенные золотомъ и серебромъ, въ пестрыхъ

чалмахъ съ бунчуками, на древкахъ которыхъ сверкалъ полумѣсяцъ, они привлекли вниманіе нашихъ заставъ.

По приказанію полковника Балабина, нашъ полкъ собрался и атаковалъ турокъ, потѣснивъ ихъ къ городскимъ стѣнамъ. Но оттуда показалась пѣхота, раздались выстрѣлы изъ орудій и нашъ полкъ отошелъ въ резервъ.

Начался пѣхотный бой. День былъ жаркій, солдаты дрались, снявши рубахи. Послѣ полудня наши колонны съ музыкой пошли на приступъ—турки дрогнули и побѣжали. Атаманцамъ и тремъ казачьимъ полкамъ было приказано преслѣдовать турокъ по пятамъ.

Вихремъ вынеслись наши. Пощады не было никому. Казаки рубили и кололи турокъ и на измученныхъ лошадяхъ гнали ихъ болѣе 18-ти верстъ. И вдругъ они замѣтили 10 мачтовыхъ лодокъ, на которыхъ спасались турецкія войска. Вѣтеръ раздувалъ паруса, турки гребли отчаянно и уходили на другой берегъ. Наша донская батарея полковника Карпова выскочила впередъ и нѣсколькими выстрѣлами потопила четыре лодки, но шесть благополучно пристали къ берегу и стали разгружаться.

Не стерпѣли атаманцы. Сотникъ Яновскій далъ шпоры коню и влетѣлъ въ холодныя волны Дуная. А Дунай здѣсь версты двѣ ширины. За нимъ, не раздѣваясь, не задерживаясь, поскакали казаки. Вся рѣка покрылась плывущими атаманцами. Турки растерялись. Они бросали оружіе и торопились подняться на высокій берегъ и бѣжать отъ нашихъ. Но наши настигли ихъ и многихъ забрали въ плѣнъ. Уже было темно, когда съ веселыми пѣснями на шести лодкахъ плыли атаманцы, везя съ собою богатую добычу и многихъ плѣнныхъ ([20]).

Этотъ бой подъ Рассеватомъ—славный день для Атаманскаго полка. Отъ разсвѣта и до заката дрались наши дѣды, то верхомъ, атакуя турецкихъ наѣздниковъ, то стрѣльбой помогая пѣхотѣ, то преслѣдуя, не зная усталости, не зная преградъ. Но въ этотъ день нашъ полкъ потерялъ убитыми есаула Соколова и хорунжаго Богачева и многихъ казаковъ. Зато трое нашихъ урядниковъ

за расторопность и храбрость въ этомъ дѣлѣ были произведены въ хорунжіе, 13 урядниковъ и 24 казака получили знаки отличія Военнаго ордена. А всѣмъ вообще казакамъ нашего полка главнокомандующій приказалъ выдать по 1 рублю на человѣка ([21]).

Послѣ этого дѣла нашъ полкъ пошелъ къ крѣпости Шумлѣ и опять разбился по заставамъ и разъѣздамъ.

Въ разъѣздѣ нужно быть всегда смѣлымъ и рѣшительнымъ. На войнѣ выигрываетъ не тотъ разъѣздъ, гдѣ людей больше, а тотъ, гдѣ люди храбрѣе. Такъ, 17 сентября есаулъ нашего полка Мельниковъ шелъ съ разъѣздомъ изъ пятнадцати казаковъ къ крѣпости Шумлѣ. За поворотомъ дороги онъ неожиданно наткнулся на турецкій отрядъ человѣкъ въ тридцать. Не задумываясь Мельниковъ выхватилъ саблю изъ ноженъ и кинулся въ атаку на турокъ. Турки оторопѣли и повернули! Наши лошади уже устали и не могли догнать ихъ. Тогда казаки взялись за ружья и съ коня стали бить турокъ. Троихъ убили, да четырехъ захватили въ плѣнъ. Увлекшись атакой, Мельниковъ и не замѣтилъ, какъ на помощь туркамъ выскочила изъ Шумлы партія въ 300 человѣкъ. Останавливаться было поздно, дорога узкая, между горъ. Развернуться туркамъ негдѣ, хотя ихъ и триста, а нашихъ только пятнадцать,—но таково вліяніе храбрости:—турки повернули отъ нашихъ славныхъ удальцовъ ([21]).

Такія стычки между разъѣздами были почти ежедневно. Но иногда и всему полку приходилось собираться вмѣстѣ, чтобы отражать вылазки турокъ. Такъ, 23 сентября у дер. Калипетри нашъ полкъ съ Бѣлорусскимъ гусарскимъ полкомъ и пятью казачьими полками завершилъ славное дѣло нашей пѣхоты лихой атакой. Турки бѣжали подъ ударами нашихъ дѣдовъ. Атаманцы гнали ихъ 15 верстъ. Пѣшая армія ихъ была уничтожена. Бригадный турецкій генералъ, двухбунчужный паша Махмудъ-Ширанъ, 10 офицеровъ, 92 солдата и 2 знамени были взяты нашимъ полкомъ. Правда, у насъ было убито 4 казака, тяжело раненъ хорунжій Боровковъ, 1 урядникъ и 9 казаковъ, да убито 20 лошадей ([22])....

Но сами знаете—на войнѣ не безъ урона.

Пѣхота наша тѣмъ временемъ подъ защитой донцовъ рыла окопы и окружала крѣпость Силистрію тѣснымъ кольцомъ траншей.

Турки старались препятствовать нашимъ войскамъ овладѣть крѣпостью. 9 октября ихъ армія подошла на помощь къ осажденнымъ и заняла позицію у деревни Тартарицы.

Загремѣли орудія, застучали штуцера пѣхоты. Солдатъ не хватало, чтобы отвѣчать на выстрѣлы турокъ. Вызвали казаковъ. 150 охотниковъ нашего полка разсыпались въ цѣпь противъ турецкихъ янычаръ. Позиція турокъ была крѣпка и турки смѣло оборонялись. Наши полтораста удальцовъ пѣшкомъ вмѣстѣ съ пѣхотой бросились на приступъ Тартарицкихъ валовъ. Турецкіе янычары — отборное войско, сверкая кривыми саблями—ятаганами—выскочили навстрѣчу нашимъ. Картечь пушекъ, дружное ура пѣхоты и казаковъ остановили ихъ. Турки поколебались. Казаки кинулись къ конямъ, къ нимъ присоединились и коноводы и съ гикомъ насѣли они на турокъ. Турки бросились въ горы. Казаки, подкрѣпляемые Сѣверскими драгунами и Бѣлорусскими гусарами, влетѣли въ турецкую батарею и порубили прислугу, 4 турецкихъ знамени были захвачены. Въ полномъ безпорядкѣ, перемѣшавшись съ турками, среди камней и мертвыхъ тѣлъ, рубились атаманцы. Наступалъ вечеръ. Наша пѣхота занимала отбитую позицію. Казаки собирались къ своимъ офицерамъ. Это было тяжелое дѣло для Атаманскаго полка. Сотникъ Сариновъ, хорунжій Балабинъ и 380 казаковъ было ранено. Убито 275 лошадей и ранено 203. Нашъ полкъ уменьшился почти вдвое, трое урядниковъ за отмѣнную храбрость получили чины хорунжаго ([22])...

Между тѣмъ, несмотря на всѣ подвиги нашихъ войскъ, Силистріей овладѣть не удавалось. Наступила вторая осень и казаки, не ожидавшіе такого продолжительнаго похода, оказались въ тяжеломъ положеніи. Обмундированіе у атаманцевъ было свое, а не казенное. Мундиры изорвались, шинели и полушубки не

грѣли. Палатокъ и въ заводѣ не было. Съ такой справой въ дождливую осень, на сквозномъ вѣтру, на морозѣ казаки сильно простужались. Къ тому же подчасъ и ѣсть было нечего. Въ походъ выступило 1170 казаковъ и 1122 лошади Атаманскаго полка, а къ концу 1809 года въ полку осталось живыхъ только 499 казаковъ ([22]). Больше половины было убито, умерло отъ ранъ, отъ голода, отъ болѣзней. Но дѣды наши не тужили, свято исполняя присягу. Каждый день, несмотря ни на вьюгу, ни на снѣгъ, уходили въ горы разъѣзды, заставы занимали свои урочныя мѣста.

Съ весной возобновились военныя дѣйствія. Не мало досталось работы въ нихъ казакамъ. Наконецъ, 16-го февраля нашъ полкъ былъ отозванъ домой.

За два съ половиной года войны въ Турціи полкъ потерялъ 671 казака. Сто казаковъ и урядниковъ имѣли георгіевскіе кресты. Рѣдкая грудь атаманца не была украшена черной съ желтымъ ленточкой и бѣлымъ крестомъ, 10 знаменъ и 40 пушекъ были взяты казаками во многихъ схваткахъ съ турками. Не мало досталось казакамъ и добычи, которую они брали при преслѣдованіи турецкихъ полковъ на многія версты.

Эта война познакомила казаковъ съ турками и упрочила за Атаманскимъ полкомъ славное имя, заслуженное въ 1807 году.

По возвращеніи на Донъ полковникъ Балабинъ спѣшно сталъ комплектовать и обучать свой полкъ. Новая громкая слава ожидала храбрыхъ дѣдовъ нашихъ.

Имъ, счастливцамъ, досталась сладкая доля умереть, защищая Россію, быть истинными героями знаменитой отечественной войны.

Обѣдъ въ дер. Пудости ([165]).
1886 г.

ГЛАВА VI.

Атаманцы задерживаютъ французовъ, наступающихъ къ Москвѣ.

Походъ къ Гродно.—Отступленіе.—Дѣло у мѣстечка Миръ.—Подъ Молевымъ Болотомъ.—Пріѣздъ Кутузова.—Къ Бородинскому полю.

Въ 1812 году Императоръ французскій Наполеонъ задумалъ завоевать земли нашего Царя. Онъ собралъ большое войско, болѣе двухсотъ тысячъ человѣкъ. Въ войскѣ этомъ были нѣмцы, французы, итальянцы и поляки.

Русскія войска пошли къ границѣ. Великимъ постомъ атаманцы въ тысячномъ составѣ подъ командой героя прусскаго похода и турецкой войны полковника Балабина выступили изъ Черкасска и пошли къ городу Гроднѣ, гдѣ собиралась наша кавалерія.

11 іюня Наполеонъ перешелъ черезъ р. Нѣманъ:—война началась.

Войска наши отступали вглубь Россіи, къ Москвѣ. Отступленіе это прикрывалъ атаманъ Платовъ съ казаками.

Каждый день дрались атаманцы съ французскими разъѣздами и головными частями, не допуская ихъ приблизиться къ нашимъ войскамъ.

Крестьяне сжигали деревни, косили хлѣбъ на корню, чтобы не дать его французамъ, но отъ этого не мало страдали и наши казаки. Вмѣсто ночлега они находили однѣ развалины, вмѣсто корма одну полову.

Въ нашей арміи происходили задержки, тогда французы напирали, собирались цѣлые полки и происходили кровопролитныя схватки съ казаками. Такъ, черезъ двѣ недѣли послѣ начала войны, 27 іюня Платовъ узналъ, что три колонны кавалеріи графа Турно намѣрены атаковать казаковъ.

Платовъ рѣшилъ заманить ихъ въ засаду, какъ рыбу ловятъ въ вентерь. У деревни Миръ онъ поставилъ большую часть своихъ полковъ и артиллерію, а двумъ сотнямъ Атаманскаго полка приказалъ разсыпаться въ лаву и заманить полки на засаду.

Казачья хитрость удалась. Отстрѣливаясь съ коня наши сотни расходились по крыльямъ. Французскіе эскадроны погнались въ эту прорѣху... Раздался свистокъ и остальныя наши сотни съ гикомъ, склонивши пики, бросились на непріятеля. Черезъ минуту все перемѣшалось. Поляки, бывшіе въ рядахъ французовъ, не сдавались, но храбро рубились. Сѣча была страшная. Но нашимъ досталось сравнительно мало, потому что очень стремительно атаковали французовъ, не давъ поддержаться имъ огнемъ.

Это была первая наша побѣда надъ французами въ эту войну. Почти всѣ офицеры получили ордена, семь хорунжихъ за храбрость произведены въ сотники и четверо урядниковъ получили чинъ хорунжаго ([23]).

Но потомъ вышелъ опять приказъ отступать и казаки потянулись назадъ къ Москвѣ.

Маленькія схватки не прекращались. Большое же дѣло произошло ровно черезъ мѣсяцъ 27-го іюля у деревни Молево Болото.

Пять полковъ кавалеріи и одинъ пѣхотный заняли эту деревню. Платовъ послалъ противъ нихъ два полка казаковъ и двѣ сотни башкиръ.

Французская пѣхота открыла по нимъ огонь, но казаки заставили ее отступить, проскакали черезъ деревню, но здѣсь наткнулись на пять кавалерійскихъ полковъ, уже готовыхъ къ атакѣ.

Не сдобровать бы донцамъ! Но Платовъ послалъ имъ на помощь атаманцевъ и два казачьихъ полка.

Французы подняли лошадей въ карьеръ и столкнулись съ донцами. Офицеры подавали примѣръ храбрости казакамъ, казаки отъ нихъ не отставали. Нашего полка войсковые старшины Копылковъ и Яновъ и есаулъ Пантелѣевъ, несмотря на то, что французовъ было вдвое больше и что съ фланга стрѣляла по нимъ пѣхота — повели свои сотни на французовъ и прогнали ихъ въ дер. Лешню. Сотники Фоминъ и Быкадоровъ собственноручно рубили непріятеля, сами были ранены во многихъ мѣстахъ и замертво увезены съ поля битвы. Сотни перемѣшались. Дрались отдѣльными кучками. Вотъ показалась не атакованная часть. Наши хорунжіе Свиридовъ, Акимовъ и Каймашниковъ, всѣ три разныхъ сотенъ, несмотря на страшный огонь пѣхоты, увлекли за собой нѣсколько атаманцевъ и врубились въ уланскій эскадронъ. Всѣ трое были тяжело ранены, но уланы опрокинуты и бѣжали. Полкъ лишился пятерыхъ храбрыхъ офицеровъ. Ихъ мѣсто заняли урядники Копылковъ, Касаркинъ, Панкратовъ, Пухляковъ и Сариновъ. Они выскочили впередъ и, ободряя товарищей крикомъ, бросились преслѣдовать бѣгущаго непріятеля, рубя и коля его...

А въ то время, какъ все поле впереди деревни Молево Бо-

лото было покрыто сражающимися всадниками, французскіе стрѣлки и нѣсколько спѣшившихся кавалеристовъ бѣгомъ бросились на нашу батарею, по непростительной оплошности оставшуюся безъ прикрытія.

Прислуга и лошади были переранены ружейными выстрѣлами. Часть кавалерійскаго полка скакала, чтобы захватить самыя орудія.

Тогда ординарцы Платова — нашего полка сотникъ Шершневъ и хорунжіе Девяткинъ и Протопоповъ, собравъ горсть вѣстовыхъ и ближнихъ казаковъ разныхъ полковъ, бросились съ ними на выручку батареи.

Это движеніе было замѣчено, къ нимъ пристали остатки казачьихъ полковъ и батарея была спасена.

Непріятель отступалъ по всей линіи. Казаки гнали его двѣ версты. Тутъ подоспѣли три нашихъ гусарскихъ полка — и, поручивъ имъ преслѣдованіе французовъ, Платовъ созвалъ свои полки.

Устали лошади. Люди измучились. Многихъ не досчитывалось въ нашемъ полку. Хорунжій Агѣевъ, 7 казаковъ и 17 лошадей было убито; ранено шесть офицеровъ, 29 урядниковъ и казаковъ и 15 лошадей. Два офицера были награждены за это дѣло золотыми саблями „за храбрость", многіе произведены въ слѣдующіе чины, а тѣ пять урядниковъ, что замѣнили въ разгарѣ боя раненыхъ офицеровъ — получили въ награду чины хорунжаго.

Это дѣло было однимъ изъ славныхъ дѣлъ нашего полка. Полкъ участвовалъ въ немъ весь, всѣми десятью сотнями атакуя противника... Масса плѣнныхъ и добычи досталось казакамъ ([24]).

А на завтра—опять отступать...

Казакамъ, да и всѣмъ русскимъ хотѣлось драться, побѣждать, а имъ приказывали отступать...

Ворчали старики.
Чтожъ мы! На зимнія квартиры?
Не смѣютъ что ли командиры
Чужіе изорвать мундиры
О русскіе штыки([25]).

Нашъ полкъ таялъ. За эти два мѣсяца отступленія мы потеряли убитыми и ранеными 300 человѣкъ ([26]). Наши дѣды не знали сна. Развѣ въ сѣдлѣ вздремнетъ усталый станичникъ, качаясь на родномъ конѣ... И то сейчасъ же встрепенется. Страшно... Кругомъ непріятель.

Но вотъ дошли до казаковъ слухи, что скоро будетъ большое рѣшительное сраженіе, что отступать наша армія больше не будетъ.

Командовать арміей былъ назначенъ генералъ-фельдмаршалъ Кутузовъ.

„Пріѣхалъ Кутузовъ бить французовъ", шутили солдаты.

Когда онъ дѣлалъ смотръ войскамъ, надъ нимъ взвился орелъ... „Хорошая примѣта"—говорили въ полкахъ. „Насъ ожидаетъ побѣда".

На 26-е августа было приказано нашимъ войскамъ стягиваться къ селу Бородину, гдѣ рѣшено было на укрѣпленной позиціи встрѣтить французовъ... ([27]).

На бивакѣ на Гатчинскомъ плацу ([166]).

ГЛАВА VII.

Атаманцы выгоняютъ французовъ изъ Россіи.

Бородинскій бой. — Въ лагерѣ подъ Москвой. — Сраженіе на р. Чернишнѣ. — Атаманцы гонятъ Наполеона. — Безкорыстіе казаковъ. — Пожертвованіе серебра на церкви. — Переходъ черезъ границу.

Съ восхода солнца и до самой ночи 26-го августа 1812 года непрерывно гремѣли орудія подъ Бородинымъ. Наша армія защищала Москву, Наполеонъ старался пробиться къ ней.

Въ день Бородинскаго сраженія нашъ полкъ былъ раздѣленъ на двѣ части. Двѣ сотни подъ командой есаула Пантелѣева вошли въ составъ казачьяго отряда Платова и должны были оберегать правый флангъ нашей позиціи, а остальныя пять сотенъ съ полковымъ командиромъ полковникомъ Балабинымъ ушли на пятнадцать верстъ въ сторону, для охраненія лѣваго

фланга. Трехъ сотенъ уже не существовало. Полкъ за убылью офицеровъ и казаковъ былъ разсчитанъ на семь сотенъ.

Сотни Балабина развлекали французскую кавалерію маяченіемъ лавой и даже успѣли взять нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ ([28]).

На долю сотенъ Пантелѣева выпало совершить удалой поискъ къ обозамъ непріятеля и помѣшать Наполеону побѣдить Кутузова.

Послѣ полудня многія наши орудія были подбиты. Нѣкоторые полки были уничтожены, часть позиціи занята. Французы готовились къ послѣдней рѣшительной атакѣ....

Въ это время Наполеону донесли, что въ тылу французскихъ войскъ хозяйничаютъ казаки.

Это были атаманскія сотни Пантелѣева и казачьи полки, предводимые Платовымъ; они въ разгарѣ боя перешли въ бродъ рѣку Колочу, опрокинули стоявшій въ лѣсу 84-й пѣхотный французскій линейный полкъ и наскочили на обозы.

Не въ первый разъ добирались наши дѣды до французскихъ повозокъ. Офицерскіе деньщики, кучера и повара, бывшіе при обозѣ, бѣжали, неистово крича, въ самые ряды французскихъ войскъ. Извѣстіе, что сзади находятся казаки, пронеслось по полкамъ и они дрогнули. Атака французовъ на русскую позицію не состоялась....

Цѣлыхъ три часа хозяйничали казаки въ обозѣ Наполеона. Наконецъ, пришло приказаніе вернуться за рѣку Колочу и быть готовымъ на случай атаки ([28]).

Но атаки не было: Кутузовъ рѣшилъ лучше сохранить армію и отдать Москву,—Наполеонъ побоялся жертвовать своими послѣдними резервами.

Темнота прекратила бой. Обѣ арміи остались на занятыхъ еще утромъ мѣстахъ.

Въ полночь русскія войска поднялись съ позиціи и начали медленно отступать. Между ними и французами стали казаки.

Въ началѣ сентября наши сотни прошли черезъ покинутую

жителями Москву и расположились лагеремъ въ десяти верстахъ отъ нея. Французы заняли Москву.

Лагерь нашего полка обратился въ скопище бездомныхъ бродягъ и нищихъ, больныхъ и сиротъ. Французскіе солдаты, позабывъ дисциплину, нападали на безоружныхъ жителей. Бѣдняки, не имѣвшіе средствъ переѣхать въ другіе города находили спасеніе у казаковъ.

Наши дѣды дарили имъ платье, кормили и поили ихъ. Атаманцы не боялись французскихъ грабителей. Они нападали на нихъ, отнимали награбленный хлѣбъ, скотъ и теплую одежду и привозили тѣмъ несчастнымъ, которые укрывались у нихъ ([29]).

Въ Москвѣ у французовъ скоро начался голодъ. Разграбивъ магазины, французы имѣли много вина, дорогихъ матерій, но не было у нихъ хлѣба и мяса. Солдаты перестали слушаться офицеровъ и безобразили по городу. Отряды, отправлявшіеся на фуражировку, боялись казаковъ и возвращались съ пустыми руками.

Наступила холодная осень. Лили дожди. У французскихъ солдатъ не было ни полушубковъ, ни шинелей:—никакой теплой одежды.

Наполеонъ просилъ мира у Императора Александра Павловича, но, пока хоть одинъ французъ былъ на русской землѣ, Императоръ Александръ и слышать не желалъ о мирѣ.

Простоявъ около мѣсяца въ Москвѣ—французы начали отступать. Казаки послѣдовали за ними, окруживъ ихъ армію плотнымъ кольцомъ.

Нашъ полкъ входилъ въ отрядъ графа Орлова-Денисова.

6 октября казачій отрядъ близко подошелъ къ рѣкѣ Чернишнѣ, гдѣ стоялъ бивакомъ Мюратъ, одинъ изъ главныхъ помощниковъ Наполеона.

Казаки донесли, что лошади у французскихъ кирасиръ плоховаты, охраненіе слабое, и что на Мюрата можно напасть.

Рѣшено было атаковать Мюрата съ трехъ сторонъ. Съ двухъ должна была идти пѣхота, а съ третьей казаки. Атака должна была совершиться одновременно, по часамъ.

Сраженіе при Тарушинѣ 6 октября 1812 г. ([168]).

Но пѣхота заблудилась ночью въ лѣсу и не пришла во-время на опушку. Наступило утро, французы поднялись, повели лошадей на водопой, начали разводить огни. Время уходило...

Тогда Орловъ-Денисовъ вызвалъ охотниковъ, которые должны были начать атаку.

Изъ Атаманскаго полка вызвались хорунжіе, Силкинъ, Еремкинъ, Егоровъ, Гульцовъ, Алешинъ, Шильченковъ, Иванковъ, Ульяновъ, Макаровъ и Нефедовъ, шесть урядниковъ и болѣе двухсотъ казаковъ. Они разсыпались лавой и съ дружнымъ гикомъ поскакали на лагерь.

Французы поспѣшно расхватали ружья и стали въ тѣсныя колонны. Часть кирасиръ и карабинеровъ вскочила на лошадей и встрѣтила въ безпорядкѣ атаманцевъ. Артиллеристы торопились повернуть орудія противъ горсти нашихъ охотниковъ.

Наши офицеры сами рубили непріятеля, подавая примѣръ казакамъ. Они отбили два зарядныхъ ящика и взяли нѣсколькихъ человѣкъ въ плѣнъ.

Нестройныя толпы кирасиръ были опрокинуты атаманской лавой и бѣжали. Часть казаковъ бросилась преслѣдовать ихъ, часть захватила батареи.

Оторопѣлые французы не знали, что дѣлать, въ кого стрѣлять... Часть кирасиръ, однако, успѣла изготовиться и поскакала къ лѣсу, откуда выходили наши сотни.

Есаулъ Лосевъ съ сотникомъ Балабинымъ, съ одной сотней атаманцевъ врубились въ пѣхотную колонну, опрокинули ее и добрались до артиллеріи. Сотникъ Балабинъ, собравъ свой взводъ, отнялъ и увезъ подъ картечнымъ огнемъ одно орудіе. Тѣмъ временемъ сотникъ Аркашаринъ, далеко отдѣлившись отъ сотни, скакалъ навстрѣчу французскимъ кирасирамъ.

Усталыя казачьи лошади еле поспѣвали за его быстрымъ конемъ. Кирасиры наскочили на него, разрубили ему голову и спину и, схвативъ съ сѣдла, поскакали съ нимъ въ сторону. Это увидали урядники его сотни.

— Выручай командира! крикнулъ сотникъ Галдинъ и, пробившись съ урядниками сквозь толпу кирасиръ, догналъ ихъ и вырвалъ тѣло своего товарища изъ рукъ французовъ.

Въ другомъ концѣ сотники Чеботаревъ, Поповъ, Краснянскій, Балабинъ и Каймашниковъ атаковали пѣхоту, которую послѣ долгаго сопротивленія смѣшали, сбили и обратили въ бѣгство, взявъ два зарядныхъ ящика.

Сотникъ Каймашниковъ былъ раненъ въ этомъ дѣлѣ въ голову.

Тѣмъ временемъ подоспѣла пѣхота и застучали выстрѣлы въ лѣсу.

Мюратъ поспѣшно отступалъ.

38 орудій и весь его лагерь достались въ добычу казакамъ ([30]).

Это дѣло на рѣкѣ Чернишнѣ у дер. Тарутино было первымъ дѣломъ, гдѣ мы атаковали французовъ, а не они насъ. Починъ этого дѣла, первый ударъ на французовъ, первое смятеніе среди нихъ произведены нашими атаманскими сотнями.

Всѣ офицеры нашего полка получили за это дѣло ордена, пятеро украсилось золотыми саблями за храбрость, шесть урядниковъ, бывшихъ въ охотникахъ, произведены въ хорунжіе.

Въ эти боевые осенніе дни 1812 года нашъ полкъ имѣлъ пестрый видъ. На многихъ атаманцахъ были одѣты французскіе мундиры, рѣдкій киверъ не былъ пробитъ пулей или штыкомъ. И лошади были разныхъ мастей и породъ. Были и рослые французскіе кирасирскіе кони, и маленькія крестьянскія лошадки, и уцѣлѣвшіе, испытанные въ бояхъ донскіе степняки ([29]).

На этихъ лошадяхъ нашъ полкъ погналъ французовъ.

Наполеонъ отступалъ по той же Смоленской дорогѣ, по которой и наступалъ. По пути его лежали разоренныя деревни. Продовольствія не было. Солдаты его арміи ѣли конское мясо, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ наши дѣды находили замерзшихъ французовъ, сидѣвшихъ возлѣ котловъ, въ которыхъ варилось человѣческое мясо...

Наступили ранніе холода, солдаты не могли отогрѣться около костровъ. Они кутались во что попало. Иные были одѣты въ бабьи кацавейки, другіе надѣвали священническія ризы, третьи кутались въ тяжелыхъ шубахъ. Холодъ и голодъ губили армію Наполеона.

Но и нашимъ дѣдамъ было не легче. И они шли по опустошеннымъ деревнямъ, не имѣя горячей пищи, день и ночь выгоняя французовъ. И у нихъ одежонка была не важная, порубленная и проколотая французскими шашками и штыками. И они умирали отъ холода и голода, умирали безропотно, молча, памятуя заповѣдь Христову—*больше сея любве никто же имать да кто душу свою положитъ за други своя.*

13 октября нашъ полкъ едва не захватилъ въ плѣнъ самого Наполеона.

Подъ вечеръ хмураго осенняго дня Атаманскаго полка полковникъ Кирсановъ увидалъ на дорогѣ близъ Малоярославца французскіе обозы. Прикрытіе при ихъ приближеніи бѣжало и казаки, проскакавъ мимо повозокъ, увидали небольшую кучку всадниковъ, ѣхавшихъ по дорогѣ.

Это былъ Наполеонъ и его генералы Коленкуръ и Раппъ, сопровождаемые адъютантами, ординарцами и вѣстовыми.

Эскадронъ свиты Наполеона кинулся навстрѣчу нашимъ сотнямъ и весь былъ уничтоженъ. Раппъ, схвативъ подъ уздцы лошадь Наполеона, поскакалъ съ нимъ отъ казаковъ. Ударомъ пики казакъ убилъ лошадь Раппа и она упала прикрывъ его собою. Только благодаря этому онъ и остался живъ. Казаки не знали, что маленькій, закутанный въ мѣховую куртку человѣкъ—Наполеонъ, и дали ему уйти, а сами направились на гвардейскую артиллерію, гдѣ отбили 11 пушекъ... ([31]).

И какъ досадовали они, когда узнали, кто былъ всадникъ на сѣрой лошади, котораго они хватали уже подъ уздцы!..

Теперь дѣла были каждый день. Но французы почти не оборонялись. Съ конца октября морозы окрѣпли. Птица падала, за-

мерзая на лету, деревья трещали. Атаманцы отбивали полузамерзшихъ плѣнныхъ сотнями, брали орудія. Въ отнятыхъ у непріятеля обозахъ казаки находили серебряныя ризы, снятыя со святыхъ иконъ, церковную утварь, одѣяніе священниковъ. И святая мысль запала тогда въ голову казакамъ.

Однажды къ полковому командиру пришелъ атаманскій казакъ Черкасской станицы Гаврило Чернишниковъ, принесъ слитки серебра до двухъ пудовъ вѣсомъ и сказалъ, что это серебро церковное и должно быть употреблено на церковь.

Командиръ сказалъ, что это не церковное, а литое серебро, и по правиламъ дѣлежа добычи принадлежитъ ему.

— Почему мы можемъ знать, ваше высокоблагородіе, сказалъ атаманецъ,—церковное, или не церковное то серебро. Про то Богъ одинъ вѣдаетъ. Можетъ быть, нечестивые злодѣи изъ ограбленнаго въ храмахъ слили это серебро. Не хочу принять грѣха на душу. Оставя у себя слитки, буду мучиться совѣстью. Милосердый Богъ сохранилъ мнѣ жизнь. Богу я посвящаю эту малую жертву. Дай Богъ здоровья нашему атаману! Онъ подалъ намъ благую мысль показать дѣломъ усердіе наше ко Всевышнему Творцу и святой вѣрѣ праотцевъ!.. ([32]).

Казакъ долженъ быть твердъ въ вѣрѣ и некорыстолюбивъ.

И дѣды наши не заботились о накопленіи богатствъ.

За Чернишниковымъ и другіе казаки понесли свою добычу полковымъ командирамъ и вскорѣ Платовъ передалъ 60 пудовъ серебра Главнокомандующему Кутузову и просилъ изъ этого серебра сдѣлать въ Казанскомъ соборѣ изображенія двѣнадцати апостоловъ... ([32]).

Если войти въ Казанскій соборъ со стороны Невскаго проспекта и подойти къ главному придѣлу, налѣво у входа, то можно увидѣть простую массивную серебряную рѣшетку. На ней старыми печатными буквами вырѣзано: **„усердное приношеніе войска Донского“.**

Часть этого серебра пожертвована нашимъ полкомъ.

2-го декабря атаманцы слѣдомъ за французами прошли въ г. Ковно.

3-го декабря въ Ковенскомъ городскомъ соборѣ служили торжественное молебствіе по случаю освобожденія Россіи отъ дванадесяти языковъ.

Атаманцы присутствовали на этомъ молебствіи...

Ихъ было 150 человѣкъ... ([33]).

11-го іюня, семь мѣсяцевъ тому назадъ, тысяча съ лишнимъ атаманцевъ встрѣтили на рѣкѣ Нѣманѣ французовъ и вотъ теперь въ холодный декабрьскій день 150 человѣкъ проводило ихъ за предѣлы Россіи.

Остальные девятьсотъ почти человѣкъ полегли за вѣру, Царя и Отечество. Одни убиты французами, другіе умерли отъ ранъ, отъ болѣзней, отъ мороза, даже отъ голода. Лишь бѣжавшихъ не было въ этомъ числѣ.

Семь мѣсяцевъ и день и ночь лицомъ къ лицу съ непріятелемъ стояли наши товарищи. Они видѣли французскую кавалерію на сытыхъ лошадяхъ въ роскошныхъ новыхъ мундирахъ, лихо атакующую наши сотни и они же проводили ее спѣшившуюся вслѣдствіе потери лошадей, одѣтую во что попало, безоружную и голодную...

1812-й годъ славнѣйшій годъ въ жизни Атаманскаго полка. Онъ началъ собою тѣ три геройскихъ года которые стоятъ на нашемъ Георгіевскомъ штандартѣ!

ГЛАВА VIII.

Черезъ Пруссію къ французской границѣ.

Новое укомплектованіе полка. — Командующій полкомъ гр. Платовъ и его заботы объ обмундированіи казаковъ.—Сраженіе подъ Люценомъ.—Подвигъ урядника Александрина.—Участіе полка въ бою подъ Лейпцигомъ.—Черезъ французскую границу.

Императоръ Александръ Павловичъ приказалъ войскамъ перейти границу и преслѣдовать Наполеона до тѣхъ поръ, пока онъ не сдастся.

Атаманскій полкъ еще въ декабрѣ мѣсяцѣ покинулъ Ковно и подъ командой войскового старшины Копылкова двинулся къ городу Данцигу, гдѣ заперлась французская армія.

Командиръ полка полковникъ Балабинъ по болѣзни остался въ Ковнѣ и вскорѣ былъ назначенъ командиромъ бригады. Наша пѣхота окружила Данцигъ, остатки Атаманскаго полка стали нести аванпостную службу. Въ это же время полкъ получилъ новыя укомплектованія.

Послѣ Бородинскаго сраженія Платовъ уѣхалъ на Донъ и собралъ тамъ казачье ополченіе. Въ него поступили всѣ казаки поголовно. Старые дѣды и молодые парни пошли на войну съ французомъ. Въ тѣ поры сложилась на Дону и пѣсня:

„Ахъ ты, батюшка нашъ, славный тихій Донъ,
Ты кормилецъ нашъ, Донъ Ивановичъ!
Про тебя-то лежитъ слава добрая,
Слава добрая, рѣчь хорошая.
Какъ бывало ты все быстеръ бѣжишь,

Ты быстеръ бѣжишь, все чистехунекъ,
А теперь ты, кормилецъ, все мутенъ течешь,
Помутился ты, Донъ сверху до низу!
Какъ возговоритъ славный тихій Донъ:
„Ужъ какъ-то мнѣ все мутну не быть:
Распустилъ я своихъ ясныхъ соколовъ,
Ясныхъ соколовъ, Донскихъ казаковъ!
Размываются безъ нихъ мои круты бережки,
Высыпаются безъ нихъ косы желтенькимъ пескомъ ([34]).

Эти ясные соколы, Донскіе казаки прогнали Наполеоновы полчища и вмѣстѣ съ другими полками подошли къ Данцигу. Здѣсь вышелъ приказъ отпустить на Донъ всѣхъ стариковъ и малолѣтковъ, остальнымъ же пополнить ряды донскихъ полковъ. Такимъ образомъ, Атаманскій полкъ былъ доведенъ до пятисотеннаго состава и въ немъ находилось 512 человѣкъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ нашъ полкъ перешелъ въ столицу Германіи нѣмецкій городъ Берлинъ. Здѣсь принялъ его новый командиръ подполковникъ графъ Иванъ Матвѣевичъ Платовъ [35]).

Онъ былъ пораженъ тѣмъ ужаснымъ видомъ, какой имѣло обмундированіе казаковъ. Всѣ были одѣты разнообразно. Мундиры французскихъ полковъ, зипуны и полушубки крестьянъ — вотъ, что было на плечахъ нашихъ дѣдовъ. И все это изорванное, загрязненное, пробитое пулями, разорванное штыками.

Подполковникъ Платовъ выхлопоталъ разрѣшеніе полку идти въ Дрезденъ, гдѣ получить синее и голубое сукно и одѣться по формѣ.

Но этому не суждено было исполниться.

Наполеонъ собралъ новую армію. Военныя дѣйствія начинались.

20 апрѣля 1813 года нашъ полкъ участвовалъ въ сраженіи подъ Люценомъ. Онъ находился въ корпусѣ генерала Берга и долженъ былъ поддерживать нашихъ союзниковъ нѣмцевъ, бывшихъ подъ командой генерала Блюхера.

Прямо передъ атаманцами протекалъ неширокій, но болотистый ручей Флосъ-Грабенъ. Около полудня за нимъ показалась французская пѣхота,—то были войска маршала Нея.

Одна сотня нашего полка подъ командой есаула Кутейникова спѣшилась и заняла обрывистые берега Флосъ-Грабена.

Не первый разъ нашимъ дѣдамъ приходилось орудовать ружьемъ. И хотя на половину полкъ состоялъ изъ молодыхъ казаковъ, старые учили ихъ и пули атаманцевъ были мѣтки.

Французы наступали отчаянно. Нѣмцы подались назадъ и французы стали отнимать у нихъ зарядные ящики, которые нѣмцы только-что взяли. Это увидалъ подполковникъ Платовъ.

— Впередъ! атаманцы, по конямъ! за мной!

Всѣ пять сотенъ собрались за командиромъ и побѣжали къ ручью. Лошади увязали по брюхо въ болотѣ и съ трудомъ выскакивали, пные казаки переводили ихъ въ поводу и потомъ торопливо садились...

Между тѣмъ французскіе солдаты уже подходили къ нашей батареѣ Никитина и угрожали ей атакой.

Въ эту трудную минуту на зеленѣющемъ полѣ за ручьемъ показались казаки. Командиръ полка лихо врубился въ французскую пѣхоту, за нимъ неслись войсковой старшина Табунщиковъ, есаулъ Процыковъ и сотники Балабинъ, Аркашаринъ и Свиридовъ со своими сотнями. Они опрокинули французовъ и отбили 4 ящика съ порохомъ.

Эта атака дорого стоила нашему полку. Болѣе ста человѣкъ, почти четверть полка, было убито и ранено французскими штыками и пулями.

Вечерѣло. Казаки долго преслѣдовали отступавшихъ французовъ и гнали до 1 часу ночи. Въ это время пришло приказаніе прекратить бой и отходить назадъ ([36])...

Наша армія отступала.

Нѣсколько дней не было серьезныхъ дѣлъ и казаки несли аванпостную и разъѣздную службу въ отрядѣ генерала Милорадовича.

4 мая, рано утромъ двѣ сотни нашего полка подъ начальствомъ войскового старшины Бегидова, находясь на развѣдкѣ у селенія Кенигсбрика, замѣтили въ отдаленіи два эскадрона французскихъ гвардейскихъ уланъ.

— Впередъ, атаманы-молодцы!—крикнулъ Бегидовъ. Сотни быстро развернулись и ударили на уланъ въ дротики.

Уланы едва успѣли построить фронтъ, какъ на нихъ насѣли казаки. Началась отчаянная рубка. Офицеры подавали примѣръ казакамъ, казаки не отставали отъ своихъ начальниковъ. 1 офицеръ и 84 улана сдались въ плѣнъ Бегидову, остальные были порублены, весьма немногимъ удалось спастись ([37]).

И никогда не упускали атаманцы случая атаковать непріятеля. Зорко слѣдили они за всѣмъ, что происходитъ кругомъ, быстро подмѣчали всякую оплошность французовъ и умѣло пользовались ею.

И не только офицеры нашего полка были опытны въ военномъ дѣлѣ, но и казаки и урядники научались воевать.

Зоркость и умѣнье все видѣть въ бою доставили нашему уряднику Антону Александрину чинъ хорунжаго.

Онъ состоялъ ординарцемъ при нѣмецкомъ генералѣ Блюхерѣ. 14 мая во время сраженія онъ увидѣлъ, что часть непріятельской артиллеріи осталась безъ прикрытія.

Всѣ войска были заняты боемъ. Нигдѣ не было ни одного свободнаго взвода кавалеріи.

Состоя при нѣмцахъ, Александринъ зналъ нѣсколько нѣмецкихъ словъ. Онъ показалъ вѣстовымъ и ординарцамъ нѣмецкихъ полковъ на батарею и сказалъ имъ:

— За мною, друзья!

Нѣмецкіе кирасиры и конно-егеря поняли въ чемъ дѣло и понеслись за сметливымъ атаманцемъ.

У перваго орудія на полномъ карьерѣ соскочилъ Александринъ съ лошади. Ростомъ онъ былъ безъ малаго сажень, борода по поясъ. Испуганные французы разбѣжались отъ него...

Онъ вытянулъ фуражирку, привязалъ ее къ пушкѣ и вмѣстѣ съ другими, подъ выстрѣлами французской пѣхоты, привезъ ее къ Блюхеру.

— „Не вытерпѣлъ, ваше превосходительство!",—смущенно сказалъ онъ генералу.

Нѣмцы хлопали въ ладоши и кричали ура! нашему уряднику.

Блюхеръ написалъ письмо, въ которомъ просилъ о награжденіи Александрина—офицерскимъ чиномъ ([38]).

Полковникъ Грековъ XVIII

съ 6 іюня 1813 г. по 1819 г. ([169]).

23-го мая было заключено перемиріе.

Во время его нашъ полкъ принялъ полковникъ Грековъ 18—въ 1812 году командовавшій казачьей бригадой.

При немъ подошли къ полку молодые казаки съ Дона, и снова его разбили на 10 сотенъ. Число казаковъ въ полку было 780 ([39]).

Сраженіе подъ Лейпцигомъ 6 октября 1813 года ([170]).

Эти десять маленькихъ сотенъ со своимъ командиромъ прославили имя Атаманскаго полка въ бою подъ Лейпцигомъ.

Это былъ тяжелый бой. Онъ длился три дня, 4, 5 и 6 октября 1813 года.

4-го октября отличились наши одностаничники казаки Его Величества. Въ этотъ день они, находясь въ конвоѣ при Императорѣ Александрѣ Павловичѣ, атаковали нѣсколько полковъ, грозившихъ захватить Императора въ плѣнъ, и, опрокинувъ ихъ, далеко прогнали.

5-е октября доставило славу атаманцамъ. Подъ вечеръ этого дня нашъ полкъ преслѣдовалъ отступавшую къ Лейпцигу армію Наполеона.

Противъ атаманцевъ французы выставили батарею въ 22 орудія и начали стрѣлять по казакамъ.

Тогда полковникъ Грековъ развернулъ свои десять сотенъ и помчался съ ними на непріятеля.

Всѣ орудія и 22 зарядныхъ ящика достались въ добычу нашему полку.

Это были не первыя орудія, взятыя полкомъ въ эту войну. За двѣ недѣли до этого, подъ городомъ, Цейцомъ Грековъ съ атаманцами взялъ пять орудій и одно знамя ([40]).

За Лейпцигъ командиръ полка былъ произведенъ въ генералъ-майоры, а Атаманскому полку это дѣло записалось въ длинный рядъ побѣдъ, которыми прославилъ онъ имя свое въ войну съ французами.

Послѣ Лейпцигскаго сраженія французы стали быстро отступать. Русская армія, соединившись съ нѣмцами, ихъ преслѣдовала. Въ декабрѣ 1813 года нашъ полкъ во главѣ авангарда перешелъ рѣку Рейнъ и вступилъ во французскую землю...

Водопой на маневрахъ въ 1886 г. ([171]).

ГЛАВА IX.

Къ стѣнамъ Парижа.

Положеніе Франціи къ началу войны 1814 года.—Дѣло у Эпиналя.—Штурмъ крѣпости въ конномъ строю.—Какъ добывали языка.—Дѣла подъ Арисомъ и Феръ-Шампенуазомъ.—Атаманцы въ Парижѣ.

Тѣ мѣста французской земли, гдѣ дѣйствовалъ нашъ полкъ въ началѣ 1814 года, покрыты высокими горами. Между горъ текутъ широкія и быстрыя рѣки. Весь край обильно заселенъ. У жителей красивые каменные дома, крытые черепичными крышами. По скатамъ горъ посажены виноградники, много огородовъ разбито вокругъ деревень, всѣ поля запаханы. Черезъ рѣки тамъ и тамъ поставлены каменные мосты на аркахъ. Всюду видны красивыя каменныя церкви. Климатъ лучше, мягче, нежели въ Россіи и у нѣмцевъ. Несмотря на декабрь мѣсяцъ, въ поляхъ и на дорогахъ была невылазная грязь; было холодно, но морозовъ не было.

Французская армія послѣ Лейпцигскаго сраженія отступила далеко вглубь страны. Ея положеніе было тяжелое. У многихъ солдатъ даже во время этой мягкой зимы отваливались отъ холода на ногахъ пальцы и они, покрытые болячками, ранами и гнойными нарывами, безъ сапогъ, одѣтые въ рубище, уходили съ большими потерями.

Наполеонъ просилъ мира. Но нашъ государь, уже три раза обманутый Наполеономъ, зналъ, что пока живъ этотъ человѣкъ— миръ въ Европѣ невозможенъ, и онъ отказалъ Наполеону въ переговорахъ о мирѣ.

Тогда, по требованію своего Императора, вся французская земля вооружилась. Двѣнадцати, пятнадцатилѣтніе мальчики становились въ ряды полковъ. Жителямъ было разрѣшено составлять разбойничьи отряды и нападать всюду и вездѣ на войска союзниковъ русскихъ и нѣмцевъ.

Въ деревняхъ наши солдаты не могли найти пристанища и продовольствія. Каждое горное ущелье грозило пулей изъ за угла. Опасность была повсюду.

Впереди всей нашей арміи рыскалъ Платовъ. А у него въ авангардѣ были атаманцы.

Рѣдко на комъ изъ нашихъ казаковъ были сапоги. Большинство ѣхало, закутавъ ноги въ обрывки бѣлья и мундировъ.

Отъ киверовъ остались лишь лоскутки бараньей кожи. Если бы не бравыя лица, не молодецкая посадка, не веселый разговоръ, ихъ можно было бы принять за шайку разбойниковъ.

29 декабря 1813 года нашъ полкъ подошелъ къ городу Эпиналю на рѣкѣ Мозелѣ и передовые казаки донесли, что тамъ находится нѣсколько французовъ. Это были дозоры французскаго корпуса маршала Нея, стоявшаго въ Нанси. Ней, узнавъ о прибытіи казаковъ, занялъ Эпиналь.

Городъ Эпиналь лежитъ въ лощинѣ, окруженной высокими горами. За полкомъ, ушедшимъ послѣ развѣдки въ горы, подошелъ къ Эпиналю авангардъ союзнаго намъ нѣмецкаго корпуса принца Виртембергскаго. При немъ было три казачьихъ полка.

Подполковникъ Бегидовъ вызвался влетѣть первымъ въ городъ и узнать, какими силами онъ занятъ. Взявъ двѣ сотни атаманцевъ, онъ въ карьеръ, подъ выстрѣлами, вскочилъ на мостъ, ведущій черезъ Мозель, пронесся по каменнымъ улицамъ и врубился въ пѣхотныя карре. По его слѣдамъ скакали казачьи полки, а за ними бѣжала пѣхота принца Виртембергскаго ([41]).

Французы отошли въ деревню Шармъ. Генералъ Грековъ съ атаманцами и однимъ казачьимъ полкомъ занялъ городокъ Таонъ, переночевалъ въ немъ и 30 декабря, развернувъ атаманскія сотни, атаковалъ съ ними французовъ въ Шармѣ.

Французы бѣжали. Нашъ полкъ взялъ въ плѣнъ 6 офицеровъ и много нижнихъ чиновъ. Эпиналь былъ занятъ нашими полками.

Новый годъ засталъ полкъ въ преслѣдованіи Нея и разысканіи главной арміи Наполеона.

Цѣлый мѣсяцъ шарили казаки, ежедневно сражаясь съ шайками разбойниковъ, да наталкиваясь на небольшія партіи.

3-го февраля отрядъ графа Платова, при которомъ слѣдовали казаки, подошелъ къ городу Немуру. Этотъ городъ окруженъ высокой старинной стѣной съ одними воротами, передъ которыми протекаетъ широкій каналъ.

Окруживъ городъ казаками и выставивъ орудія донской артиллеріи, Платовъ все третье число обстрѣливалъ его стѣны. Ему удалось повредить ядрами ворота. На 4-е февраля онъ назначилъ штурмъ.

Штурмъ крѣпости въ конномъ строю!

Атаманцамъ приказано было дѣйствовать на правомъ флангѣ. Смѣлый планъ зародился въ головѣ у нашего командира.

Собравъ свой полкъ, генералъ Грековъ выбралъ лихихъ людей, тѣхъ казаковъ, которые пришли сюда изъ-подъ самыхъ стѣнъ Московскаго Кремля.

Онъ долго объяснялъ имъ свое желаніе.

— Не оробѣете?,—спросилъ онъ ихъ и смуглое лицо его нахмурилось.

— Никакъ нѣтъ,—послѣдовалъ дружный отвѣтъ.

Подполковникъ Бегидовъ и сотникъ Коньковъ стали во главѣ охотниковъ. Пики были оставлены при обозѣ, а взамѣнъ ихъ казаки взяли топоры.

И вотъ, когда донская артиллерія усилила свой огонь, нашъ полкъ понесся, имѣя впереди охотниковъ, прямо на каналъ.

Съ крутого берега прыгали привычныя казачьи лошади прямо въ воду и вылѣзали подъ страшнымъ огнемъ къ стѣнамъ города.

— Слѣзай!—кричитъ Бегидовъ и, бросивъ лошадь, бѣжитъ къ воротамъ, за нимъ соскакиваетъ съ коня сотникъ Коньковъ, но тутъ же падаетъ съ разбитой пулею правой рукой.

Французы стрѣляютъ на выборъ, въ пяти шагахъ, со стѣнъ города. До тридцати казаковъ убито въ эту страшную минуту.

Но только минуту.

Подъ ударами топоровъ падаютъ ворота города и съ мощнымъ гикомъ влетаютъ въ него казаки.

Четыре орудія и болѣе 600 плѣнныхъ сдаются Платову. Своей побѣдой онъ много былъ обязанъ лихой и смѣлой атакѣ генерала Грекова съ атаманцами ([41]).

Развѣ есть для кавалериста препятствія? Что такое каналъ, стѣна, ворота, самыя пули, когда въ жилахъ кипитъ горячая кровь атаманца!

Отсюда Платовъ съ нашимъ полкомъ пошелъ къ Фонтенебло, гдѣ ему приказано было освободить римскаго папу.

Французы исповѣдуютъ католическую вѣру. По ихъ вѣрѣ Христосъ оставилъ на землѣ намѣстника для управленія церковью. И этимъ намѣстникомъ у католиковъ почитается епископъ города Рима—римскій папа. Онъ богаче и важнѣе многихъ императоровъ, потому что ему подчиняются въ духовномъ отношеніи католики всего свѣта. Освободить его изъ плѣна Наполеона было приказано Атаманскому полку.

Но, когда Платовъ подошелъ къ Фонтенебло—папа былъ уже перевезенъ въ другой городъ ([42]).

На обратномъ пути къ арміи, 9 февраля нашъ полкъ замѣтилъ значительный отрядъ французовъ, шедшій къ городу Санси.

Генералъ Грековъ бросился съ атаманцами въ атаку и взялъ въ плѣнъ болѣе 40 человѣкъ. Подполковникъ Бегидовъ и тутъ вырвался впередъ, вскочилъ съ двумя сотнями атаманцевъ въ предмѣстье города и, многихъ порубивъ, овладѣлъ самымъ городомъ.

25 февраля нашему полку приказано было войти съ другими казачьими полками въ отрядъ генерала Кайсарова. Всего у Кайсарова набралось до 1000 казаковъ. Ему приказано было съ ними пойти къ Парижу и разыскать Наполеона.

7 марта Атаманскій полкъ расположился въ деревнѣ Ферь-Шампенуазъ. Передовые разъѣзды столкнулись съ французскими кирасирскими разъѣздами и оттѣснили ихъ до дер. Авизъ. Но тутъ показалось около четырехъ тысячъ кавалеріи Себастьяни и казаки отошли назадъ.

Маленькой партіи нашего полка приказано было достать во что бы то ни стало плѣнныхъ для допроса.

Выѣхали подъ вечеръ, вшестеромъ. Проѣхавъ версты двѣ, видятъ, стоитъ застава—эскадронъ.

— Какъ быть, братцы?—спрашиваетъ пятидесятникъ, такъ тогда назывались у насъ приказные.

Одинъ и говоритъ: „Разомкнемся и съ гикомъ кинемся на нихъ. А одинъ зарубитъ часового".

—Не годится,—говоритъ другой.—Такъ-то они всѣ встамошатся. Ихъ много. Кони у нихъ добрые, насъ переловятъ и перебьютъ.

Какъ же быть?

Задумались казаки.

Былъ между ними только одинъ старый, который не первый походъ ломалъ. Остальные были изъ тѣхъ, что пришли съ Дона прямо на Рейнъ.

Вотъ онъ и говоритъ:

— Навѣрно, братцы, у нихъ изъ заставы въ главныя силы

бѣгаютъ люди. Съ донесеніями или съ приказаніями. Давай-ка объѣдемъ заставу.

Заѣхали. И дѣйствительно, не прошло и получаса, какъ отъ заставы отдѣлилась часть и рысью пошла по дорогѣ.

Слышно, гулко копыта стучатъ: — много ѣдетъ. Человѣкъ двадцать.

Что же дѣлать? Ждать еще? А ночь убываетъ.

Старшій разъѣзда взялъ одного казака и поѣхалъ съ нимъ сторонкой подлѣ разъѣзда, такъ, чтобы видно не было.

Проѣхали съ версту. Одинъ изъ французовъ остановилъ лошадь и слѣзъ съ нея. Должно быть, обронилъ что-нибудь. Замерли наши станичники.

Только онъ ногу въ стремя, вихремъ налетѣли на него, схватили и привезли къ генералу Грекову ([43]).

Плѣннаго допросили. Онъ показалъ, что Наполеонъ съ 5 на 6 марта ночевалъ въ г. Эперне въ двухъ переходахъ отсюда и что при немъ 30—40000 войска.

Хотя у Кайсарова было всего 1000 казаковъ, но онъ рѣшилъ оставаться у Феръ-Шампенуаза, а одного изъ офицеровъ Атаманскаго полка послалъ съ донесеніемъ къ Императору Александру I, который былъ при союзной арміи.

6 марта кавалерія Себастьяни напала на Кайсарова и отогнала его за селеніе Эви. Кайсаровъ спѣшилъ Атаманскій полкъ, занялъ стрѣлковую позицію у деревни Семуанъ за рѣкою Объ, а ближайшіе къ мосту дома приказалъ зажечь.

Несмотря на то, что у Себастьяни было вчетверо больше кавалеріи, атаманцы держались здѣсь болѣе двухъ часовъ. Здѣсь были убиты въ нашемъ полку есаулъ Шершневъ, хорунжій Закатновъ и около 60 казаковъ.

Не получая подкрѣпленій, Кайсаровъ съ атаманцами отошелъ къ городу Арсису на рѣкѣ Обѣ, а французы заняли Феръ-Шампенуазъ.

Въ городѣ Арсисѣ къ Кайсарову пришло на помощь 4 нѣмецкихъ эскадрона.

Мѣстность здѣсь болотистая и рѣка Объ имѣетъ 5 рукавовъ.

8 марта самъ Наполеонъ подошелъ къ городу, а 7-го марта наканунѣ корпусъ Нея столкнулся съ казаками Кайсарова.

Подполковникъ Платовъ съ Атаманскими сотнями отошелъ за первый рукавъ и сломалъ за собою мостъ. Но Себастьяни при помощи жителей починилъ его и французы начали переходить рѣку. Здѣсь подполковникъ Бегидовъ во главѣ своей сотни бросился навстрѣчу французскимъ кирасирамъ, смялъ ихъ и отогналъ за мостъ.

Тогда Себастьяни съ двумя дивизіями, болѣе 6000 человѣкъ кавалеріи ударилъ на нашъ полкъ и заставилъ его отойти назадъ за рѣку. Мы потеряли въ этой схваткѣ убитыми есауловъ Кундукова и Лосева и болѣе 40 казаковъ...

8 марта въ 10 часовъ утра Себастьяни занялъ городъ Арсисъ.

Но въ это время подошла, наконецъ, къ казакамъ пѣхота. Загремѣли первые выстрѣлы нашей артиллеріи; около полудня на поле сраженія пріѣхалъ Императоръ Александръ I. Тутъ впервые на глазахъ у своего обожаемаго Государя развернули синія линіи атаманцы и съ дружнымъ гикомъ и громовымъ ура помчались на французовъ. Генералъ Грековъ, полковникъ графъ Платовъ, есаулъ Зазерскій подавали примѣръ храбрости. Присутствіе Государя, который еще никогда не видалъ, каковы атаманцы въ бою, удесятерило храбрость нашихъ дѣдовъ. Они налетѣли на правое крыло дивизіи Кольбера, стоявшей у дер. Сенъ-Этьенъ. Три орудія были взяты нашимъ полкомъ, на 4-е налетѣли 2 эскадрона союзныхъ намъ Австрійскихъ гусаръ и захватили его.

Надо думать, что атаманцы въ эту минуту имѣли рѣшительный видъ. Французы, сзади которыхъ былъ ихъ горячо любимый Наполеонъ, повернули и, бросая оружіе, съ крикомъ „спасайся, кто можетъ“—побѣжали къ каменному мосту, черезъ рѣку Объ. Наполеонъ съ обнаженной шпагой сталъ у моста, не пропуская

никого. Подъ нимъ упадаетъ ядро... Наполеонъ падаетъ, но онъ живъ. Ядро убило лишь его лошадь.

А казаки рвутся впередъ. Солнце спустилось за гору, когда казаки уже на томъ берегу, занявъ высоты, атаковали предмѣстье города. 70 орудій французской артиллеріи заставили ихъ отступить и стать на полѣ сраженія. Былъ одиннадцатый часъ ночи. Казаки и солдаты рвались въ бой. Императоръ Александръ объѣзжалъ полки. Гремѣла музыка, атаманцы, у которыхъ тогда не было хора трубачей, громко пѣли веселыя казачьи пѣсни.

На другой день въ 7-мь часовъ утра казаки еще разъ атаковали кавалерію Себастіани и взяли три орудія ([44])...

Наполеонъ началъ отступать.

Нашъ полкъ былъ назначенъ въ отрядъ Цесаревича Константина Павловича, родного брата Императора.

Впервые послѣ тяжелой и невидной службы въ партіяхъ и на заставахъ атаманцы стали наряду съ лучшими полками нашей гвардіи.

Погода стояла прекрасная, дороги высохли, все зазеленѣло. Чувствовалась близость весны и вмѣстѣ съ тѣмъ каждый казакъ, каждый солдатъ сознавалъ, что скоро наступитъ полная побѣда надъ непріятелемъ и кончится великая война.

13 марта въ три часа утра казаки тронулись съ рѣки Марны и пошли опять къ Феръ-Шампенуазу, который былъ занятъ Наполеономъ со всей его арміей.

Среди дня, когда на обѣихъ линіяхъ кипѣлъ горячій бой, когда наша гвардейская кавалерія рѣшительно атаковала конницу Себастіани, графъ Платовъ приказалъ атаманцамъ броситься на отдѣлившуюся часть непріятельской кавалеріи и 2 орудія. Подъ грохотъ орудій и крики войскъ стройно вынеслись впередъ наши казаки. Передъ ними была бригада кавалеріи Пакто. Они насѣли на нее, порубили и покололи болѣе 100 человѣкъ, а сотникъ Курнаковъ и хорунжій Персіановъ съ охотниками насѣли на орудія и привезли ихъ Платову ([44])...

Этимъ славнымъ боемъ закончилась война съ Наполеономъ. Послѣ нѣсколькихъ стычекъ и небольшой схватки подъ Парижемъ Императоръ Александръ I во главѣ союзной арміи 19 марта 1814 года вошелъ въ столицу французской Имперіи ([42]).

Атаманцы не были въ этотъ торжественный день въ Парижѣ. Они рыскали въ окрестностяхъ его, уничтожая шайки и выслѣживая Наполеона.

И только въ первыхъ числахъ апрѣля, атаманцы стали въ Монъ-Мартрскомъ предмѣстьи Парижа.

18 мая 1814 года былъ заключенъ миръ и нашему полку приказано было возвращаться на родину, въ Новочеркасскъ...

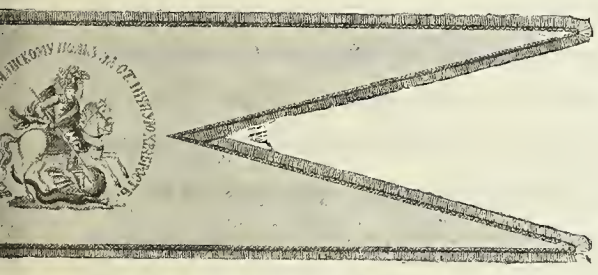
Л. Гв. Атаманскій полкъ въ 1814—1819 г.

Казакъ ([172]).

ГЛАВА X.

Пожалованіе полку георгіевскихъ знамени и бунчука.

Заботы командира полка объ обмундированіи.—Пожалованіе полка георгіевскими знаменемъ и бунчукомъ.—Торжество прибивки ихъ.—Приказъ и предписаніе гр. Платова.



Георгіевскій бунчукъ ([173]).

Послѣ двухлѣтняго непрерывнаго похода, послѣ ежедневныхъ битвъ нашъ полкъ могъ теперь отдохнуть. Первой заботой командира полка было его обмундированіе. Въ Парижѣ по 7 франковъ (около 2 р. 50 к.) за пару купили казаки себѣ сапоги ([42]). Здѣсь же пошили они себѣ новые мундиры. Въ то же время было приказано на казачьихъ мундирахъ имѣть съ каждой стороны воротника и на каждомъ обшлагѣ по двѣ гарусныя петлицы голубого цвѣта. Вмѣсто погоновъ казаки носили голубые гарусные эполеты, съ бахромою ([45]).

Труды атаманцевъ за эти два года войны не были забыты. А какъ велики были эти труды, легко представить, если вспомнимъ, что полкъ два раза получалъ укомплектованія съ Дону. Мы не знаемъ даже именъ тѣхъ казаковъ, которые въ числѣ болѣе тысячи человѣкъ усѣяли тѣлами своими поля Россіи, Германіи и Франціи. Казаки не считали смерть за родину за особенную доблесть. Платовъ никогда не писалъ, кто убитъ и сколько, но лишь

прибавлялъ: „а объ убитыхъ и раненыхъ мы будемъ имѣть домашній счетъ“.

И сколько-сколько погибло нашихъ атаманцевъ въ непрестанныхъ бояхъ съ великой арміей дванадесяти языковъ!

Нашъ полкъ выступилъ весной 1812 года имѣя при себѣ пять войсковыхъ хоругвей. Доблесть офицеровъ и казаковъ нашихъ въ войну съ французами доставили ему георгіевское знамя и георгіевскій бунчукъ и поставили его въ ряды славнѣйшихъ полковъ нашей кавалеріи.

Сейчасъ же по изгнаніи французовъ изъ предѣловъ Россіи, 28 марта 1813 года, главнокомандующій арміей князь Кутузовъ Смоленскій писалъ изъ г. Калиша управляющему военнымъ министерствомъ князю Горчакову:

«*За отличную храбрость, оказанную въ теченіе нынѣшней кампаніи войска Донского Атаманскимъ полкомъ, Его Императорское Величество въ знакъ признательности своей Всемилостивѣйше пожаловалъ сему полку бунчукъ и знамя, коимъ образцы, съ принадлежащими къ нимъ надписями у сего препровождая, покорнѣйше прошу приказать, заготовя оныя, препроводить ко мнѣ*».

Знамя и бунчукъ были получены графомъ Платовымъ въ Парижѣ 17-го іюня 1814 года и хорунжій Атаманскаго полка Процыковъ повезъ ихъ въ догонку полку, бывшему уже на походѣ, при слѣдующихъ лестныхъ для полка приказѣ и предписаніи:

„Предписаніе Графа Матвѣя Ивановича Платова къ командиру Атаманскаго полка Генералъ-Маіору Грекову 18. Изъ Парижа отъ 10 іюля 1815 года“.

„Атаманскій полкъ безсмертными заслугами своими въ прошедшую отечественную съ французами войну имѣлъ счастіе обратить на себя не токмо лестное вниманіе соотечественниковъ и уваженіе чуждыхъ народовъ, но еще удостоился заслужить ВЫСОЧАЙШЕЕ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИ-

ЧЕСТВА Всемилостивѣйшаго Государя нашего благоволеніе. Его храбрость, его мужество и неустрашимость во всѣхъ случаяхъ останутся навсегда непреложными доказательствами примѣрнаго усердія его и ревности къ Престолу и Отечеству, и не престанутъ умножать славу всего Донского войска, столь всѣми почтеннаго и уваженнаго. Я чту себя счастливымъ, что былъ усердія его очевидцемъ, и имѣлъ случай представить оное въ полномъ видѣ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО въ справедливомъ уваженіи къ службѣ Атаманскаго полка соизволилъ пожаловать ему за храбрость знамя съ изображеніемъ образа Спасителя со слѣдующими священными надписями: „Съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ“. „Буди Господи милость твоя на насъ, якоже уповахомъ на Тя“ и Георгіевскій бунчукъ. Сіи знаки отличія отправляются у сего къ Вашему Превосходительству съ хорунжимъ Процыковымъ. Прискорбно мнѣ, что за отдаленностью моею по службѣ при арміи не могу я самъ вручить оныхъ полку, потому болѣе, что не хочу далѣе отлагать удовольствія полку, каковое принесетъ ему сіе Монаршее благоволеніе. Препоручаю Вашему Превосходительству на походѣ въ приличномъ мѣстѣ, гдѣ будетъ возможность избрать оное, при торжественномъ собраніи всего полка и по взаимномъ господъ членовъ онаго совѣщаніи на счетъ устроенія должнаго и приличнаго празднества въ честь ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и всего войска, освятить знамена сіи узаконеннымъ порядкомъ и принесть Господу Богу, подателю всѣхъ благъ, благодарственное молебствіе за удостоеніе насъ толико лестнѣйшими знаками и милосердія Божія и благоволенія Монарха. При семъ торжественномъ случаѣ прошу Васъ изъявить всѣмъ достойнымъ воинамъ храбраго Атаманскаго полка поздравленіе мое и совершенную благодарность за то повиновеніе и привя-

занность ко мнѣ, которыя, содѣлывая ихъ всегда ревностными исполнителями ВЫСОЧАЙШИХЪ повелѣній, совершенное приносятъ начальнику удовольствіе и поставляютъ его въ непремѣнную обязанность свидѣтельствовать о томъ предъ лицомъ Всеавгустѣйшаго Монарха".

Въ приказѣ значилось:

ПРИКАЗЪ

по Атаманскому полку

10 іюля 1815 года. Г. Парижъ.

Храбрые Атаманцы! безсмертные подвиги ваши обратили на себя не токмо вниманіе соотечественниковъ и иноземцевъ, но и ВЫСОЧАЙШЕЕ благоволеніе Всеавгустѣйшаго Монарха. Запечатлѣйте оное въ сердцахъ вашихъ! ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО въ справедливомъ уваженіи къ службѣ Вашей соизволилъ Вамъ пожаловать за храбрость, въ отечественную съ французами войну оказанную, знамя съ изображеніемъ образа Спасителя, который осѣнилъ покровомъ Своимъ поприще дальнѣйшаго служенія вашего, и Георгіевскій бунчукъ. Теките къ олтарю Вездѣсущаго и проповѣдуйте, яко съ нами Богъ! Преисполняйтесь глубочайшей признательности къ Самодержцу нашему, коего Отеческими попеченіями вы превознесены, прославлены и благоденствуете; сохраняйте нерушимо обѣты вѣрности къ Царю, вѣрѣ и отечеству; не измѣняйте неустрашимости вашей и храбрости, всѣми признанной; покоряйтесь начальникамъ и внушайте потомкамъ вашимъ быть достойными преемниками славы вашей: вотъ чего требуетъ отъ васъ Помазанникъ Божій и все признательное отечество! Мнѣ же

остается токмо утѣшаться вами и гордиться, что былъ я очевидцемъ славы вашей, усердія и ревности вашей къ престолу, вѣрѣ и отечеству.

Войска Донского Войсковой Атаманъ

Графъ Платовъ.

Хорунжій Процыковъ догналъ полкъ въ г. Кременчугѣ 24 августа 1815 года.

На другой день совершено было торжественное освященіе знамени и бунчука. На мѣстѣ лагеря Атаманскаго полка, полкъ былъ выстроенъ въ конномъ строю четыреугольникомъ. Третья Донская конно-артиллерійская рота, слѣдовавшая за полкомъ, вытянулась въ одинъ рядъ. Въ середину четыреугольника были внесены распущенныя полковыя знамена, избитыя пулями и ядрами, свидѣтельницы славныхъ побѣдъ надъ турками и французами. За ними внесли полученные знамя и бунчукъ безъ древокъ.

Кременчугскій архіерей со священниками окропилъ знамя и бунчукъ святой водой, послѣ чего начался молебенъ.

Командиръ полка и офицеры спѣшились и на колѣняхъ молились подъ сѣнью старыхъ и новыхъ знаменъ. По окончаніи молебна священникъ передалъ генералу Грекову освященныя знамя и бунчукъ. Командиръ полка, а за нимъ и офицеры любовно прибили знамена къ древкамъ. Тутъ каждый гвоздь былъ вбитъ рукой героя, не разъ поражавшаго непріятеля саблей или пикой. Послѣдніе гвозди были вбиты знатными особами города Кременчуга.

Послѣ этого прочтены были предписаніе и приказъ графа Платова...

Многіе казаки плакали, слушая слова своего атамана. Громъ пушекъ Донской роты и крики ура закончили чтеніе приказа.

Послѣ этого раздалась команда „слѣзай!“ Коноводы остались на полѣ, а полкъ, имѣя впереди знамена, прошелъ въ церковь Преображенія Господня. Ихъ встрѣтили колокольнымъ звономъ.

Полкъ и артиллерійская рота построились на Александровской площади.

Офицеры и спѣшенные казаки прошли въ церковь. Здѣсь совершено было благодарственное молебствіе, по окончаніи котораго священникъ сказалъ слово. При возглашеніи многолѣтія артиллерія стрѣляла изъ пушекъ, при чемъ былъ сдѣланъ 101 выстрѣлъ.

Послѣ этого полкъ вышелъ. Казаки сѣли на лошадей. Знамена вынесли передъ строй и торжественно отвезли въ лагерь.

Въ лагерѣ былъ приготовленъ праздничный обѣдъ для казаковъ и урядниковъ. Офицеры и знатныя лица города были приглашены на обѣдъ къ командиру полка ([46]).

Знамя и бунчукъ, полученные нашимъ полкомъ въ 1815 году, хранятся нынѣ въ бригадной церкви гвардейской казачьей бригады. По свидѣтельству лицъ, видѣвшихъ ихъ въ Кременчугѣ въ 1815 году, они были великолѣпны.

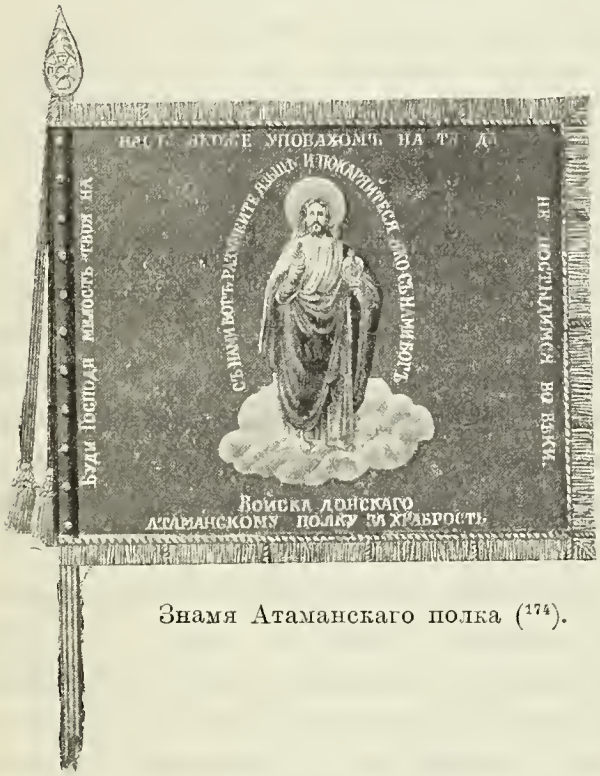
Древки у нихъ темнозеленаго цвѣта съ желобками, изъ коихъ три выложены желтой мѣдью и вызолочены. На верху мѣдное вызолоченное копье, въ срединѣ котораго георгіевскій крестъ. Къ копью привязаны серебряныя кисти на серебряныхъ плетеныхъ шнуркахъ ([48]).

Знамя четыреугольной формы, голубое шолковое, обшитое широкой золотой бахрамой. По срединѣ съ обѣихъ сторонъ масляными красками написанъ Спаситель во весь ростъ, а кругомъ надписи золотыми буквами. Вверху: *„съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтеся яко съ нами Богъ“*. Съ трехъ сторонъ полотна: *„Буди Господи милость Твоя на насъ, якоже уповахомъ на Тя, да не постыдимся во вѣки“*; а внизу *„Войска Донскаго Атаманскому полку за храбрость“*.

Бунчукъ серебряный, длинный съ двумя языками. Кругомъ обшитъ золотой бахрамой. По срединѣ съ обѣихъ сторонъ изображеніе красками св. Георгія Побѣдоносца на конѣ, поражаю-

щаго копьемъ дракона. Кругомъ надпись золотыми буквами: *„Войску Донскому Атаманскому полку за отличную храбрость“*...

Черезъ мѣсяцъ послѣ торжества освященія знаменъ Атаманскій полкъ съ веселыми пѣснями вступилъ въ Новочеркасскъ.



Знамя Атаманскаго полка ([174]).

ГЛАВА XI.

Мирные годы.

Служба въ Новочеркасскѣ.—Пѣсенники полка.—Служба урядниковъ. Производство въ офицеры.—Ученья.—Похороны атамана Платова.—Атаманцы усмиряютъ крестьянъ.—Похороны Императора Александра I.—Участіе въ войсковыхъ кругахъ.

Съ 1802 года Атаманскій полкъ имѣлъ *десять сотенъ*. Въ Новочеркасскѣ были расквартированы двѣ, или одна сотня, люди остальныхъ сотенъ жили по станицамъ и собирались только на время ученій. Сотнями командовали *подполковники* и *есаулы*, въ помощь имъ были *сотники* и *хорунжіе*. Ближайшими помощниками офицеровъ были *урядники* и *пятидесятники*. Казаки имѣли все вооруженіе и снаряженіе, даже ружья и пистолеты, а равно и мундиры собственные.

20 ноября 1815 года для большаго единообразія и въ облегченіе офицеровъ войска Донского, штабъ и оберъ-офицерамъ, вмѣсто прежняго шитья, повелѣно имѣть серебряныя петлицы: по одной съ каждой стороны воротника и по двѣ на обшлагахъ, по образцу петлицъ кавалергардскаго полка, причемъ въ нашемъ полку 11 октября 1816 года велѣно имѣть двѣ серебряныя петлицы, какъ то существуетъ и теперь ([47]).

На ученья полкъ собирался весною, на Красный Яръ. Зимою же небольшая часть полка чередовалась въ караулахъ при атаманскомъ домѣ и при знаменахъ ([48]).

Во время мирной жизни въ Новочеркасскѣ больше всего отличались наши пѣсенники. Голоса были на рѣдкость. Особенно

отличались казаки Александровской станицы. Въ полку трубачей не было. Да и въ Новочеркасскѣ не было ни одного порядочнаго хора музыки, а потому наши пѣсенники во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ пѣли за атаманскимъ столомъ, и по праздникамъ, одѣтые въ синіе кафтаны распѣвали на публичныхъ гуляньяхъ и въ городскомъ саду. Они же ходили Христа славить къ знатнымъ особамъ на Рождествѣ, пѣли на свадьбахъ, именинахъ и при другихъ торжествахъ. При пѣніи употребляли въ тѣ времена бубны, литавры, тарелки и полумѣсяцъ ([50]).

Тяжело было служить лишь урядникамъ. Учебныхъ командъ тогда не было и въ званіе урядника казаки жаловались за воинскіе подвиги, за храбрость или за особое отличіе по службѣ. Урядниковъ въ войскѣ было мало. Въ нашемъ полку на сотню приходилось по четыре, пяти урядниковъ. Между тѣмъ на ординарцы къ атаману, въ почетные часовые, а также на всѣ торжества подъ знамена требовались урядники. Поэтому они служили безъ перемѣны, не имѣя возможности иногда по десяти лѣтъ и болѣе бывать дома ([51]).

Но зато галуны урядника открывали доступъ и къ офицерскому званію безъ всякаго экзамена. Всѣ наши урядники еще въ Парижѣ за отличіе въ Отечественную войну были произведены въ хорунжіе.

Офицерскій чинъ въ тѣ времена давалъ не одно только преимущество по службѣ, но и увеличенный земельный надѣлъ. Офицеръ изъ казака—мелкаго землевладѣльца,—становился помѣщикомъ. По мѣрѣ повышенія въ чинахъ и количество земли увеличивалось, кромѣ того жаловались и русскіе крѣпостные крестьяне.

На ученьи командъ не было. Указывали, что нужно сдѣлать, и говорили „впередъ“, „маршъ“. Повернуть полкъ было очень трудно. Въ преслѣдованіи, гнали по нѣсколько дней. Писаннаго устава въ тѣ времена для казаковъ не существовало. Пріучали

лошадей прыгать черезъ рвы и барьеры, кололи пикой нарочно сдѣланныя чучела, рубили ихъ и джигитовали ([52]).

10 января 1818 года полкъ нашъ въ полномъ составѣ хоронилъ своего любимаго атамана графа Матвѣя Ивановича Платова. Не одна слеза выпала на гробъ того, кто сдѣлалъ имя донского казака страшнымъ всей Европѣ, кто любилъ и лелѣялъ атаманцевъ ([53]).

При новомъ атаманѣ Адріанѣ Карповичѣ Денисовѣ, 20 ноября 1819 года въ Атаманскомъ полку бѣлые перьяные султаны, бывшіе на шапкахъ замѣнены продолговатыми волосяными султанчиками, существовавшими въ то время въ полкахъ легкой кавалеріи, у офицеровъ серебряными, у казаковъ бѣлыми ([54]).

Въ томъ же году, вмѣсто генерала Грекова, командиромъ полка назначенъ герой войны 1812 и 1813 годовъ, бывшій атаманецъ и георгіевскій кавалеръ—*полковникъ Кирсановъ* ([55]).

Послѣ войны 1812 года многіе донскіе генералы получили вмѣстѣ съ земельными участками и крестьянъ на выводъ. Эти крестьяне долго не могли примириться съ положеніемъ своимъ въ новой землѣ, волновались и оказывали неповиновеніе своимъ помѣщикамъ, буянили, жгли имѣнія и косили хлѣбъ на корню.

Въ 1820 году весной взбунтовались сначала крестьяне князей Орловыхъ. Ихъ пошли усмирять казачьи полки, собранные для отправки на Кавказъ. Во время ихъ отсутствія, въ селеніи Голодаевкѣ, въ Міусскомъ округѣ, у господъ Мартыновыхъ, возмутились ихъ крѣпостные.

Большая часть нашего полка въ это время уже была въ сборѣ для весенняго ученья. По приказанію атамана Денисова, эти сотни подъ командой полковника Кирсанова отправились въ Голодаевку, гдѣ крестьяне въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ расположились лагеремъ.

Казакамъ приказано было окружить лагерь, и если бы кто изъ крестьянъ осмѣлился оказать неповиновеніе своимъ помѣщикамъ, то такихъ крестьянъ было приказано брать подъ караулъ.

Атаманскій полкъ въ 1817—1827 г.

Казакъ и Штабъ офицеръ ([175]).

Къ нашему полку на походѣ присоединился генералъ-адъютантъ Чернышевъ, приведшій съ собою полки, посланные къ князьямъ Орловымъ, одинъ эскадронъ Л.-Гв. Казачьяго полка, роту артиллеріи и пѣхотный регулярный полкъ. При приближеніи этой массы войскъ крестьяне смирились и разошлись по деревнямъ.

Атаманцы вернулись въ Новочеркасскъ. Во время усмиренія пришлось дѣлать большіе переходы и большею частью рысью, лошади были сильно утомлены, а потому обычнаго весенняго ученья не дѣлали: часть полка была оставлена для караула, остальные отпущены по станицамъ ([55]).

Въ 1821 году на мѣсто Адріана Карповича Денисова назначенъ войсковымъ атаманомъ Алексѣй Васильевичъ Иловайскій. Онъ любилъ роскошь въ жизни; устраивалъ спектакли и балы. А когда онъ выѣзжалъ изъ своего дома, его сопровождалъ конный взводъ Атаманскаго полка ([56]).

Нарядъ вслѣдствіе этого былъ усиленъ.

При немъ приказано было казакамъ имѣть перевязи, вмѣсто шелковыхъ, кожаныя по образцу Л.-Гв. Казачьяго полка [57]).

Служба Атаманскаго полка въ минувшія войны, образцовое поведеніе казаковъ далеко выдвинули полкъ изъ среды другихъ казачьихъ полковъ. На атаманцевъ смотрѣли почти какъ на гвардію. Отъ нихъ требовали чистаго и однообразнаго обмундированія, а во всѣхъ почетныхъ командировкахъ съ этого времени они участвуютъ наряду съ Л.-Гв. Казачьимъ полкомъ.

Такъ, когда 19 ноября 1825 года скончался въ городѣ Таганрогѣ Александръ Благословенный, пораженные горемъ и ужасомъ отчаянія атаманцы въ полномъ составѣ были вызваны въ Таганрогъ. Тамъ у тѣла Того, передъ глазами Котораго всего шесть лѣтъ тому назадъ сражались казаки на поляхъ Арсиса и Феръ-Шампенуаза, стояли на часахъ офицеры нашего полка, а атаманцы смѣняли лейбъ-казачій караулъ у Таганрогскаго собора и у дворца Императрицы ([58]).

На всѣхъ войсковыхъ кругахъ атаманцы занимали видное мѣсто; 9 мая 1826 года въ день принятія пожалованной войску сабли Императора Александра I, полкъ въ полномъ составѣ былъ выстроенъ на площади передъ соборомъ ([58]).

Это былъ послѣдній разъ, когда жители Новочеркасска видѣли всѣ сотни полка на кругу.

Въ слѣдующемъ году полкъ выступилъ въ походъ на войну съ Турціей, а съ войны перешелъ сначала на Днѣстръ, потомъ въ Польшу, а потомъ и въ Петербургъ. Наступали новыя времена для Атаманскаго полка.

ГЛАВА XII.

Казачій Наслѣдника полкъ.

Вооруженіе и снаряженіе атаманцевъ.—Пожалованіе Атаманскаго полка Шефомъ.—Рескриптъ 20 октября 1827 года.

Императоръ Николай I Павловичъ.

Въ 1827 году и на Дону и въ Петербургѣ только и разговоровъ было, что о предстоящей войнѣ съ турками. Донскіе казачьи полки находились на Кавказѣ, гдѣ воевали съ персіанами. На Дону оставалось всего нѣсколько полковъ и въ томъ числѣ Атаманскій. Уже зимой 1827 г. приказано было нашему полку въ составѣ пяти сотенъ собраться въ Новочеркасскѣ и быть готовымъ къ выходу.

Несмотря на то, что у полка была строго опредѣленная форма,—сотни были одѣты не однообразно. Происходило это оттого, что казаки обмундировывались сами, на свой счетъ. Полковыхъ портныхъ не было, мундиры шили по станицамъ, почему и покрой былъ не совсѣмъ одинаковый и отличія были нашиты не правильно. Вооружены казаки тоже были различно. Были у казаковъ и шашки съ эфесомъ безъ дужки, казачьяго, или вос-

точнаго образца, были и сабли, отбитыя у французовъ, и кривые турецкіе ятаганы. Древки у пикъ были темно-краснаго цвѣта. Ружья были кремневыя, у кого нарѣзные штуцера, или карабины, у кого гладкоствольныя „линейныя“ ружья. Калибръ ихъ былъ вдвое больше нынѣшнихъ — семилинейный ([59]). Заряжались они съ дула. Казаки имѣли патроны, въ которыхъ хранился порохъ и пуля. Пуля была круглая. Заряжали ружье въ двѣнадцать пріемовъ. Надо было „скусить патронъ“, то есть зубами оторвать пулю отъ патрона, потомъ насыпать порохъ въ дуло, забить шомполомъ пулю, вставить шомполъ на мѣсто, насыпать немножко пороха на полку подлѣ курка и тогда можно было стрѣлять. Во время дождя порохъ намокалъ и не загорался отъ искръ. Нашимъ дѣдамъ не легко давалась мѣткая стрѣльба.

Кромѣ ружей казаки имѣли еще пистолеты,—у кого одинъ, у кого два. Пистолеты были съ однимъ дуломъ и съ двумя—двойные. Оттого и въ пѣснѣ нашей поется:

Самъ на сѣромъ конѣ,
Грудь горитъ въ серебрѣ,
По бокамъ пистолеты двойные.

Офицерскіе чины отличій не имѣли. Была разница только въ штабъ-офицерскихъ и оберъ-офицерскихъ эполетахъ.

Но атаману Иловайскому хотѣлось привести все это въ порядокъ и вотъ 1-го января 1827 года на офицерскихъ эполетахъ казачьихъ полковъ для различія чиновъ повелѣно имѣть кованныя звѣздочки: у хорунжихъ—одну, у сотниковъ три, у маіоровъ двѣ, у подполковниковъ или войсковыхъ старшинъ три ([64]).

10-го іюля 1827 года приказано вмѣсто султановъ на шапкахъ имѣть шерстяные шарики, называемые „помпонами“, у казаковъ бѣлые, у офицеровъ серебряные. Шарики эти казаки покупали на ярмаркахъ въ особыхъ лавочкахъ... ([61]).

Доблести нашихъ дѣдовъ въ Отечественную войну, а потомъ храбрость донскихъ казаковъ въ войнѣ съ персіанами обратили на войско Донское милостивое вниманіе Государя Николая Павловича.

Атаманскій полкъ въ 1827—1828 г.

Урядникъ ([176]).

2-ое октября 1827 года для Донского войска и нашего полка въ особенности должно быть памятно. Войско получило Атамана—Наслѣдника Цесаревича, а нашъ полкъ сталъ Шефскимъ полкомъ—полкомъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Великаго Князя Александра Николаевича.

Послѣ Л.-Гв. Казачьяго Его Величества полка Атаманскій полкъ первый и единственный изъ казачьихъ полковъ, имѣющій Шефомъ Особу Императорской Фамиліи.

Велика была радость нашихъ офицеровъ и казаковъ, когда ихъ собрали однажды въ октябрьскій день на площади и *командиръ полка генералъ Кирсановъ* прочелъ слѣдующій Высочайшій рескриптъ на имя Наказнаго Атамана войска Донского Генералъ-Маіора Кутейникова.

„Дмитрій Ефимьевичъ! — значилось въ рескриптѣ — назначивъ приказомъ, сего числа отданнымъ, любезнаго сына моего, Наслѣдника, Великаго Князя Александра Николаевича Атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ, повелѣваю вамъ, объявить о семъ по ввѣренному вамъ, храброму войску Донскому, увѣренъ будучи, что оное найдетъ въ семъ назначеніи новое доказательство моей признательности и благоволенія къ оному, за его знаменитыя услуги Отечеству и вѣрность къ престолу, въ коихъ я тѣмъ болѣе удостовѣренъ, что оно уже и при началѣ царствованія моего явило столь блистательные опыты Своего усердія и храбрости въ настоящую войну съ Персіанами. **При семъ повелѣваю, считать ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО, Наслѣдника Великаго Князя Александра Николаевича Шефомъ Донского Атаманскаго полка, которому и именоваться, — казачьимъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника полкомъ.**“

Пребываю Вамъ благосклонный

„НИКОЛАЙ“

Въ С.-Петербургѣ,
октября 1827 года.

Шефу нашего полка шелъ въ это время десятый годъ. Онъ родился 17 апрѣля 1818 года.

Съ этого дня, какъ мы увидимъ дальше Казачій Наслѣдника полкъ пользовался особеннымъ расположеніемъ Его Высочества.

Царственный Юноша съ рѣдкимъ вниманіемъ слѣдилъ за боевыми успѣхами полка, чутко относился къ нуждамъ своихъ атаманцевъ, широко помогая бѣднымъ казакамъ...

21 января генералъ Кирсановъ сдалъ полкъ *подполковнику Захару Спиридоновичу Катасанову*, а черезъ два мѣсяца послѣ этого, потянулись, сверкая пиками на весеннемъ солнцѣ, синіе ряды атаманцевъ въ походъ въ знакомыя отцамъ поля Молдавіи и Валахіи.

Война Турціи была объявлена.

Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ

1-й Шефъ полка.

ГЛАВА XIII.

Участіе полка въ войнѣ съ турками 1828 года.

Причины войны съ Турціей. — Что дѣлалъ полкъ во время осады крѣпостей.—Дѣло подъ г. Галацомъ.—Стихи, присланные Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Атаманскому полку.—Небрежное донесеніе хорунжаго Попова.—Какъ загладили его атаманцы.—Потери полка во время войны.

Турки думали, что послѣ войны съ Наполеономъ Россія, потерявшая столько солдатъ на поляхъ сраженія—ослабѣла. Имъ казалось, что они могутъ не исполнять договоровъ, заключенныхъ съ Россіей. Они заставляли русскихъ, занимавшихся торговлей на турецкой землѣ, или принимать подданство султану—или выселяться-изъ Турціи. Они не пропускали наши корабли черезъ проливы Чернаго моря и тѣмъ мѣшали намъ торговать съ иноземными государствами. Они подговаривали персовъ не заключать съ нами мира.

Все это заставило Императора Николая I отдать приказъ о переходѣ нашими войсками турецкой границы ([62]).

Между нами и турецкими землями лежали тогда два христіанскихъ княжества Молдавія и Валахія. Мѣстность въ нихъ подобна нашей Донской землѣ. Тѣ же степи, съ широкими полями высокой кукурузы, съ пылью лѣтомъ и грязью весной, тѣ же балки, тѣ же виноградные сады и бахчи съ арбузами, дынями и кабачками. Населяютъ эти земли румыны—народъ, похожій на цыганъ. Хотя они и считались подвластными турецкому султану, но при приближеніи нашихъ войскъ все населеніе, имѣя духовенство впереди, выходило навстрѣчу къ полкамъ.

Молдавія и Валахія безъ боя были заняты нашими войсками.

За этими княжествами по турецкой границѣ широкой лентой течетъ Дунай. Сѣверный берегъ его, низменный, болотистый, поросшій камышомъ, трудно доступенъ. Южный—турецкій—высокій, съ крутыми скалами и отвѣсными обрывами. Здѣсь построено много крѣпостей—Варна, Измаилъ, Браиловъ, Силистрія, Журжа, Рущукъ и другія.

Всѣ войны съ турками мы начинали съ осады этихъ крѣпостей. Не взявши ихъ, нельзя перейти Дунай, нельзя проникнуть и въ Турцію. А взять ихъ трудно. Онѣ окружены высокими и прочными стѣнами, глубокими рвами. Для взятія ихъ назначался особый осадный корпусъ. Подвозили громадныя пушки къ стѣнамъ крѣпости. Пѣхота плотнымъ кольцомъ окружала ихъ. Рыли канавы съ валикомъ, строили земляные корридоры, называемые траншеями. Пушки день и ночь палили по стѣнамъ, пока не образовывался обвалъ. Саперы по подземнымъ галлереямъ подходили подъ стѣны и закладывали бочки пороха. Когда все было готово, назначали день штурма. Саперы взрывали мины, артиллерія расширяла проходы въ стѣнахъ, пѣхота съ развернутыми знаменами, съ музыкой на штыки шла штурмовать крѣпость...

Но что дѣлала конница?

Она располагалась на всѣхъ дорогахъ. Она не допускала никакого сообщенія съ крѣпостью. Когда войска выходили изъ крѣпости, чтобы помѣшать нашимъ работамъ, дѣлали вылазку—кавалерія доносила объ этомъ, атаковала непріятеля и прогоняла обратно въ крѣпость...

Вотъ такія-то обязанности и были возложены на нашъ полкъ въ эту войну съ турками.

Въ апрѣлѣ 1828 года атаманцы, недалеко отъ г. Яссъ перешли черезъ рѣку Прутъ и здѣсь получили назначеніе идти къ городу Браилову.

Осадный корпусъ, обремененный многими тяжелыми орудіями, медленно подвигался къ Дунаю. Впереди шли казаки. На пути,

у сліянія рѣкъ Серета и Дуная, лежалъ городъ Галацъ, занятый турками.

26-го апрѣля передовой разъѣздъ нашего полка подъ командой есаула Стоянова, при урядникахъ Стариковѣ и Аникинѣ и 48 казакахъ, подходилъ къ нему.

День былъ жаркій. Сухая темная пыль поднималась къ небу высокимъ столбомъ. Сквозь эту пыль еле видны были бѣлые домики, крытые соломой, и тонкіе стройные минареты турецкихъ мечетей.

Передовые казаки донесли, что Галацъ занятъ. Дѣйствительно, два выстрѣла прозвучали въ тишинѣ знойнаго дня, къ нимъ присоединились еще и еще и стѣны низкихъ домовъ окутались дымомъ.

— За мной! крикнулъ Стояновъ. Бурый жеребецъ его закачался просторною рысью, напружинилъ задъ и перешелъ въ наметъ. Въ рукахъ у офицера и урядниковъ сверкнули старинные клинки. Тѣсной стѣной, нагнувъ копья, поспѣвалъ за ними маленькій отрядъ.

Ближе и ближе бѣлые дома, грязные плетни и весь безпорядокъ турецко-румынскаго города. Отчетливѣй торопливые выстрѣлы, виднѣе алыя фески и бѣлыя чалмы защитниковъ городка...

Турки не выдержали смѣлой атаки горсти атаманцевъ и побѣжали. До 50-ти турокъ было взято въ плѣнъ ([63]).

Къ вечеру въ Галацѣ собрался весь Атаманскій полкъ. На завтра 27 апрѣля была назначена переправа черезъ рѣку Серетъ.

Переправа вплавь, конечно.

Всѣми казачьими полками Браиловскаго осаднаго корпуса командовалъ генералъ-маіоръ Каменновъ, но въ день переправы онъ былъ нездоровъ и отрядомъ командовалъ подполковникъ Катасановъ.

27-го казаки переплыли рѣку Серетъ, а 28-го апрѣля подошли къ визирьскому броду на р. Бузео и перешли черезъ нее.

Здѣсь передовые наши разъѣзды донесли, что на равнинѣ, недалеко отъ крѣпости Браилова, пасутся турецкія стада.

Подполковникъ Катасановъ взялъ сотню Атаманскаго полка подъ командой есаула Миллера, при сотникахъ Урасовѣ и хорунжемъ Грековѣ и кинулся съ ними къ турецкимъ стадамъ.

Турки загнали стада къ селенію Барбешъ, а сами заняли огорожи этой деревни и открыли частый огонь по нашимъ казакамъ. Турки плохи въ атакѣ, но обороняться умѣютъ хорошо.

Нѣсколько казаковъ было ранено и убито. Эти первые убитые и раненые разсердили атаманцевъ. Крѣпче прижали они пики подъ мышки, придавили ногами лошадей, лихіе кони прыгнули черезъ заборы, валики и канавы и пошла рубка въ узкихъ улицахъ маленькой деревушки. 18 человѣкъ было взято въ плѣнъ, много поколото и порублено на мѣстѣ. Много скота и разный багажъ, который турки везли въ Браиловъ были отбиты.

29 апрѣля нашъ полкъ подошелъ къ Браилову.

Осаднымъ корпусомъ командовалъ великій князь Михаилъ Павловичъ, братъ Государя. Атаманскій полкъ занялся аванпостной службой, оберегая пѣхоту, принявшуюся рыть траншеи.

7-го мая къ Браиловскому корпусу прибылъ Государь Императоръ.

На аванпостахъ нашъ полкъ почти ежедневно сталкивался съ непріятельскими отрядами, пытавшимися пробиться къ осажденнымъ. Рогатый скотъ, плѣнные турки, ихъ знамена или бунчуки нѣтъ-нѣтъ да и доставались въ добычу атаманцамъ. Одинъ изъ такихъ бунчуковъ, отбитыхъ атаманцами во время схватокъ съ турецкими наѣздниками, былъ отправленъ полкомъ къ Августѣйшему Шефу.

И какова же была радость и умиленіе нашихъ станичниковъ, когда десятилѣтній Наслѣдникъ отвѣтилъ полку слѣдующимъ стихотвореніемъ:

„Мой храбрый полкъ, благодарю
За первый твой трофей побѣдный.
Ты вѣренъ славѣ былъ послѣдней,

Ты дѣломъ угодилъ Царю!
Твой Атаманъ передъ тобою,
Еще не можетъ въ бой летѣть,
Но можетъ онъ уже душою
Отъ дѣлъ отважныхъ пламенѣть.
Еще онъ скрытъ отъ взоровъ свѣта,
На честь (у) младенцевъ права нѣтъ,
Но знаетъ, онъ, что дѣтски лѣта
Готовятъ честь грядущихъ лѣтъ.
Лети за славою прекрасной,
Молитесь, храбрые друзья,
Чтобъ лѣта не прошли напрасно,
Чтобъ славу могъ нажить и я!“ ([64]).

Съ прибытіемъ Государя въ лагерь подъ Браиловомъ, было повелѣно нашей 1-й сотнѣ, которая тогда называлась лейбъ-сотней, состоять при Императорской главной квартирѣ, а полкъ временно прикомандировать къ Гвардейскому Корпусу.

Съ этого времени Государь обратилъ особенное вниманіе на полкъ Своего Сына. Онъ замѣтилъ, что вооруженіе казаковъ не однообразно, и, узнавъ, что казаки вооружаются на свой счетъ, пожелалъ, чтобы это было измѣнено.

15 мая 1828 года Высочайше повелѣно было отпустить для Атаманскаго полка всю оружейную аммуницію на счетъ казны, по образцу Л.-Гвардіи Казачьяго полка, съ тою разницею, что древки пикъ въ нашемъ полку приказано имѣть свѣтло-синяго цвѣта.

А военныя дѣйствія и осада крѣпости продолжались.

Въ концѣ мая Браиловъ былъ взятъ и наша армія двинулась на овладѣніе крѣпостями Шумлой и Варной. Отъ Атаманскаго полка потребовали надежныхъ казаковъ для указанія пути нашимъ колоннамъ. Днемъ сотни атаманцевъ шли впереди всѣхъ,

а ночью, когда отрядъ располагался на отдыхѣ, атаманцы занимали „ночную цѣпь“.

Жара была невыносимая. Люди падали на походѣ, пораженные солнечнымъ ударомъ, на шашки разрѣшено было привязать манерки съ водою.

3-го іюня мы обложили крѣпость Кюстенджи и, взявъ ее, продолжали путь къ Шумлѣ. 9 іюля наши войска окружили Шумлу, а Атаманскій полкъ занялъ посты на Разградской и Силистрійской дорогахъ.

Наступила тяжелая сторожевая и развѣдывательная служба. Осторожный разъѣздъ никогда не дастъ хорошаго донесенія,— а подойти ближе, рискуешь потерять людей. Итакъ дня не проходило безъ того, чтобы не было убитыхъ или раненыхъ во время перестрѣлокъ съ турками на постахъ.

Но лучше смерть и раны, чѣмъ позоръ Государева замѣчанія. И казаки это понимали и смѣло лѣзли въ города и села, занятыя непріятелемъ.

Но... грѣхъ да бѣда на кого не живетъ... Вышелъ грѣхъ и съ нашимъ полкомъ. Въ первыхъ числахъ іюля молодой офицеръ нашего полка, хорунжій Поповъ, былъ на развѣдкѣ и въ 12-ти верстахъ отъ лагеря увидалъ дымы и палатки большого лагеря. Не изслѣдовавъ, въ чемъ дѣло — онъ послалъ рапортъ полковому командиру подполковнику Катасанову, что 1000 турокъ стоитъ у нашего лагеря. Катасановъ, увѣренный, что атаманскій офицеръ не ошибется, послалъ донесеніе въ Главную Квартиру. Для разбитія этой орды былъ отправленъ генералъ-адъютантъ Орловъ, но оказалось, что это были не турки—а русскія войска графа Толстого.

Государь Императоръ остался сильно недоволенъ такою небрежностью въ Атаманскомъ полку и приказалъ походному атаману Сысоеву взыскать съ виновныхъ ([65]).

Тяжело было дѣдамъ нашимъ выслушать это первое въ жизни полка замѣчаніе... На вѣки вѣковъ рѣшили они запомнить и дѣ-

тямъ и внукамъ заповѣдать, быть какъ можно внимательнѣе въ разъѣздахъ, не жалѣть жизни своей, лишь бы давать вѣрныя донесенія и не огорчать обожаемаго Государя. Приказъ объ этомъ проступкѣ узнали въ полку 17 іюля и загорѣлись сердца атаманцевъ. Захотѣлось имъ кровью своей заслужить прощеніе невольной ошибки своего молодого товарища.

Случай представился на другой же день. Нашъ полкъ былъ посланъ для занятія гор. Разграда. Безъ выстрѣла неслись казаки въ улицы города, порубили и взяли въ плѣнъ 51 турка и освободили 4180 болгаръ. Офицеры искали случая загладить непріятное впечатлѣніе отъ неправильнаго донесенія. Хорунжіе лѣзли смѣло въ огонь—одинъ изъ нихъ—Башмаковъ былъ убитъ пулей, другой Чамбинъ, весь израненный напавшей на него заставой, къ которой онъ подкрадывался, вскорѣ умеръ, Костинъ и Платоновъ были выведены изъ схватокъ тяжело ранеными. Старые офицеры отъ нихъ не отставали. Подполковникъ Хоперсковъ былъ раненъ во время рекогносцировки непріятельскаго расположенія, есаулъ Миллеръ 14 августа, атакуя со своею сотней непріятеля, пытавшагося порвать нашу цѣпь, былъ опрокинутъ двумя ядрами и при паденіи съ лошади получилъ сильный ударъ въ голову.... 20 сентября нашъ полкъ атаковалъ 7000 человѣкъ, вышедшихъ изъ Шумлы, опрокинулъ ихъ и побилъ болѣе 40 человѣкъ, заставивъ остальныхъ вернуться въ крѣпость ([64]).

И Государь простилъ небрежную развѣдку 11-го іюля. За взятіе Разграда командиръ полка получилъ чинъ полковника, урядникъ Кузнецовъ георгіевскій крестъ.

Наступала осень, и съ нею труднѣе становилось вести войну. Турки покидали города и сдавали крѣпости, 29-го сентября Варна была оставлена турками, и наши войска могли идти къ столицѣ Турціи Константинополю.

Атаманскій полкъ, переведенный послѣ 20-го сентября отъ Шумлы къ Варнѣ, куда отправился Государь Императоръ—въ

декабрѣ мѣсяцѣ получилъ приказаніе слѣдовать къ городу Яссамъ и далѣе въ Россію.

Турки заговорили о мирѣ и войска возвращались домой.

За эту войну, во время аванпостной службы съ апрѣля мѣсяца по ноябрь нашъ полкъ потерялъ убитыми: 1 оберъ-офицера и 11 казаковъ, умершими отъ ранъ: 1 оберъ-офицера и 3 казаковъ, безъ вѣсти пропавшихъ—3 казаковъ, тяжело ранеными: 1 оберъ-офицера и 17 казаковъ и легко ранеными: 1 штабъ-офицера, 2 оберъ-офицеровъ и 16 казаковъ, а всего 1 штабъ-офицера, 5 оберъ-офицеровъ и 48 казаковъ, то есть почти одна десятая часть полка выбыла изъ строя ([66]).

Переправа вплавь черезъ Фабрикантское озеро въ 1886 г. ([177]).

ГЛАВА XIV.

Первая постройка мундирной одежды за счетъ казны.

Перемѣна формы.—Смотръ полка полковникомъ Золотаревымъ.—Недостатки въ одеждѣ. — Пожалованіе Государемъ 25000 рублей на постройку обмундированія.

Турецкая война 1828 года обратила милостивое вниманіе Государя на атаманцевъ и съ этого времени и Государь и Шефъ Наслѣдникъ Цесаревичъ близко знакомятся съ жизнью полка и стараются облегчить службу атаманскихъ казаковъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ обмундированіи казаковъ проис-

ходятъ перемѣны съ цѣлью красивѣй одѣть Шефскій полкъ Цесаревича.

30 декабря 1828 года приказано было казакамъ вмѣсто синихъ куртокъ съ голубою выпушкою имѣть голубыя куртки; съ шаро-

ГЕНЕРАЛЪ-МАЮРЪ.
Михаилъ Михаиловичъ Кузнецовъ
съ 31 дек. 1828 г. по 4 февраля 1842 г.

варъ снятъ лампасъ, а петлицы и эполеты вмѣсто голубыхъ приказано имѣть бѣлые и эполеты съ бахрамой ([67]).

31 декабря 1828 г. вмѣсто полковника Катасанова командиромъ Атаманскаго полка назначенъ *полковникъ Михаилъ Михаиловичъ Кузнецовъ.*

По окончаніи войны, во время слѣдованія къ городу Яссамъ,

обмундированіе и снаряженіе Атаманскаго полка было осмотрѣно командиромъ жандармовъ 2-й арміи полковникомъ Золотаревымъ.

Оказалось, что оружіе казаки имѣютъ казенное, но сѣдла и одежду собственную, которая за время похода совершенно износилась, а нѣкоторые казаки и вовсе не имѣютъ мундировъ. До 300 лошадей пришло въ полную негодность къ службѣ.

Командиръ гвардейскаго корпуса великій князь Михаилъ Павловичъ приказалъ относительно лошадей снестись съ наказнымъ атаманомъ, а мундирную одежду завести согласно новой формы.

По новой же формѣ приказано было въ іюнѣ 1829 года имѣть офицерскіе чекмени зимніе—ниже колѣна синіе съ голубою выпушкою, а лѣтніе (куртки) по поясъ—голубые съ петлицами, какъ Л.-Гв. въ Казачьемъ полку, а 7 августа 1829 года повелѣно эполеты, какъ офицерамъ, такъ и казакамъ, имѣть съ чешуйчатымъ полемъ, какъ въ легкой кавалеріи, казакамъ съ бѣлой бахрамою ([68]).

Полковникъ Кузнецовъ былъ крайне озабоченъ постройкой форменной одежды для казаковъ Атаманскаго полка.

Если строить ее въ счетъ получаемой казенной ремонтной суммы, то этихъ денегъ не хватитъ, потому что постройка форменныхъ вещей по самой меньшей цѣнѣ будетъ стоить до 150 рублей въ годъ на каждаго казака. Поэтому онъ обратился къ наказному атаману съ просьбой выдать въ пособіе на обмундированіе казаковъ Атаманскаго полка изъ войсковыхъ суммъ до 25 тысячъ рублей.

По докладѣ объ этомъ Государю Императору, послѣдовала слѣдующая резолюція Государя, изложенная въ надписи военнаго министра генерала Чернышева:

„По уваженію того, что полкъ сей служилъ съ отличіемъ во время минувшей войны, и въ знакъ Монаршаго благоволенія къ оному, такъ какъ онъ удостоенъ носить Имя Наслѣдника Престола, сіи 25000 рублей Всемилостивѣйше жалуются

оному изъ Государственнаго Казначейства съ тѣмъ, чтобы Наказный Атаманъ имѣлъ особенное наблюденіе за обмундированіемъ нижнихъ чиновъ онаго по утвержденному образцу мундирными и аммуничными вещами и потщился, чтобы оный во всѣхъ отношеніяхъ былъ въ отличномъ состояніи" ([69]).

Эта резолюція положена была 16 іюля 1830 года въ то время, когда нашъ полкъ находился въ карантинной линіи, въ Бессарабіи, для предотвращенія чумной заразы.

Для заказовъ мундировъ и аммуниціи былъ командированъ отъ полка въ Москву и Тулу сотникъ Урасовъ.

Съ этого времени нашъ полкъ начинаетъ одѣваться совершенно одинаково и строго по формѣ.

На бивакѣ. Маневры 1899 г. ([178]).

ГЛАВА XV.

Противъ чумы.

На аванпостахъ по Днѣстру.—Устройство постовъ.—Холодъ и лишеніе.—Прибытіе Атаманскихъ казаковъ изъ плѣна.—Назначеніе одной сотни на службу въ Петербургъ.

Страшная, тяжелая и неизлѣчимая болѣзнь—чума. Все тѣло покрывается черными гнойными пятнами, судорога подергиваетъ руки и ноги, разсудокъ мутится, лицо темнѣетъ и въ два, три дня человѣкъ умираетъ.

И кромѣ того чума крайне заразительная болѣзнь. Достаточно прикоснуться къ больному, побыть съ нимъ въ одной ком-

натѣ, тронуть его одежды, чтобы заболѣть чумою. Единственное средство—оцѣпить край, пораженный болѣзнью, и никого не впускать и не выпускать изъ него. Чума уничтожитъ въ немъ много людей, но зато не распространится широкимъ пожаромъ въ окрестностяхъ.

Чума появляется всегда на далекомъ югѣ. Тамъ въ болотахъ, согрѣтыхъ полуденнымъ солнцемъ, гнѣздится зараза и оттуда переходитъ на сѣверъ. Для охраненія отъ нея по границѣ ставятся войска—войска эти называются *Карантинной стражей.*

Въ сентябрѣ 1829 года чума появилась въ Молдавіи и Валахіи и захватила Бессарабскую область и обнаружилась въ городѣ Кишиневѣ. Нашимъ войскамъ, возвращавшимся изъ турецкаго похода, приказано было повернуть обратно и занять карантинную линію вдоль по р. Днѣстру.

Атаманскому полку надлежало стать въ гор. Могилевѣ и отъ него по Днѣстру занять линію постовъ. Начальникомъ всей линіи былъ назначенъ генералъ Беклемишевъ, а всѣмъ отрядомъ завѣдывалъ губернаторъ князь Воронцовъ ([70]).

Тяжелое время наступило для казаковъ. Сотни были раздѣлены по постамъ, по 8—12 человѣкъ на посту. Посты были расположены въ разстояніи 2 — 4 верстъ постъ отъ поста. У переправъ черезъ рѣку стояли офицерскіе посты. Многимъ пришлось стать въ чистомъ полѣ, вдали отъ жилья. Наступала холодная осень и на постахъ приказано было поставить казармы. И вотъ заботами частью казаковъ, частью полиціи построили маленькіе домики, срубы, безъ печей и рядомъ конюшни изъ плетня. Жестоко мерзли казаки и ихъ лошади на постахъ въ зимнюю стужу, во время вьюги и метели. Лошади худѣли и косматились въ постоянной работѣ. Служба была нелегкая. Днемъ казаки стояли въ соломенныхъ будкахъ пѣшими, наблюдая пространство отъ поста до поста, а ночью содержали парные разъѣзды вдоль рѣки. Они никого не должны были пропускать за рѣку, а переходящихъ насильно ловить и представлять по начальству. Если поймать

нельзя было, то должны были стрѣлять. Ловить было опасно. Вѣдь перебѣжчикъ шелъ съ чумной стороны и могъ быть уже зараженнымъ. Хватающіе его люди могли тоже получить заразу и умереть не въ бою съ непріятелемъ, а отъ тяжелой чумной болѣзни. За поимку полагалась награда по сто рублей за каждаго перебѣжчика.

Командиръ полка полковникъ Кузнецовъ дѣлалъ постоянные объѣзды, наблюдая за полнымъ порядкомъ на постахъ и за бдительной службой полка.

Два съ половиной мѣсяца полкъ простоялъ въ полномъ своемъ составѣ на кордонахъ. Въ концѣ ноября двумъ сотнямъ подполковника Хоперскаго было приказано идти въ Новочеркасскъ: ихъ смѣняли эскадроны Л.-Гв. Казачьяго Его Величества полка.

15-го января въ глухую зимнюю пору, когда вьюга крутила вихри снѣга и въ четырехъ шагахъ не было ничего видно, разъѣздъ нашего полка наткнулся на четырехъ людей въ нищенскомъ одѣяніи, перебиравшихся черезъ рѣку.

— Стой, кто идетъ?—крикнулъ старшій.

— Свои. Казаки—былъ отвѣтъ.

— Какой лѣшій казаки,—еще грознѣе наступилъ старшій и схватилъ перваго странника за воротникъ.

Странникъ смотрѣлъ на разъѣздного, разъѣздной вглядывался въ странника.

— Да вѣдь это наши, атаманцы,—взволнованнымъ голосомъ произнесъ человѣкъ въ нищенскомъ одѣяніи.

Старшій спрыгнулъ съ лошади.

— Полубѣдовъ—ты что ль?

— Да я же! родимый!—а то вонъ Воиновъ, а это—Изваринъ, да Поляковъ.—Господи! пришли, наконецъ.

Эти оборванцы, голодные и отрепанные, были казаки нашего полка, взятые въ минувшую войну съ турками въ плѣнъ. Старикъ Изваринъ, еще съ Наполеономъ дравшійся, имѣвшій знакъ отличія Военнаго Ордена и медаль за 1812 годъ, былъ вмѣстѣ съ

Поляковымъ взятъ турками 22 августа въ госпиталѣ, гдѣ они лежали ранеными. Полубѣдовъ былъ забранъ 30-го іюня при Базарджикѣ и Воиновъ 14 августа подъ Шумлой. Послѣ Адріанопольскаго мира турки ихъ освободили и отвезли въ городъ Бургасъ, откуда плѣнные пѣшкомъ направились въ Россію.

Они уже были исключены изъ списковъ полка, у нихъ не было ни лошадей, ни мундировъ, ни сапогъ.

Разъѣздные привели станичниковъ на постъ. Вокругъ огня собрались всѣ казаки поста. Поднялись разспросы.

Плѣнники разсказали грустную исторію мытарствъ въ чужеземной сторонѣ, ихъ прослушали, накормили, одѣли и донесли по начальству. Ихъ приказано было выдержать 21 день подъ наблюденіемъ, чтобы узнать не заражены ли они чумою, а затѣмъ имъ выдали пропускной листъ и отправили на Донъ, чтобы тамъ они купили коней и справились на службу ([71]).

Это было единственное событіе, заставившее казаковъ поговорить и поволноваться.

Въ августѣ 1830 года остальныя наши сотни были смѣнены донскими казачьими полками Долотина и Ягодина.

7 сентября 4 сотни собрались въ Ямполѣ и 15 октября пришли въ Таганрогъ.

Здѣсь атаманцевъ ожидала новая Царская милость. 11 декабря 1831 года Высочайше повелѣно было, чтобы вмѣсто состоящихъ въ Петербургѣ 3-хъ эскадроновъ Л.-Гв. Казачьяго полка имѣть только 2, а вмѣсто третьяго эскадрона быть въ Петербургѣ при Л.-Гв. Казачьемъ полку сотнѣ Донского Казачьяго Атаманскаго Его Высочества Наслѣдника полка, которая должна ежегодно смѣняться присылаемою вновь съ Дона сотнею Атаманскаго полка. Стоящей въ Петербургѣ сотнѣ приказано производить содержаніе отъ военнаго министра, а не отъ войска Донского.

Обмундированіе этой сотнѣ приказано строить казенное, жалованье же казакамъ выдавать, какъ то было и раньше, по армейскому окладу ([73]).

Эта милость Государева имѣла громадное значеніе для полка. Выборный отъ войска полкъ военными заслугами и образцовой службой заслужилъ великую честь состоять въ столицѣ при Особѣ Государя Императора. И казакамъ стало легче служить съ тѣхъ поръ, какъ казна приняла на себя обмундированіе очередной сотни, и видъ сотни много отъ этого выигралъ. Однако, сотня нашего полка могла прибыть въ Петербургъ лишь въ 1832 году. Въ 1831 году—командировать сотню помѣшала война съ поляками.

Тяжелая служба атаманцевъ въ карантинной линіи не была забыта: командиръ полка награжденъ орденомъ св. Анны 2 степ. съ короною, двое хорунжихъ получили за прекращеніе заразы чины сотниковъ и двое урядниковъ чины хорунжихъ. Сотенные командиры и начальники участковъ, младшіе офицеры и урядники получили Именное Высочайшее благоволеніе.

Игра въ крячку. 1886 годъ ([179]).

ГЛАВА XVI.

На взбунтовавшихся поляковъ.

Какъ взбунтовались поляки.—Мѣстность, на которой приходилось дѣйствовать.—Подвигъ хорунжаго Кузнецова у Гарболино.—Дѣла у Куфлево и Сарочино.—Плѣненная застава 3-й сотни.—Дѣла у Маціоржицъ и подъ Варшавой.

И года не простояли Атаманцы въ Новочеркасскѣ и Таганрогѣ, какъ вышло повелѣніе спѣшно снарядиться и усиленными переходами идти къ польской границѣ.

Начиналась война съ польскими мятежниками.

Вотъ какую пѣсню сложили наши дѣды про эту войну:

„Задумали поляки на Россію воевать,
Да старый край Польшу взять:

—„Мы Россію завоюемъ,
Короля будемъ имѣть,
Законъ польскій мы уставимъ,
Орла бѣлаго поставимъ,—
Узнаетъ насъ и пруссакъ,
Онъ сдается намъ и такъ!“
Нашъ Царевичъ Михаилъ
Изъ лѣсу Польшу манилъ,
Разузналъ стежки, дорожки
И расправилъ Польшѣ ножки,
Бугъ и Вислу онъ отставилъ,
Корпусъ гвардіи поставилъ,
А въ Наровѣ вода кисла,
Погналъ поить ихъ до Вислы.
Онъ Хлопицкій, самозванецъ
Показалъ онъ Польшѣ танецъ,
Онъ по-хлопски убирался
И въ Пруссію подался,
Пруссъ его принялъ—
Въ Петербургъ отослалъ“ ([74]).

Осенью 1830 года „задумали поляки на Россію воевать“...

Польша принадлежала тогда Россіи и управлялась особо назначеннымъ отъ Государя Намѣстникомъ. Намѣстникомъ этимъ былъ родной братъ Государя Великій Князь Константинъ Павловичъ. У поляковъ были свои войска, обученныя по русскому уставу. Вотъ эти-то войска и большая часть жителей 17 ноября 1830 года взбунтовались и съ оружіемъ въ рукахъ бросились въ казармы русскихъ полковъ, квартировавшихъ въ Варшавѣ. Многіе русскіе офицеры были зарѣзаны на своихъ квартирахъ. Великій Князь успѣлъ выѣхать изъ Варшавы и собрать вокругъ себя русскіе полки. Около него было 7000 войска. Между тѣмъ въ одной Варшавѣ польскихъ войскъ было до 10000 человѣкъ. Весь польскій край поднялся. У кого не было ружей, брали косы, насаживали ихъ на палки и образовывали батальоны „коси-

неровъ". Вѣрныхъ долгу и присягѣ мятежники захватывали, дома ихъ сжигали, а ихъ самихъ вѣшали. Какъ только узнали объ этомъ въ Петербургѣ, Государь приказалъ двинуться на усмиреніе поляковъ гвардейскому корпусу подъ начальствомъ Великаго Князя Михаила Павловича, а съ Дона примкнуть къ нему донскимъ казакамъ.

9-го февраля 1831 года Атаманскій полкъ прибылъ въ городъ Пултускъ и вошелъ въ составъ корпуса генерала Гурко.

Сейчасъ же наши сотни были раздѣлены на отдѣльныя партіи и втянулись въ громадные лѣса, окружающіе рѣку Бугъ. Имъ было приказано узнать насколько крѣпокъ ледъ на рѣкѣ и можетъ ли по нему пройти кавалерія и артиллерія.

Эта война была совсѣмъ особенная. Мѣстность, на которой дѣйствовалъ полкъ, покрыта дремучими лѣсами и непроходимыми болотами и топями. По всѣмъ деревнямъ, въ лѣсахъ, по корчмамъ и трактирамъ ютились мятежники. Всякій крестьянинъ былъ опасенъ, во дворахъ у помѣщиковъ скрывались отряды, или, какъ ихъ называли, „банды" поляковъ. Не проходило дня, чтобы кто-нибудь изъ казаковъ не былъ убитъ изъ за-угла измѣнническою пулей.

Но зато въ эту войну казаки, привычные дѣйствовать маленькими партіями подъ командой хорунжихъ и урядниковъ, имѣли случай отличиться. За мелкія стычки и захваты мятежниковъ 27, 29 и 31 марта и 1 апрѣля урядникъ Никулинъ и казаки Сидоровъ, Абросимовъ, Харитоновъ, Аксеновъ, Горѣловъ, Калмыковъ и Кузнецовъ — награждены знаками отличія Военнаго Ордена 4 степ. ([76]).

Главная армія наша подъ командой графа Паскевича Эриванскаго подавалась къ Варшавѣ. Атаманскій полкъ очищалъ ей путь съ южной стороны.

Въ самую распутицу, 7-го апрѣля, полкъ, имѣя впереди хорунжаго Кузнецова съ разъѣздомъ изъ нѣсколькихъ казаковъ, подходилъ къ мѣстечку Гарболино.

Дорога шла лѣсомъ. За лѣсомъ открывался мостъ и видны были дома мѣстечка. Едва только передовые казаки показались изъ за-лѣса, какъ со стороны Гарболина раздался дружный залпъ. Хорунжій Кузнецовъ выскочилъ впередъ и увидалъ, что поперегъ моста наваленъ хворостъ и доски, а за ними видны поляки.

— За мною, стройся,—крикнулъ атаманскій офицеръ. Казаки по тяжелой грязи поскакали къ мосту. Въ непріятельской сторонѣ произошло движеніе. Часть защитниковъ моста побѣжала къ лошадямъ, стоявшимъ за домами, часть открыла безпорядочную стрѣльбу.

Казаки пришпорили своихъ лошадей. Толкнулъ шпорами коня Кузнецовъ и перепрыгнулъ черезъ завалъ. Польскій конный егерь замахнулся на него прикладомъ своего штуцера, но тутъ же былъ сваленъ сильнымъ ударомъ шашки. Казаки покололи еще нѣсколькихъ и ворвались въ деревню.

Конные егеря, занимавшіе ее, бѣжали, часть была захвачена въ плѣнъ и отъ нихъ казаки узнали, что мятежники занимаютъ м. Сарочино. Разъѣздъ хорунжаго Кузнецова, состоявшій изъ урядниковъ Семенцева, Ерофѣева, Соковникова и казаковъ Пушкарева, Ажинова, Турчанинова, Захарова, Дашкова и Фомина, украсился знаками отличія Военнаго Ордена 4 степ. ([75]).

М. Сарочино лежитъ въ глухомъ лѣсу среди болотъ. На конѣ къ нему не подъѣхать. Поляки укрѣпились въ немъ, заняли дома, завалили улицы и переулки, закрыли ставнями окна.

Полковникъ Кузнецовъ приказалъ Атаманскому полку огнемъ выбить непріятеля. Застучали въ лѣсу казачьи штуцера и пошла перестрѣлка. Поляки покинули Сарочино и нашъ полкъ могъ продолжать движеніе къ Главной Арміи. Въ этомъ дѣлѣ особенно отличились урядникъ Ушаковъ и казакъ Жировъ, получившіе георгіевскіе кресты.

11-го апрѣля къ нашему полку присоединились Донской казачій Ильина полкъ, 2-й и 5-й Черноморскіе полки и этотъ кон-

ный отрядъ подъ командой полковника Кузнецова собрался у деревни Руда. На другой день наши разъѣзды открыли мятежниковъ у сел. Куфлева, потѣснили ихъ и погнали передъ собою. 28 апрѣля мятежники собрались въ большихъ силахъ у мѣстечка Ленчно. Несмотря на сильный ружейный огонь, полковникъ Кузнецовъ выстроилъ атаманцевъ и повелъ ихъ въ атаку на польскіе эскадроны. Нашъ полкъ опрокинулъ четыре эскадрона и, сопровождаемый казаками Ильина и черноморцами, врубился въ толпы непріятеля. За это дѣло полковникъ Кузнецовъ былъ награжденъ золотою саблею „за храбрость", а урядники Коньковъ, Поликарповъ, Крюковъ и Костинъ и казаки Таперичкинъ, Фроловъ, Карповъ, Никулинъ и Харлановъ получили знаки отличія военнаго ордена ([76]).

Въ началѣ мая мѣсяца отрядъ полковника Кузнецова присоединился къ главной арміи и Атаманскому полку приказано было занять аванпосты.

Раздѣленные другъ отъ друга, гдѣ взводъ, гдѣ полусотня, жутко чувствовали себя казаки среди мятежнаго края. Такъ какъ война началась внезапно и дѣйствовать приходилось среди непріятельской страны—не удалось заготовить ни фуража, ни провіанта. Приходилось брать и то и другое отъ жителей. На каждую сотню приказано было завести по пяти косъ и ежедневно посылать команды на сѣнокосъ и за провіантомъ. Днемъ атаманцы охраняли фуражировъ, а ночью несли тяжелую сторожевую службу. Лѣто было дождливое, дороги набухли, и трудно было поддерживать сообщеніе между заставами. 23-го іюня, наконецъ, пришло приказаніе снять аванпосты и начать наступленіе. Но въ ночь на 23-е число въ нашемъ полку случилось несчастіе, лишившее насъ почти полусотни людей.

3-я сотня нашего полка подъ командой есаула Урасова при офицерахъ хорунжихъ Харитоновѣ и Грековѣ занимала заставу въ дер. Плонскѣ.

Весь день 22-го лилъ дождь. Мѣстность была лѣсная, за-

крытая, настроеніе у казаковъ унылое. Больше мѣсяца застава стояла на одномъ мѣстѣ, въ бездѣйствіи. Отъ долгой стоянки безъ происшествій и казаки стали безпечнѣе, да и начальство прощало часовымъ проступки. 22-го послѣ трудной командировки за фуражемъ казаки такъ приморились, что застава вопреки приказанія раздѣлась, разсѣдлала коней и полегла по домамъ спать...

Заснулъ и часовой....

А въ это время къ Плонску безъ шума подошли польскіе уланы. Атаманскій часовой былъ снятъ. Люди въ ближайшихъ домахъ связаны и обезоружены спящими. Въ числѣ первыхъ были захвачены есаулъ Урасовъ и хорунжій Харитоновъ. Проснувшіеся казаки подняли шумъ. Хорунжій Грековъ разбудилъ свой взводъ, похватали наскоро оружіе и выбѣжали изъ домовъ. Началась безтолковая стрѣльба въ темнотѣ, подъ проливнымъ дождемъ. Но уланы уже уходили, увозя плѣнныхъ, оружіе и лошадей.

Взяты въ плѣнъ—есаулъ Урасовъ и хорунжій Харитоновъ, 2 урядника и 34 казака. Хорунжему Грекову удалось собрать остальныхъ шестерыхъ урядниковъ и 60 казаковъ. Съ ними бросился онъ въ погоню. Но ночь была темная, кругомъ лѣсъ и онъ принужденъ былъ вернуться ([77]).

Какъ громомъ поражены были въ штабѣ полка, когда узнали объ этомъ. Правда, въ эту кампанію много было плѣнныхъ съ обѣихъ сторонъ, потому что непріятель былъ кругомъ, повсюду были лѣса и трудно проходимыя болота. Но тутъ захвачена была цѣлая застава, со всѣми людьми и лошадьми, захвачена по винѣ одного негодяя, который осмѣлился заснуть на часахъ. Онъ усталъ, правда, за день, но развѣ можетъ казакъ устать на походѣ? Хорошо еще, что въ штабѣ главнокомандующаго понимали, что занимать въ продолженіе полутора мѣсяцевъ изо дня въ день аванпосты, да еще въ странѣ, гдѣ каждый житель непріятель—нелегко—и ошибки могутъ выйти. Виноватые за вину свою поплатились кто жизнью, кто плѣномъ, а въ общемъ аванпостная служба полка

была безупречна, и потому, несмотря на это несчастіе, за аванпосты командиру полка полковнику Кузнецову была объявлена благодарность отъ имени главнокомандующаго графа Паскевича.

Лѣтомъ армія подавалась вглубь Польши, тѣсня мятежниковъ къ Варшавѣ и къ границамъ Пруссіи.

Отъ поры до времени поляки собирались большими силами и, вдохновляемые заговорщиками и католическими священниками, устраивали завалы и пытались за ними задержать наступленіе русскихъ войскъ.

Такъ, на разсвѣтѣ 5-го августа урядникъ нашего полка Пухляковъ и казакъ Бровкинъ, бывшіе въ ночномъ дозорѣ, пріѣхали израненные и привели съ собою нѣсколькихъ поляковъ.

Оказалось, что они ворвались ночью въ село Бронино и схватили мятежниковъ изъ перваго дома. Урядника и казака за храбрость пожаловали георгіевскими крестами, а плѣнныхъ допросили.

Они показали, что въ селеніи Маціоржицы неподалеку отъ Варшавы собрались большія силы мятежниковъ.

Полковникъ Кузнецовъ рѣшилъ атаковать ихъ. Живо посѣли на коней атаманцы и сотня за сотней поскакали къ деревнѣ. Едва только они вышли на опушку, какъ хорунжій Тамбовцевъ и казаки лейбъ-сотни Талдыкинъ и Шубинъ были ранены пулями...

Но паденіе ихъ не задержало 1-ю сотню.

По командѣ есаула Орлова она развернулась вскачь и помчалась на мятежниковъ.

За нею понесся есаулъ Андріановъ съ 2-ю сотней, дальше есаулъ Стояновъ съ 4-ю, пятая и шестая сотни разворачивались вправо и влѣво. Только третья, почти уничтоженная подъ Плонскомъ, не участвовала въ этомъ дѣлѣ.

Передъ атаманцами оказались частью регулярные мятежные полки, частью косинеры.

Косинеры не выдержали стремительной атаки атаманцевъ и

дрогнули, офицеры и солдаты регулярныхъ полковъ пытались ихъ удержать, но подъ ударами палашей и они запросили пардона ([75]).

1-ая сотня, порубившая больше всѣхъ, взяла въ плѣнъ 2 офицеровъ-поляковъ, 2-ая—3 офицеровъ и 25 рядовыхъ, 4-ая—2 офицеровъ и 22 рядовыхъ, 5-ая—1 офицера и 12 рядовыхъ и 6-ая—1 офицера и 7 рядовыхъ, а всего было взято нашимъ полкомъ въ плѣнъ 7 офицеровъ и 66 польскихъ солдатъ ([75]).

Почти всѣ офицеры нашего полка за это дѣло получили награды. Особенно отличившійся есаулъ Андріановъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. съ мечами и бантомъ, есаулъ Стояновъ—орденомъ св. Анны 3-й степени, раненый хорунжій Тамбовцевъ получилъ орденъ св. Анны 4-й степени; урядники: Сербиновъ, Харлановъ и Бударинъ и казаки Карташовъ, Бочаровъ, Фроловъ, Носовъ, Косяковъ, Нечаевъ, Егоровъ, Карповъ, Кравцовъ, Ушаковъ, Борщовъ, Морсковъ, Панфиловъ и Воиновъ награждены знаками отличія военнаго ордена ([76]).

Атаманцы отомстили за дѣло при Плонскѣ.

16 августа нашъ полкъ уже стоялъ противъ Варшавы на аванпостахъ въ отрядѣ начальника авангарда генерала отъ кавалеріи гр. Витта.

На зарѣ казаки замѣтили, что въ укрѣпленіяхъ у непріятеля начинается необычное движеніе.

Послали донесеніе гр. Витту. Онъ выѣхалъ самъ и, сопровождаемый разъѣздомъ Атаманскаго полка, продвинулся къ укрѣпленіямъ.

4 баталіона пѣхоты, 4 орудія и 10 эскадроновъ выходили изъ-за валовъ. Пѣхота и артиллерія шли по шоссе, кавалерія держалась лѣвѣе.

Гр. Виттъ приказалъ нашему полку и полку Грекова сдѣлать атаку на непріятельскій флангъ.

Быстро вынеслись атаманцы и, опрокинувъ непріятеля, гнали его болѣе двухъ верстъ. Многихъ покололи пиками, 2 унтеръ-офицеровъ и 40 солдатъ взяли въ плѣнъ.

Въ это время прибыли орудія нашей артиллеріи, 5-й Конно-Черноморскій полкъ, эскадронъ лейбъ-казаковъ, эскадронъ Л.-Гв. Конно-Егерскаго полка и эскадронъ Л.-Гв. Гусарскаго полка—словомъ, собралась вся кавалерія гр. Витта. Они бросились на пѣхоту и артиллерію и заставили ее скрыться за укрѣпленія.

Къ полудню бой кончился. Усталые атаманцы возвращались, везя убитаго казака и семерыхъ раненыхъ.

Полякамъ не удалось развѣдать, гдѣ стоитъ наша армія, нашъ же полкъ былъ особо выдѣленъ въ донесеніи гр. Витта, который „отдаетъ полную справедливость рѣшительному дѣйствію казачьихъ полковъ и въ особенности Атаманскому Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича и Грекова полкамъ, а равномѣрно эскадрону Л.-Гв. Конно-Егерскаго полка“ ([78]).

Черезъ недѣлю послѣ этого—гр. Паскевичъ Эриванскій назначилъ штурмъ города Варшавы.

Варшава. Старое мѣсто.

ГЛАВА XVII.

„За Варшаву 25 и 26 августа 1831“.

Штурмъ города Варшавы.—Атаманцы первыми входятъ въ Варшаву, выкинувшую бѣлый флагъ.—Отличіе на шапки.—Командированіе двухъ сотенъ въ Петербургъ.—Переименованіе сотенъ въ эскадроны.

Городъ Варшава, столица Царства Польскаго, лежитъ на берегу широкой и глубокой рѣки Вислы. Для обороны ея отъ нашихъ войскъ поляки окружили ее цѣлымъ рядомъ высокихъ валовъ. Впереди валовъ находились глубокіе рвы. А передъ рвами были выкопаны круглыя ямы въ полъ роста человѣка, а

въ ямы вбиты заостренные колья, такъ называемыя „волчьи ямы“.

На всѣхъ улицахъ были поставлены рогатки, а за ними нагромождены телѣги, ящики и доски. Всѣ дома были обращены въ маленькія крѣпости.

Впереди города Варшавы лежитъ деревня Воля съ каменной церковью и высокой колокольней. И эта деревня была сильно укрѣплена деревяннымъ заборомъ изъ бревенъ съ заостренными концами и земляными валами.

24 августа 1831 года наши войска подошли къ Варшавѣ и на 25-е августа былъ назначенъ штурмъ. Солдатамъ было приказано одѣть мундиры—чтобы лучше отличаться отъ польскихъ полковъ, форма одежды которыхъ походила на нашу.

Нашъ полкъ долженъ былъ овладѣть правымъ флангомъ и продвинуться до Вислы.

Въ 4 часа утра загремѣла съ обѣихъ сторонъ канонада. Атаманцы овладѣли деревней Виллановой, оттѣснивъ польскую кавалерію, продвинулись до Чернякова и заняли берегъ р. Вислы.

Между тѣмъ пѣхота упорно дралась на валахъ и къ закату солнца овладѣла передовыми окопами Воли.

На разсвѣтѣ 26-го августа въ нашъ лагерь явились переговорщики. Они, говоря объ уступкахъ выпросили время на размышленіе до 1 часу дня, сдать городъ обѣщая безъ лишняго кровопролитія. Но они обманули. Въ половинѣ второго дня былъ данъ сигналъ къ атакѣ. Это былъ страшный день. Пушечная и ружейная пальба не прекращались ни на минуту. Вся мѣстность была затянута бѣлесоватой пеленой. Деревня Циста и вѣтряныя мельницы кругомъ Варшавы пылали. Съ громомъ музыки, съ распущенными знаменами шли наши пѣхотные полки на валы предмѣстья Воли. Одни падали, другіе шли на ихъ мѣсто и по трупамъ взбирались на укрѣпленія. Часть окоповъ была въ нашихъ рукахъ.

Стемнѣло. Но перестрѣлка не прекращалась.

Въ 10 часовъ ночи еще тамъ и тамъ слышны были выстрѣлы. Всю ночь войска провели, не ложась, подъ ружьемъ. Въ нашемъ полку, переведенномъ въ резервъ и стоявшемъ вмѣстѣ съ 1-й кирасирской, 3-й уланской дивизіями и казаками Его Величества за центромъ, лошадей не разсѣдлывали.

Отъ зарева пожаровъ было свѣтло. Кругомъ слышны были стоны раненыхъ. Священники, обходя валы, напутствовали умирающихъ. Ночью надъ Варшавой взвился бѣлый флагъ. Явившіеся переговорщики сказали, что они уходятъ въ Плоцкъ. Въ 6 часовъ утра нашъ полкъ получилъ приказаніе осмотрѣть Варшаву ([79]).

Подтянули подпруги, перекрестились, сѣли.

— Съ Богомъ!—сказалъ Кузнецовъ и полкъ по-сотенно направился къ обвалившимся укрѣпленіямъ Воли.

За нашимъ полкомъ пошли лейбъ-казаки и остальная гвардейская кавалерія.

Тихо было на валахъ. Кругомъ лежали трупы храбрыхъ защитниковъ Воли. Полкъ, перебравшись черезъ валъ, въѣхалъ въ улицы. Тамъ и тамъ раздались изъ оконъ выстрѣлы. То стрѣляли фанатики мятежники, не желавшіе покинуть Варшаву. Казаки врывались въ дома и забирали ихъ. Проѣхавъ Волю, нашъ полкъ въѣхалъ въ Прагу,—а затѣмъ и самую Варшаву.

Вотъ у баррикады на улицѣ кучка поляковъ встрѣчаетъ залпомъ казаковъ. Урядники Минаевъ, Кожановъ, Карцевъ, Матекинъ, Харлановъ и Ерофѣевъ съ казаками опрокидываютъ ихъ и забираютъ въ плѣнъ, тамъ часть казаковъ взбирается въ домъ, откуда ранили казака. А сзади уже слышны торжественные марши нашихъ войскъ ([81]).

Мятежникамъ нельзя было довѣрять. Жутко было входить поэтому первыми въ опустѣлую, но коварную Варшаву. И храбрость нашихъ казаковъ была оцѣнена графомъ Паскевичемъ. Нашъ полкъ получилъ не мало наградъ.

«За блистательную храбрость и мужество 25 и 26 августа

при штурмѣ передовыхъ варшавскихъ укрѣпленій, городового вала и г. Варшавы» полковникъ Кузнецовъ, командиръ Атаманскаго полка, произведенъ въ генералъ-маіоры ([91]).

Урядники, ѣхавшіе впередъ, и казаки Арефьевъ, Басовъ, Гнилорыбовъ, Сахаровъ и Фарапоновъ получили георгіевскіе

Командиръ полка Генералъ-Маіоръ Кузнецовъ и полковникъ ([180]).

кресты, а 6 декабря 1831 года вышелъ приказъ, которымъ офицерамъ и казакамъ Атаманскаго полка **пожалованы на шапки знаки отличія съ надписью „За Варшаву 25 и 26 августа 1831 г.** ([83]).

15-го января 1832 года всѣмъ офицерамъ пожалованы особые знаки отличія за Варшаву и 678 казакамъ, бывшимъ при штурмѣ— медали ([82]).

29-го августа Атаманскій полкъ перешелъ на другую сторону р. Вислы и погналъ мятежниковъ къ нѣмецкой землѣ.

Польскія войска удалились въ крѣпость Модлинъ и нашему полку приказано было наблюдать за ихъ дѣйствіями въ этой

крѣпости. 3 сентября Атаманскія сотни раскинули аванпосты по обѣимъ сторонамъ Вислы и по рѣкѣ Нареву. 24 сентября мятежники потянулись за нѣмецкую границу; атаманцы проводили ихъ до самыхъ пограничныхъ столбовъ.

Усмиреніе было окончено, войска расходились въ мѣста своего квартированія.

18 октября сотни нашего полка пошли черезъ Себежъ въ Новочеркасскъ.

23 декабря 1831 года состоялось Высочайшее повелѣніе въ С.-Петербургѣ имѣть 2 эскадрона Л.-Гв. Казачьяго Его Величества полка и двѣ сотни Атаманскаго полка. Содержаніе офицерамъ Атаманскихъ сотенъ выдавать по окладамъ молодой гвардіи. **Сотни именовать эскадронами**, *и строиться имъ по примѣру Л.-Гв. Казачьяго Его Величества полка.*

Для Атаманскаго полка наступало новое время,—время петербургской службы ([84]).

ГЛАВА XVIII.

Петербургская служба.

Прикомандированіе къ гвардейскому корпусу.—Перемѣна формы.—Походъ въ Петербургъ.—Разъѣзды по городу.—Маневры.—Случай съ молодымъ казакомъ.—Полковой праздникъ.—Перемѣна формы. — Посѣщеніе Дона Императоромъ Николаемъ Павловичемъ.—Свадьба Наслѣдника Цесаревича.—Ходатайство атамана М. Г. Власова.—Прибавка содержанія.—Переименованіе чиновъ въ регулярные.

Еще 25 іюня 1831 года, въ самый разгаръ дѣйствій противъ польскихъ мятежниковъ полкъ нашъ былъ прикомандированъ къ Гвардейскому Кавалерійскому Корпусу ([85]).

16 декабря того же года послѣдовали мелкія измѣненія въ формѣ одежды съ цѣлью сдѣлать одѣяніе атаманцевъ совершенно схожимъ съ одѣяніемъ лейбъ-казаковъ. Перевязи у казаковъ повелѣно имѣть вмѣсто черныхъ бѣлыя, лядунки съ круглымъ мѣднымъ гербомъ. портупеи изъ юфтовой кожи, сабли съ мѣднымъ эфесомъ, пистолеты на бѣломъ панталерѣ съ крюкомъ, пики съ голубымъ древкомъ. Офицерамъ даны лядунки новаго образца и лядуночныя перевязи изъ голубой тесьмы съ тремя серебряными полосками и съ серебрянымъ же наборомъ ([86]).

10 апрѣля 1832—Атаманскому полку приказано было имѣть голубые вальтраны, обшитые бѣлой суконной тесьмой по краямъ и по угламъ. У офицеровъ вмѣсто бѣлой тесьмы имѣть широкій серебряный галунъ ([86]).

Очередной дивизіонъ долженъ былъ прибыть въ 1832 году и коммиссаріатской части, тогдашнему, интендантству, приказано

Атаманскій полкъ въ 1831—1838 году.
Оберъ-офицеръ ([131])

было озаботиться постройкой всего обмундированія на дивизіонъ Атаманскаго полка, чтобы полкъ могъ сразу явиться одѣтый и вооруженный строго по формѣ.

Въ маѣ мѣсяцѣ, какъ всегда, всѣ шесть эскадроновъ полка были собраны изъ станицъ подъ Новочеркасскъ на обычное майское ученіе и здѣсь было объявлено распоряженіе по окончаніи сбора 1-му дивизіону полка выступить въ С.-Петербургъ, на новую—гвардейскую службу.

1-го іюня 1832 года 1-й и 2-й эскадроны нашего полка подъ командой войскового старшины Андріянова, заслуженнаго офицера, имѣвшаго Владиміра съ мечами и золотое оружіе, послѣ напутственнаго молебствія тронулись изъ Новочеркасска ([87]).

Въ тѣ времена желѣзныхъ дорогъ не было, и дивизіонъ шелъ походомъ на Воронежъ, потомъ на Москву, на Тверь и на Петербургъ. Хорошо запомнилась атаманцамъ „петербургская дорожка—шельма лиходѣйка". Шли по ней два съ половиной мѣсяца. Лишь 22 августа съ вершины Пулковской горы увидали атаманцы впервые облако темнаго дыма, новый Исаакій, сверкающій куполомъ, и кучи каменныхъ домовъ. Походомъ учились ѣздѣ и строю. При выступленіи многія лошади были такія злыя, что садиться на нихъ можно было только прыжкомъ, и то лошадь долго скакала, била и кусалась. А уже въ Москву въѣзжали въ полномъ порядкѣ на спокойныхъ лошадяхъ. У казаковъ въ тѣ времена устава не было. Строились толпами, атаковали лавами по отцовскимъ преданіямъ. Но лейбъ-казакамъ и атаманцамъ, какъ служившимъ наряду съ гвардейской кавалеріей, пришлось учиться по регулярному кавалерійскому уставу. Поэтому-то дорогой казакамъ показывали повороты и ломку фронта, на дневкѣ офицеры и старые урядники объясняли гарнизонный уставъ—службу въ караулѣ, разсказывали, какъ и кому надо отдавать честь.

Для отданія чести тогда казаки должны были снимать фуражку или шапку съ головы.

Дивизіонъ шелъ на Царское село, гдѣ располагался на дневкѣ. Иногда, въ Царскомъ Государь Императоръ, или кто-либо изъ Великихъ Князей смотрѣли дивизіонъ на походѣ ([88]).

За два съ половиной мѣсяца, люди глубоко усаживались въ сѣдло и видъ у атаманцевъ былъ бравый и молодцоватый.

Проѣхавъ городскую заставу, съ музыкой—въ 1831 году въ Атаманскомъ полку былъ заведенъ хоръ трубачей и число эскадроновъ вмѣсто десяти установлено 6—или пѣснями, заложивъ пики за плечо, дивизіонъ слѣдовалъ на лѣвый берегъ Невы, въ Рыбацкую слободу на то мѣсто, гдѣ теперь находится Рожковскій продовольственный магазинъ. Тамъ, въ ветхихъ баракахъ и грязныхъ конюшняхъ и размѣстились въ первый разъ въ 1832 году Атаманскіе эскадроны ([87]).

По прибытіи справились, гдѣ должны быть помѣщены полковые знамя и бунчукъ. 29-го августа вышло распоряженіе—хранить знамена дивизіона Атаманскаго полка въ Собственномъ Его Величества дворцѣ на половинѣ Наслѣдника Цесаревича ([87]).

Впервые знамена были туда доставлены 24 октября 1832 г.

Сейчасъ же по приходѣ въ Петербургъ началась и петербургская служба дивизіона. Служба эта была двоякаго рода—караульная, во дворцѣ,—гдѣ полкъ нашъ занималъ внутренній караулъ наряду съ легкой кавалеріей—и разъѣздная. Эта послѣдняя была очень тяжела.

Въ тѣ времена въ Петербургѣ полиціи было мало. Конныхъ городовыхъ и совсѣмъ не существовало. Да и самъ городъ былъ гораздо меньше. У Аничковскаго моста кончались большія постройки, затѣмъ только Литейная и Надеждинская, называвшаяся тогда шестилавочной, были мощены камнемъ, дальше за Лиговкой шли грязные пустыри, а тамъ, гдѣ теперь стоятъ наши казармы, находится конная площадь и больница,—было моховое болото, поросшее сосновымъ лѣсомъ. Лиговка протекала между болотъ и кустарниковъ, и лишь въ Ямской и Боровой улицахъ стояли покосившіяся ямскія избы. Много разныхъ подозритель-

Атаманскій полкъ въ 1831—1838 году.
Унтеръ-офицеръ въ шинели ([152]).

ныхъ людей ютилось въ этихъ лѣсахъ и болотахъ подъ самымъ городомъ. По ночамъ, когда въ городѣ, вмѣсто теперешнихъ яркихъ электрическихъ фонарей, тускло мерцали масляныя лампы, да кое-гдѣ горѣлъ газъ, эти бездомные выходили искать въ улицахъ запоздалаго городского обывателя... И боялись они только казачьяго объѣзда. Грязною осенью и холодной зимою ѣздили казаки, объѣзжая дозоромъ самые отдаленные уголки Петербурга.

А, вернувшись, надо было заняться чисткой коня и аммуниціи, учиться маршировкѣ, смѣнѣ караула и сабельнымъ пріемамъ.

Но атаманцы не уставали. Весело маршировали они по городу въ караулъ, весело учились конному строю, распѣвая лихую пѣсню про свою петербургскую службу:

Какъ во славной во сторонкѣ
Въ Сѣверной сторонѣ
Во прекрасной во столицѣ,
Въ Петербургѣ городѣ,
Надъ быстрой рѣкой Невою
Стоитъ Зимній Дворецъ
Россійскаго Государя,
Все Романова Царя!
Во дворцѣ казаки служатъ,
При дверяхъ всегда стоятъ,
Государь часто проходитъ,
Имъ здорово говоритъ!
А Донцы съ охотой служатъ,
Отвѣчаютъ весело:
Московскіе господа
Завидуютъ казакамъ!
Во манежѣ мы собирались,
Государя дожидались,
Ученьицемъ занялись.
Государь къ намъ пріѣзжалъ,
Самъ по фронту проѣзжалъ,
Онъ по фронту проѣзжалъ,

Самъ разводы начиналъ,—
А покончивши разводы—
Намъ спасибо, какъ всегда!
За разводы отпущалъ
По полтинѣ серебромъ,
Мы денежки получаемъ,
Поздравлять Царя пойдемъ!... ([89]).

Въ лагери дивизіонъ ходилъ вмѣстѣ съ полками гвардіи подъ Красное село и располагался по квартирамъ въ селѣ Высоцкомъ ([87]).

Маневры тогда бывали большіе. Гвардія ходила то къ Москвѣ, то къ Варшавѣ, а разъ—гвардейскіе полки и съ ними два эскадрона атаманцевъ ходили на маневры вмѣстѣ съ нѣмецкими войсками въ городъ Калишъ. Въ память этихъ общихъ съ нѣмцами маневровъ были выбиты особыя медали и розданы участникамъ.

Первый годъ наши казаки робѣли на маневрахъ больше, чѣмъ на войнѣ. Въ сраженіи просто—знай, коли, руби, а на маневрахъ такъ много генераловъ, часто пріѣзжаютъ Великіе Князья и самъ Государь, какъ не растеряться?

Первые маневры подъ Петербургомъ памятны были нашему полку по слѣдующей исторіи. Наши эскадроны 6-го іюня находились въ передовой цѣпи авангарда Московскаго корпуса. На аванпосты пріѣхалъ со свитой Государь Императоръ и сталъ распрашивать о дорогахъ и о томъ, что казакъ видѣлъ у непріятеля. Казакъ попался молодой, не расторопный, да и глупый къ тому-же Онъ не зналъ, или не умѣлъ объяснить свои обязанности на посту и даже не умѣлъ исполнить объявленнаго ему лично Его Величествомъ приказанія отступить.

За плохое обученіе досталось всѣмъ. Командующему Л.-Гв. Казачьимъ полкомъ, въ составъ котораго входилъ дивизіонъ атаманцевъ объявлено замѣчаніе, а командиръ дивизіона войсковой старшина Карповъ, эскадронный—войсковой старшина гр. Платовъ и взводный сотникъ Яновъ были арестованы первый

при дивизіонѣ, а остальные два при гауптвахтѣ впредь до приказанія. О казакѣ и говорить нечего, ему было такъ стыдно, что онъ подвелъ начальниковъ и осрамилъ свой полкъ, что лучше бы ему и на свѣтъ не родиться ([90]).

Досеговремени атаманцы не праздновали полкового праздника, потому что это не было въ обычаѣ на Дону, но съ тѣхъ поръ, какъ они вошли въ составъ гвардейскаго корпуса, гдѣ каждая часть имѣетъ своего святого, котораго особенно чтитъ и нашему полку назначенъ день праздника.

2 мая 1834 года Государь Императоръ повелѣть соизволилъ днемъ праздника въ Казачьемъ Атаманскомъ Наслѣдника Цесаревича полку назначить 30 августа, день св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго. ([91])

26 мая 1835 года для нашего полка была установлена слѣдующая форма обмундированія;—шапки черной смушки съ свѣтлосинимъ суконнымъ языкомъ, этишкеты и помпонъ бѣлые, галстухъ черный, чекмень синяго сукна, съ выпушкою по воротнику и рукавамъ свѣтлосиняго сукна, куртка свѣтлосиняго цвѣта, на чекменѣ и курткѣ петлицы бѣлой тесьмы, шаровары темно синяго сукна, кушакъ бѣлый, холщевый, шинель сѣраго сукна, съ свѣтлосиними клапанами на воротникѣ и такими же погонами, сапоги съ желѣзными шпорами, эполеты желѣзные, чешуйчатые, съ бѣлою бахрамою, лядунка черной лакированной кожи, съ мѣдною бляхой, перевязь для лядунки бѣлая, лосинная, портупея красной кожи, сѣдло обыкновенное казачье съ потникомъ и крышкою, подушка къ сѣдлу свѣтлосиняго сукна, обложенная бѣлою тесьмою, вальтрапъ свѣтлосиняго сукна, обложенный бѣлою тесьмою, чемоданъ сѣросиневатаго сукна, попона сѣраго сукна, перевязь съ мѣднымъ и желѣзнымъ приборомъ, сабля желѣзная съ мѣднымъ эфесомъ и кожанымъ темлякомъ, пистолетъ обыкновенный, кавалерійскій, дротикъ на свѣтлосинемъ древкѣ, узда, пахвы и нагрудникъ съ мѣднымъ приборомъ.

Унтеръ-офицеры, писаря и лекарскіе ученики имѣютъ на

мундирахъ по воротнику и обшлагамъ—серебряный галунъ. Для всегдашняго употребленія всѣмъ чинамъ были положены свѣтлосинія фуражки съ выкладкою и выпушкою темносиняго сукна, а во время похода и чахлы на шапкахъ изъ черной клеенки. Въ 1837 году приказано при чекменѣ кушаковъ не носить, а офицерамъ имѣть серебряные шарфы съ тремя полосками свѣтлооранжеваго и чернаго шелка, которые носить при парадной и караульной формѣ ([92]).

Въ то время, какъ одинъ дивизіонъ несъ представительную службу въ Петербургѣ, то участвуя въ караулахъ, парадахъ и разводахъ, то высылая разъѣзды на ночь, остальные два дивизіона жили у себя дома, по станицамъ, занимаясь землепашествомъ и разведеніемъ овощей и винограда. Лишь разъ въ годъ весною льготные эскадроны собирались въ Новочеркасскѣ для обученія согласно кавалерійскихъ уставовъ. Да съ 1836 года приказано при домѣ Атамана имѣть караулъ изъ 1 урядника и 6 казаковъ. Смѣна этого караула производилась каждые 15 дней. Чтобы казакамъ необременительна была эта служба на нее назначали казаковъ ближайшихъ къ Новочеркасску станицъ:—Черкасскаго, 1 Донскаго до Кумшацкой станицы и Донецкаго округовъ([93]).

Въ 1837 году Государь Императоръ Николай Павловичъ и Августѣйшій Атаманъ и Шефъ нашего полка посѣтили Донскую Область.

17 октября вечеромъ прибылъ въ г. Аксай Наслѣдникъ Цесаревичъ и былъ встрѣченъ карауломъ своего полка. 21 октября Императоръ Николай Павловичъ сдѣлалъ смотръ собраннымъ въ Новочеркасскѣ войскамъ. Всего было на смотру 2 дивизіона Л.-Гв. Казачьяго полка, 2 дивизіона Атаманскаго Его Высочества Наслѣдника Цесаревича полка, 2 дивизіона Л.-Гв. донской конно-артиллерійской батареи, 22 полевыхъ полка (временно сформированныхъ изъ наличныхъ офицеровъ и казаковъ) и 3 донскихъ конно-артиллерійскихъ батареи. Смотръ былъ очень неудаченъ. Только атаманцы, да лейбъ-казаки, прошедшіе строгую

школу имѣли воинскій видъ. Люди остальныхъ полковъ не держали равненія, офицеры и урядники не знали своихъ мѣстъ, даже большая часть полковыхъ командировъ не имѣли понятія о фронтѣ, къ довершенію всего Государь обратилъ вниманіе на дурныхъ казачьихъ лошадей, на разнообразную и весьма плохую обмундировку казаковъ, на всякое отсутствіе казацкой молоде-

Атаманскій полкъ въ 1838 году.
Урядникъ.

ческой посадки на лошадяхъ и, вообще, въ справедливомъ неудовольствіи своемъ, Государь сказалъ атаману Власову:

— Я ожидалъ видѣть двадцать два полка казаковъ, а вижу какихъ-то мужиковъ. Никто не имѣетъ понятія о фронтѣ! а лошади—это не казачьи лошади,—это мужичьи!....

Писаннаго устава казаки не имѣли. Строй знали только лейбъ-казаки, да атаманцы, изучавшіе его по регулярному уставу. Казаки этихъ полковъ и обучали льготныя сотни на память и

понятно часто ошибались ([94]). Но это несчастіе на смотру заставило обратить вниманіе на войско Донское и многое въ немъ перемѣнилось и улучшилось для облегченія казачьей службы.

Въ 1838 году форма казаковъ нашего полка была нѣсколько упрощена. Казакамъ приказано было имѣть шапки безъ этишкетовъ съ обще-армейскимъ гербомъ изъ бѣлой жести, имѣющемъ спереди въ щитѣ мѣдную букву „А“ и съ отличіемъ „за Варшаву“ поверхъ герба. Эполеты имѣть безъ бахрамы, съ подбоемъ свѣтло-синяго сукна, вмѣсто лядунокъ положено носить патронташи изъ черной юфтовой кожи на 40 патроновъ и съ лосиной перевязью, пистолетныя чушки изъ черной глянцевой кожи, шнуры свѣтлосиней шерсти, портупеи изъ красной кожи, вмѣсто сабель имѣть шашки въ деревянныхъ ножнахъ съ мѣднымъ приборомъ. У офицерскихъ патронташей имѣть крышки свѣтлосиняго сукна съ перевязью изъ свѣтлосиней шелковой тесьмы съ тремя серебряными полосками. Пистолетные шнуры у офицеровъ должны были быть серебряные, портупеи серебряныя съ синими полосками, шашки такія же какъ и у казаковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ даны указанія относительно укладки вещей во вьюкъ ([95]).

Эти частыя перемѣны формы происходили отъ того, что генералъ-маіоръ Кузнецовъ весьма часто сносился съ атаманомъ Власовымъ, заботясь о томъ, чтобы казакамъ удобно было на походѣ. Такъ бѣлые этишкеты, висѣвшіе отъ шапки къ плечу, часто цѣплялись за саблю, или дротикъ, а при паденіи рвались, бѣлыя выпушки эполетъ пачкались, а сабли въ желѣзныхъ ножнахъ звенѣли и мѣшали подкрадываться ночью—вотъ почему всѣ эти принадлежности обмундированія и были отмѣнены.

16 апрѣля 1841 года состоялось бракосочетаніе Наслѣдника Цесаревича. Петербургскимъ дивизіономъ въ эти торжественные дни командовалъ войсковой старшина Урасовъ. Нашъ эскадронъ занималъ караулъ въ день свадьбы, и нашъ же эскадронъ сопровождалъ карету высоконареченныхъ жениха и невѣсты. Въ память этого событія были отчеканены серебряныя медали, ко-

торыя и были розданы 13 нашимъ офицерамъ, участвовавшимъ въ торжествахъ бракосочетанія, командиръ полка получилъ золотую медаль ([96]).

Дни этой свадьбы имѣли большое значеніе для полка по слѣдующему обстоятельству. На свадьбу въ Петербургъ пріѣхалъ изъ войска атаманъ Максимъ Григорьевичъ Власовъ. Послѣ торжественнаго брачнаго обѣда, Государь, обходя гостей, увидѣлъ Власова и, положа руку на плечо его, сказалъ: „ну, слава Богу, оженили мы атамана вашего. Любите и Атаманшу, какъ его любите".

— У донцовъ Вашего Величества любовь къ Монарху и Августѣйшей фамиліи его составляетъ другую религію ихъ,—отвѣчалъ Власовъ.—Семейную радость вашу они примутъ, какъ радость собственную свою.. Позволь, Государь, въ этотъ радостный для всей Россіи день, попросить у тебя особую милость твоимъ вѣрнымъ донцамъ!—и съ этими словами Власовъ, опускаясь на колѣни, подалъ Государю бумагу.

Императоръ видимо былъ недоволенъ несвоевременною просьбою, но, любя Власова, принялъ ее.

Власовъ просилъ о прибавкѣ жалованья офицерамъ. А наши офицеры въ то время получали всего 71 рубль жалованья въ годъ и должны были изъ этихъ денегъ одѣваться и содержать лошадь.

Просьба атамана вскорѣ увѣнчалась успѣхомъ ([97]). 19 августа вышло повелѣніе уравнять офицеровъ и казаковъ Атаманскаго Наслѣдника Цесаревича полка въ отношеніи довольствія съ офицерами и казаками Л.-Гв. Казачьяго полка. Производство вести по полковой линіи, а не по войску, какъ то было раньше, и казакамъ вмѣсто отпускавшихся раньше фуражныхъ на вьючную лошадь по 21 рублю 45 коп. производить ремонтное жалованье по 37 р. 25 коп. въ годъ ([98]). Но съ этимъ сравненіемъ съ Лейбъ-Казачьимъ полкомъ вышло недоразумѣніе. Въ Атаманскомъ полку, какъ и вообще въ армейскихъ полкахъ, не было тогда чина подъ-

есаула, поэтому начальство и затруднялось какимъ чиномъ замѣнить въ нашемъ полку чинъ штабсъ-ротмистра, имѣвшійся въ Лейбъ-Казачьемъ полку. Разрѣшеніе этого затрудненія вышло 11 февраля 1842 года, когда Высочайше повелѣно было переименовать—войсковыхъ старшинъ въ майоры, есауловъ—въ ротмистры, сотниковъ въ поручики, хорунжихъ въ корнеты, урядниковъ—въ вахмистры и унтеръ-офицеровъ, пятидесятниковъ и приказныхъ—въ ефрейторы ([99]). Сотниковъ же производить впредь не въ есаулы, а въ штабсъ-ротмистры.

Эту перемѣну уже не засталъ старый командиръ нашего полка генералъ-майоръ Кузнецовъ. 4 февраля 1842 года онъ сдалъ нашъ полкъ *генералъ-майору Александру Петровичу Янову.*

Ружье съ чехломъ 1838 г.([163]).

ГЛАВА XIX.

Служба въ Варшавѣ.

Николаевскіе казаки.—Походъ подъ Варшаву.—Смотръ казачьей бригады на Лазенковскомъ полѣ.

Офицерская лядунка 1848 г. ([184]).

Командованіе генерала Янова принадлежитъ къ самому спокойному времени въ Атаманскомъ полку. Полкъ учился, ходилъ на маневры, занималъ караулы, въ походахъ же и дѣлахъ противъ непріятеля не участвовалъ. Время было мирное.

8 сентября 1843 года полкъ былъ осчастливленъ новымъ вниманіемъ Государя. Родившійся у Наслѣдника Цесаревича сынъ, Великій Князь Николай Александровичъ былъ зачисленъ въ списки Атаманскаго полка. Вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно всѣмъ офицерамъ нашего полка присутствовать наравнѣ съ офицерами гвардіи на всѣхъ выходахъ и балахъ во дворцѣ ([100]).

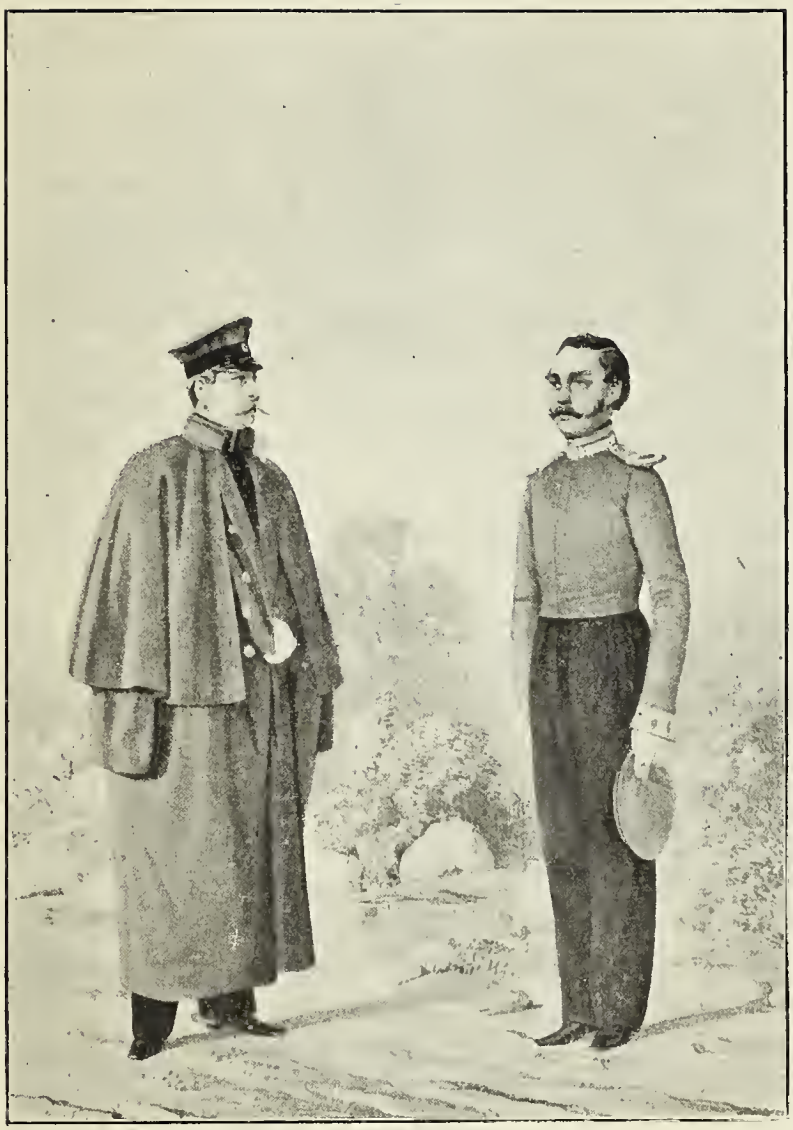
20 мая 1844 года приказано въ полку имѣть свѣтлосинія фуражки съ синимъ околышемъ и съ выпушкою по верхнему кругу—у казаковъ—синею, у офицеровъ—свѣтлосинею ([101]).

14 апрѣля 1845 года вмѣсто лѣтнихъ свѣтлосинихъ куртокъ даны того же цвѣта парадные чекмени, для ношенія по праздникамъ и въ дни Высочайшихъ смотровъ. Длина чекменя положена на два вершка выше колѣна, и установлена вышина шапки—$4^1/_2$ вершка ([102]).

Въ тѣ времена служба казачья, дѣйствительно, была тяжелой. Теперешняя трехлѣтняя служба наша тогдашнему „Николаевскому“

казаку показалась бы шуткой. Служили казаки тогда 25 лѣтъ. Молодымъ казакомъ, безъ усовъ и бороды, 20-тилѣтнимъ парнемъ являлся казакъ на службу первоначально въ армейскій полкъ и въ продолженіе трехъ лѣтъ учился, служилъ, а иногда и воевалъ въ арміи. При возвращеніи на Донъ командиры атаманскихъ эскадроновъ сами выбирали лучшихъ казаковъ изъ арміи въ Атаманскій полкъ и отправляли къ себѣ въ имѣнье; здѣсь ихъ обмундировывали, осматривали лошадей и во время майскаго ученія практиковали въ ѣздѣ, рубкѣ шашками и фланкировкѣ пиками. Джигитовкой, или, какъ тогда говорили, „наѣздничествомъ"—занимали, не отягощая людей ([103]). Если не было войны, то первые три года службы атаманца проходили на Дону. Потомъ казакъ попадалъ въ очередной дивизіонъ и шелъ въ Петербургъ на три года. Здѣсь ученье было очень строгое. Бить не только не запрещалось, но говорили, что безъ палки хорошаго солдата не сдѣлаешь. А потому, какъ въ пѣснѣ поется—„не довернешься бьютъ—и перевернешься бьютъ". Всѣ казаки должны были быть на смотру подъ одно лицо. Поэтому имъ приказано было носить бакенбарды до усовъ и большіе усы. Подбородокъ долженъ былъ быть чисто выбритъ. Большіе кивера надвигались на бровь и на самое ухо. Донышко ихъ было такое маленькое, что на головѣ онъ не сидѣлъ, но туго подтягивался подбороднымъ ремнемъ къ подбородку. Мундиры шились узкіе, шаровары носились длинные, поверхъ сапоговъ. Въ грязь нужно было ходить умѣючи, чтобы не перепачкаться. Денегъ казакъ получалъ немного и тѣ всѣ уходили на ваксу, на бѣлила для ремней и на фабру для усовъ и бакенбардовъ. Разводы бывали каждое воскресенье. Къ разводу готовились все равно, какъ къ смотру.

При генералѣ Яновѣ въ нашъ полкъ вмѣсто прежнихъ кремневыхъ ружей были выданы семилинейныя курковыя пистонныя ружья, заряжаемыя съ дула. Чистить ихъ было трудно, потому что сырость забиралась въ самую глубь ствола. Одѣвать пистонъ на стержень было нелегко, особенно на морозѣ и въ



Л. Гв. Атаманскій полкъ въ 1844 г.

Оберъ-офицеръ и урядникъ ([185]).

перчаткахъ. Пистонъ маленькій, въ большихъ пальцахъ казака онъ не умѣщался и то и дѣло падалъ, а требовали скорой стрѣльбы, да еще стрѣльбы съ коня. Покончивъ трехлѣтнюю службу въ Петербургскомъ дивизіонѣ, казакъ уходилъ въ льготный дивизіонъ, гдѣ оставался два термина—шесть лѣтъ. Но и въ это время казакъ оставался служащимъ. Онъ не имѣлъ права сбривать или запускать бороду, даже у себя дома. Каждую минуту его могли потребовать и, какъ мы видѣли, требовали нерѣдко. Весною онъ являлся въ Тарасовку, или въ Ольховый Рогъ, гдѣ собирались льготные дивизіоны, и отбывалъ лагерный сборъ, а послѣ шести лѣтъ льготной службы онъ шелъ снова въ Петербургъ. И кончалъ онъ свою службу тоже въ Петербургѣ—на 45 году жизни. Потому-то въ Петербургѣ совсѣмъ не видно было молодыхъ безусыхъ лицъ въ рядахъ Атаманскаго полка. Только трубачи могли попадать сразу въ Петербургъ. Въ Петербургскихъ эскадронахъ служили казаки 26, 35 и 42 лѣтъ. За 10 лѣтъ безпорочной службы на рукавъ нашивалась желтая тесьмяная нашивка угломъ. Послѣ двадцати пяти лѣтъ казакъ могъ быть произведенъ въ урядники войска Донского и увольнялся совсѣмъ домой ([194]).

Уходилъ онъ изъ станицы молодымъ парнемъ, безъ усовъ и безъ бороды, а кончалъ службу почти старикомъ. Много воды утечетъ за девять лѣтъ отсутствія. Старый Николаевскій казакъ и дома хозяйствомъ не занимался. Ему нельзя было не ѣздить, не заниматься съ ружьемъ, потому что забыть свое военное ремесло онъ не имѣлъ права. Обрабатывали землю жены казачьи, да наемные хохлы. Съ походовъ и войнъ казакъ приносилъ добычу, которую тогда было разрѣшено брать, и тѣмъ подсобляль хозяйству. Надѣлы на Дону были большіе, потому что семьи у казаковъ были маленькія и земли на всѣхъ хватало. Были и такіе среди атаманцевъ казаки, которые почти всю свою двадцатипятилѣтнюю службу провели въ рядахъ полка. Въ 1827 году—мы знаемъ,—полкъ пошелъ въ Турцію, оттуда на

Днѣстръ, занимать кордоны, потомъ въ Польшу, а потомъ два эскадрона ушли въ Петербургъ. Съ 1827 года по 1835-й—восемь лѣтъ казаки провели внѣ дома. Но зато и опытны были „Николаевскіе“ служаки въ военномъ дѣлѣ. Ѣздили лихо, рубили и кололи безъ промаха, стрѣляли мѣтко. Казакъ за долгій срокъ службы успѣвалъ горячо полюбить свой полкъ. Полкъ становился его домомъ, его семьей. И понынѣ Николаевскіе старики обращаютъ на себя вниманіе своимъ бодрымъ видомъ. Имъ уже за шестьдесятъ перевалило, а грудь прямая, голова не опущена, а глаза изъ-подъ нависшихъ бровей смотрятъ открыто и смѣло. Николаевскіе казаки всегда выглядѣли орлами.

18 марта 1848 года нашъ дивизіонъ, стоявшій въ Петербургѣ, получилъ изъ штаба Гвардейскаго корпуса приказъ на завтра собраться на Адмиралтейской площади въ походной формѣ.

Походъ! Война!—раздались разговоры и закипѣла жизнь въ спокойныхъ до той поры казармахъ. Кто продавалъ экипажи, кто мѣнялъ легкую коляску на дорожную бричку, казаки пересматривали обмундированіе, чистили сапоги и мундиры, бѣлили ремни аммуниціи, фабрили усы и бакенбарды и готовились на смотръ.

Поутру 19 марта наши эскадроны уже были выравнены лѣвѣе лейбъ-казачьихъ эскадроновъ на Семеновскомъ плацу, тамъ было отслужено напутственное молебствіе и оттуда полкъ прошелъ на Адмиралтейскую площадь.

Вскорѣ въ атаманской формѣ прибылъ къ полку Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Государь Великій Князь Михаилъ Павловичъ, а вслѣдъ за ними пріѣхалъ и Государь Императоръ.

Поздоровавшись съ казаками, Государь окинулъ ихъ своимъ смѣлымъ орлинымъ окомъ и громко сказалъ офицерамъ слѣдующее слово. Отчетливо раздавалось въ весеннемъ воздухѣ, еще морозномъ, каждое выраженіе Государево и глубоко засѣло оно въ сердцахъ нашихъ товарищей.

— „Господа“,—сказалъ Государь офицерамъ, собравшимся

Атаманскій полкъ въ 1845 году.

Высочайшій смотръ ([186]).

вокругъ него,—„Я вижу, вы молоды, но увѣренъ, что вы слишкомъ стары воспоминаніями славныхъ подвиговъ вашихъ дѣдовъ и отцовъ, которые, какъ вы должны помнить, въ этотъ самый день, 19 марта 1814 года, во главѣ нашихъ побѣдоносныхъ войскъ, первые вступили въ Парижъ. Теперь волны революціи уже омываютъ наши западныя границы и вы должны гордиться тѣмъ, что первыми изъ гвардейскаго корпуса выдвигаетесь на защиту отечества. Я убѣжденъ, что вы не уступите въ славѣ вашимъ отцамъ и дѣдамъ. Будьте такими же молодцами, какими были они, и Я васъ не забуду! Идите съ твердою надеждою, что Я мысленно всегда съ вами!“

Громовое ура раздалось въ полку. Государь приказалъ вызвать пѣсенниковъ передъ эскадроны и съ пѣснями двинулись наши отцы по Невскому проспекту въ казармы, собираясь въ походъ.

Въ то же время въ Новочеркасскѣ былъ полученъ приказъ собрать льготные дивизіоны и двинуть ихъ на соединеніе съ Петербургскимъ къ городу Варшавѣ ([105]).

Но что же такое случилось, что грозило Россіи войною?

Рядомъ съ нашимъ государствомъ лежитъ дружественное намъ государство Австро-Венгерское. Народъ въ немъ наполовину нѣмецкій—австрійцы, на половину сходный съ болгарами и цыганами—венгерскій. Императоръ—австріецъ и всѣ войска, все управленіе у нихъ австрійское. Венгры, недовольные такимъ порядкомъ, захотѣли имѣть своего короля и взбунтовались противъ Австрійскаго Императора. Императоръ не могъ управиться съ мятежомъ своими войсками и просилъ нашего Государя помочь ему. Императоръ Николай Павловичъ послалъ въ Венгрію корпусъ войскъ и стянулъ на всякій случай гвардію поближе къ австрійской границѣ, въ Варшаву.

Петербургскій дивизіонъ былъ подъ командой полковника Дмитрія Ивановича Жирова, онъ дошелъ до г. Янова и до р. Виліи и здѣсь началъ высылать вмѣстѣ съ лейбъ-казаками разъѣзды. Началась скучная стоянка по маленькимъ деревнямъ въ

грязи и распутицѣ весенняго времени. Все лѣто прошло въ Польшѣ, гдѣ казаки быстро сдружились и сошлись съ населеніемъ. Но Польша имъ не понравилась. Вотъ, какъ разсказывали потомъ про Польшу наши дѣды:

„Говорили про Польшу, что богатая,
А мы разузнали—голь проклятая!
У этой у Польши корчемка стоитъ,
Корчма польская, королевская!
У этой корчемкѣ три молодца пьютъ:
Прусакъ да полякъ, да младъ донской казакъ!
Полякъ водку пьетъ—червонцы кладетъ,
Прусакъ водку пьетъ—монеты кладетъ,
Казакъ водку пьетъ—ничего не кладетъ,
Ничего не кладетъ—по корчмѣ ходитъ,
По корчмѣ ходитъ—шпорами гремитъ,
Шпорами гремитъ—на стѣнкѣ мѣлитъ,
На стѣнѣ мѣлитъ—шинкарочку манитъ:
Поѣдемъ шинкарка къ намъ на тихій Донъ,
У насъ на Дону да не по вашему—
Не сѣютъ, не жнутъ, а хорошо живутъ:
Соглашалась шинкарка на его слова,
Садилась шинкарка, да на добра коня.
Взялъ казакъ шинкарку, повѣсилъ ее на сосенку“ ([106]).

Широкимъ, немного грустнымъ напѣвомъ пѣвали атаманцы свою „шинкарку“. Тогда полкъ комплектовался со всего Дона и съ низовъ, изъ Черкасскихъ станицъ, къ намъ попадали прекрасные голоса.

26 августа въ памятный для полка день варшавскаго штурма нашъ дивизіонъ соединился со льготными дивизіонами и сталъ подлѣ Варшавы, въ городѣ Равѣ ([107]).

9 сентября полковой командиръ генералъ-майоръ Яновъ былъ назначенъ командиромъ Лейбъ-Гвардіи Казачьяго Его Величества полка ([108]), а въ командованіе нашимъ полкомъ вступилъ заслу-

женный, украшенный золотымъ оружіемъ *генералъ-майоръ Андріяновъ, Виссаріонъ Ивановичъ,* лучшіе годы свои проведшій въ рядахъ Атаманскаго полка въ Турціи и Польшѣ.

Онъ командовалъ полкомъ всего два мѣсяца и 17 ноября 1848 года сдалъ полкъ тоже бывшему атаманцу, командиру 44-го

Полковникъ Афанасій Акимовичъ Карповъ.

Съ 17 нояб. 1848 г. по 14 апр. 1856 г.

имени своего полка, *генералъ-майору Карпову, Афанасію Акимовичу.*

Зиму нашъ полкъ провелъ близъ Скерневицъ на австрійской границѣ.

Между тѣмъ изъ Австріи слухи были самые спокойные, и казакамъ, желавшимъ боя, становилось грустно. Походъ обращался въ передвиженіе мирнаго времени. Венгры сдали оружіе и знамена русскому корпусу и походъ прекратился.

5-го мая пріѣхалъ въ Варшаву Государь и нашъ полкъ къ

веснѣ перешелъ туда же, гдѣ, чередуясь съ полками гвардейской кавалеріи, занималъ караулы въ Лазенковскомъ дворцѣ.

Однажды, въ маѣ, Государь смотрѣлъ на обширномъ Мокотовскомъ полѣ гвардейскихъ уланъ и гусаръ. Въ тѣ времена, всѣ заботы начальства были къ тому, чтобы лошадь была вычищена, имѣла короткую шерсть и тучное тѣло. Конечно, это дѣлу не вредитъ, потому что не зря старики говорятъ: „пока сытая станетъ, худая подохнетъ", но кромѣ тѣла и чистки лошади нужна ѣзда. А тамъ ѣздили мало, все больше шагомъ, да такимъ короткимъ галопомъ, что добрая пѣхота могла обогнать конницу ([109]). Государь смотромъ остался недоволенъ. „Что это за легкая кавалерія!" сказалъ онъ—„это кирасиры! Я вамъ завтра покажу—какъ вотъ эти Ерофеичи разсыпаются!"—и Государь показалъ на группу казачьихъ офицеровъ, стоявшихъ въ сторонѣ. А „Ерофеичами" Государь назвалъ казаковъ потому, что день ихъ полкового праздника—4 октября—день св. Ерофея ([110]).

Узнали это и въ нашемъ полку. Офицеры собрали казаковъ, разсказали имъ, какъ дѣло было, и говорятъ:—„Смотри же братцы, —старайся! засмаливай! Поддержи нашу славу!"

— Постараемся, отвѣчали казаки.

И шибко бились ихъ сердца, когда на другой день въ парадной формѣ развернулись тринадцать эскадроновъ Казачьей гвардіи на Мокотовскомъ полѣ.

Пріѣхалъ Государь и началъ производить ученье на свѣжихъ аллюрахъ. Потомъ произвелъ двѣ атаки съ перемѣною фронта. Обѣ атаки были поразительно лихи.

Французскій посланникъ, генералъ Ламорисьеръ, присутствовавшій на этомъ смотру, былъ такъ пораженъ легкостью построеній и лихостью казачьей атаки, что на вопросъ Государя: „какъ ему нравится бригада?"—отвѣтилъ: „если я видѣлъ въ Европѣ легкую кавалерію, въ полномъ значеніи этого слова, то только у Вашего Величества—въ лицѣ этой бригады!"...

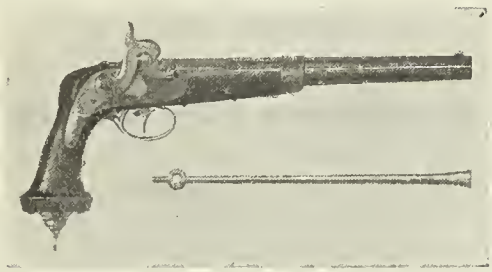
Командиры полковъ, дивизіоновъ и эскадроновъ и офицеры

получили Высочайшее благоволеніе, а казакамъ Государь пожаловалъ по 1 рублю на человѣка.

10 мая на общемъ смотру всѣхъ войскъ, собранныхъ въ Варшавѣ, Государь, подъѣхавъ къ Казачьей бригадѣ, остановилъ на ней милостивый взглядъ и залюбовался молодцами казаками на легкихъ коняхъ. Все замерло подъ его взоромъ. Люди не дышали, лошади не шевелились. Государь обернулся къ своей свитѣ и сказалъ:—**„Чудо богатыри! Это моя идеальная бригада!“**

Въ концѣ мая пріѣхалъ Наслѣдникъ Цесаревичъ и на бывшемъ по случаю его пріѣзда смотру Казачьей бригады на Уяздовскомъ плацу проходилъ передъ лейбъ-эскадрономъ нашего полка въ качествѣ его шефа ([111]).

Въ октябрѣ мѣсяцѣ гвардія потянулась изъ Варшавы по домамъ. 2-й дивизіонъ нашего полка направился въ Петербургъ, а 1-й и 3-й пошли въ Новочеркасскъ, гдѣ 27 января 1850 года и были распущены по станицамъ.



Пистолетъ 1849 г. ([187]).

Казачьи казармы ([188]).

ГЛАВА XX.

На охранѣ Петербурга отъ англійскаго флота.

Постройка казармъ.—Новый панталеръ.—Посѣщеніе Дона Наслѣдникомъ Цесаревичемъ.—Походъ въ Польшу, а потомъ къ Выборгу.—Лѣто на аванпостахъ по берегу моря.—Кончина Государя Николая Павловича.—Новый шефъ полка.—Перемѣна формы.—Участіе въ торжествахъ по случаю коронованія Императора Александра Николаевича.—Сокращеніе срока службы.

Стары, тѣсны и грязны были старые гусарскіе бараки въ слободѣ Рыбацкой. Всѣ полки гвардейскіе строили въ это время себѣ казармы и войско Донское распорядилось выстроить казармы и для донской гвардіи. Въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія было избрано мѣсто для казармъ подлѣ Александро-Невской

Лавры, на берегу рѣки Монастырки у сліянія ея съ Обводнымъ каналомъ.

Работы были поручены архитектору Ивану Денисьевичу Чернику, кубанскому казаку родомъ, бывшему войсковымъ пансіонеромъ въ Императорской Академіи Художествъ. Онъ составилъ проектъ прекрасныхъ зданій казачьихъ казармъ и по повелѣнію Императора Николая Павловича разработалъ также и проектъ громаднаго манежа. Но манежъ построенъ не былъ ([112]).

Черникомъ возведены были:—флигеля, занимаемые теперь 1) Л.-Гв. Казачьимъ полкомъ, 2) 2-й сотней нашего полка, 3) флигель съ башенками и 4) церковный флигель. Офицеры помѣщались въ центральномъ большомъ зданіи, занятомъ теперь квартирами Л.-Гв. Казачьяго полка, правѣе его, тамъ, гдѣ теперь стоитъ наша 1-ая сотня, былъ размѣщенъ дивизіонъ лейбъ-казаковъ и лѣвѣе, гдѣ теперь стоятъ 3-ья и 4-я сотни Лейбъ-Гвардіи Казачьяго полка—стоялъ Атаманскій дивизіонъ. Во флигелѣ теперешней 2-й сотни нашего полка помѣщался эскадронъ Черноморскихъ казаковъ, во флигелѣ съ башенками и церковномъ—Уральскій дивизіонъ, причемъ тѣ мѣста, гдѣ теперь нашъ учебный залъ, классъ полковой учебной команды и трубаческій взводъ—были тогда заняты конюшнями Уральскихъ казаковъ. Впослѣдствіи, когда на мѣсто Черноморцевъ пришла изъ Новой Ладоги 6-ая Донская батарея, были выстроены конюшни для нея и сараи для орудій на мѣстѣ нынѣшнихъ конюшень 3-й сотни.

Прямо передъ окнами казармъ разстилался лугъ, за лугомъ протекалъ Обводный каналъ, а дальше росъ по мшистому болоту густой сосновый лѣсъ,—это была Рожковская земля, пожалованная гвардейскимъ казакамъ вмѣсто имѣвшихся въ другихъ полкахъ огородовъ.

Сзади казармъ, тамъ, гдѣ теперь находится конная площадь, тюрьма и больница, лежало болото, кое-гдѣ поросшее лѣсомъ. Ближе къ казармамъ, на мѣстѣ конюшень 4-й сотни и дровяного двора, было озеро. На озерѣ стояли лодки, въ которыхъ

катались въ часы досуга казаки и офицеры. Въ городъ ѣздили по Обводному каналу и Боровой улицѣ. Весною и осенью въ экипажѣ проѣхать было нелегко; офицеры въ гости и на разводы ѣздили верхомъ съ вѣстовымъ до города, и тамъ уже брали извозчика ([113]).

Съ размѣщеніемъ дивизіона въ казармахъ жизнь казаковъ стала много лучше. Легче было держать себя и лошадей въ чистотѣ и производить занятія.

5 марта 1850 года данъ былъ для возки нашего знамени панталеръ, шириною $2^1/_2$ вершка и длиною 2 аршина. Снаружи онъ былъ обшитъ свѣтлосинимъ бархатомъ съ серебряными галунами ([114]).

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ того же 1850 года Наслѣдникъ Цесаревичъ во время путешествія своего посѣтилъ Новочеркасскъ. 1-й и 3-й дивизіоны нашего полка были вызваны изъ станицъ навстрѣчу своему Шефу. Поздно вечеромъ 31 октября при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ Государь Наслѣдникъ Александръ Николаевичъ въѣхалъ въ Новочеркасскъ. Наказной атаманъ, генералы, командиры полковъ и прочія власти встрѣтили Наслѣдника верхомъ у Тріумфальныхъ воротъ и проводили до дома, назначеннаго для помѣщенія Цесаревича.

1 ноября былъ войсковой кругъ, на которомъ приняли участіе и наши дивизіоны, а 2-го ноября Атаманскіе дивизіоны съ дивизіонами Л.-Гв. Казачьяго Его Величества полка и Донскимъ учебнымъ полкомъ представились на смотру Наслѣднику Цесаревичу ([115]).

15-го января 1851 года произошла маленькая перемѣна въ снаряженіи нашего полка: ружейные ремни приказано имѣть черные, на ружьѣ чахолъ изъ черной юфтовой кожи, подшитый сѣрымъ сукномъ и съ сыромятнымъ ремнемъ противъ курка ([116]).

Въ слѣдующемъ году 2-й дивизіонъ ушелъ на Донъ, а на смѣну ему прибылъ третій, подъ командой майора Егорова. На нашемъ славномъ полковомъ знамени и бунчукѣ все еще были

армейскія копья, между тѣмъ прошло уже болѣе 20-ти лѣтъ, какъ полкъ нашъ зачисленъ былъ въ гвардейскій кавалерійскій корпусъ и несъ службу наряду съ полками старой гвардіи.

Въ началѣ 1853 года Всемилостивѣйше были пожалованы на бунчукъ и знамя Атаманскаго полка серебряные орлы съ подтоками и георгіевскими крестами 2-го класса. 23 февраля въ Зимнемъ дворцѣ, въ комнатѣ Наслѣдника, нашъ Шефъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ, собственноручно прибивалъ серебряныя кисти къ знамени и бунчуку. При этомъ присутствовали: полковой командиръ, командиръ дивизіона, дивизіонный адъютантъ и вахмистры. Копья старыхъ знаменъ оставлены въ комнатахъ Наслѣдника, а молотокъ и шило, бывшіе въ рукахъ у Августѣйшаго Шефа, отправлены въ Новочеркасскъ для храненія въ полковомъ денежномъ ящикѣ. ([117])...

Въ этомъ году наши дѣды и отцы не пошли, какъ всегда, въ лагерь подъ Краснымъ Селомъ. Слухи о войнѣ заставили снова собраться въ походъ и двинуться къ Польшѣ. Туда уже спѣшили 1-й и 2-й дивизіоны. 21 февраля 1854 года нашъ полкъ собрался подъ Варшавой.

Война началась изъ-за турокъ. Турки притѣсняли нашихъ православныхъ богомольцевъ въ Іерусалимѣ, Государь Николай Павловичъ пригрозилъ Турецкому султану войной—за него вступились англичане, французы и сардинцы. Можно было опасаться опять волненій и въ ненадежной Польшѣ, вотъ почему нашъ полкъ подошелъ къ Варшавѣ. Но въ Польшѣ все было спокойно.

Враги своими границами не касались нашихъ земель. Англичане живутъ на островахъ среди моря, французы отдѣлены отъ насъ нѣмецкой землей, сардинцы живутъ на островѣ, подлѣ Франціи. Они посадили свои войска на корабли и пошли къ нашимъ берегамъ. Главныя силы двинулись на югъ къ побережью Крыма, часть подходила къ Финляндіи, думая высадиться на берегахъ Финскаго залива и идти на Петербургъ. На кавалерію возложена была обязанность наблюдать за морскими берегами и

не дозволять высаживаться съ лодокъ. Въ мартѣ 1854 года нашъ полкъ возвратился изъ Варшавы и въ апрѣлѣ двинулся по сѣверному берегу Финскаго залива на Новую деревню, Лисій носъ, Сестрорѣцкъ и Выборгъ:—онъ входилъ вмѣстѣ съ 5-мъ резервнымъ баталіономъ Карабинернаго полка и артиллерійской № 1 резервной батареей въ составъ Сестрорѣцкаго отряда. Наши пикеты расположились отъ Сестрорѣцка до Выборга.

Въ сосновыхъ лѣсахъ, среди песковъ и громадныхъ камней, по маленькимъ рыбацкимъ избамъ стали атаманцы. По утрамъ отъ 7 до 9 часовъ утра казаковъ занимали выправкой, маршировкой и сабельными пріемами, а два раза въ недѣлю сводили эскадроны на конныя ученья.

Сѣверная весна ласкала взоръ бѣлыми ночами. Далеко видна была гладь чуть волнующагося залива, укрѣпленія и форты Кронштадта, зеленые островки Выборгскаго фіорда. Ѣдетъ казачій пикетъ по берегу моря. Мягко ступаютъ по песку степные кони, и вдругъ остановится. Не дымокъ ли виденъ на далекомъ горизонтѣ? И долго стоитъ и смотритъ казакъ, но раздастся туманъ, прояснятся дали—и опять чисто спокойное море и лишь финская лайба, нагруженная дровами, надувъ заштопанный парусъ, тихо рѣжетъ килемъ спокойныя воды залива.

А тамъ на далекомъ югѣ, въ Крыму, шла кровавая борьба изъ-за Севастополя. Враги окружили его и съ суши и съ моря; войскъ въ городѣ было мало, мало орудій, не было укрѣпленій. Всѣ принялись за работу. Матросы потопили корабли, свезли орудія на берегъ и наряду съ пѣхотой стали рыть укрѣпленія и сражаться на вылазкахъ и въ окопахъ. Англичане и французы были вооружены нарѣзными ружьями и били на шестьсотъ шаговъ, въ нашихъ войскахъ ружья были гладкія съ прицѣломъ на триста. Офицеры наши очень выдѣлялись отъ солдатъ своими шинелями съ плащемъ на плечахъ и ихъ били на выборъ. Безъ офицеровъ части дѣйствовали хуже—не было примѣра.

29 апрѣля—повелѣно было офицерамъ въ военное время носить

Атаманскій полкъ въ 1855 году.

Корнетъ Евг. Яновъ въ обыкновенной (бальной) формѣ, поручикъ Авиловъ въ дежурной формѣ, Поручикъ Коньковъ въ походной формѣ, Полковникъ Жировъ въ парадной формѣ на конѣ, штабъ трубачъ, унтеръ-офицеръ и 2 казака въ парадной формѣ.

такія же шинели, какія были у казаковъ. Шинели старой формы можно было носить только внѣ строя. Онѣ сохранились и до нашего времени и называются „Николаевскими".

Между тѣмъ на Финскомъ заливѣ все было спокойно. Дни смѣнялись ночами, а ночи днями. Море то бурно кипѣло, разливаясь съ шопотомъ по береговому песку и лѣсъ тогда стоналъ и шумѣлъ, то было тихое, спокойное, сонное. 23 іюля на посту у дер. Юкколо поручикъ Чернозубовъ замѣтилъ въ 1 часъ ночи огни на морѣ. То были два англійскихъ винтовыхъ парохода. Казаки посѣдлали лошадей, карабинеры заняли позицію въ лѣсу, но пароходы прошли дальше, постояли около 2-хъ сутокъ въ виду Кронштадта и ушли.

Ночи пошли темныя, погода холоднѣе, вѣтры и бури чаще и стоять на мѣстѣ стало томительно скучно. 25-го августа 1-й дивизіонъ собрался въ д. Б. Ижору, а 26-го пришелъ въ Петергофъ, гдѣ его смотрѣлъ Государь Наслѣдникъ. Послѣ смотра дивизіонъ опять ушелъ на посты.

Лишь 28 октября, когда пошли уже осенніе заморозки, полку приказано было собраться на берегу Малой Невы въ Новой деревнѣ.

30 октября, на походѣ, у Марсова поля, полкъ былъ осмотрѣнъ Государемъ Императоромъ. Государь остался весьма доволенъ бравымъ видомъ Атаманскихъ дивизіоновъ. Это былъ послѣдній разъ, когда атаманцы видѣли Государя ([118]).

Въ февралѣ 1855 года Императора Николая Павловича не стало. Не стало того, кто такъ любилъ казаковъ, кто сына своего пожаловалъ Шефомъ Атаманскому полку, приблизилъ полкъ къ себѣ, даровалъ ему права гвардіи, кто даже похороненнымъ пожелалъ быть въ казачьемъ мундирѣ ([119])!

Извѣстіе это потрясло казаковъ. Многіе плакали на панихидѣ.

На престолъ вступилъ Государь Александръ Николаевичъ. *Шефомъ нашего полка былъ назначенъ 19 февраля 1855 г. Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ,* которому шелъ

13-й годъ а полку повѣлено именоваться **Лейбъ Атаманскимъ Его Высочества Наслѣдника Цесаревича полкомъ**. 18 марта 1855 г. приказано было Атаманскому полку имѣть на шапкахъ гладкія кокарды. Вмѣсто круглаго помпона—положенъ султанъ изъ бѣлаго волоса длиною 4 вершка. Трубачи должны были имѣть красный султанъ. Воротники на полукафтанахъ имѣть скошенные, застегивающіеся на 1 крючокъ. Длина полъ у полукафтановъ—7 вершковъ ниже таліи. Къ парадному голубому полукафтану одѣвать темносинія шаровары съ дву-

Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ, Шефъ полка съ 19 февраля 1855 года ([190]).

мя голубыми лампасами и выпушкою, а съ вицъ-полукафтаномъ остаются безъ лампаса. Басонная обшивка у трубачей полагается на парадныхъ полукафтанахъ на груди, рукавахъ и наплечникахъ, а на вицъ-полукафтанахъ только на рукавахъ и на наплечникахъ. Вмѣсто поясной портупеи положена портупея черезъ плечо. Шарфъ имѣть безъ кистей.

Въ этой формѣ нашъ полкъ показался Государю первый разъ въ Москвѣ, куда онъ пошелъ въ іюнѣ мѣсяцѣ на коронацію.

Тамъ, 20 августа, атаманцы представились Государю на смотру, на Ходынскомъ полѣ, а 26 августа взводъ отъ полка со знаменемъ стоялъ въ Кремлѣ, близъ Царя Колокола, у колокольни Ивана Великаго. Послѣ коронованія всѣмъ войскамъ, собраннымъ подъ Москвой, Государь произвелъ маневры. 30 августа, въ день тезоименитства Государя, казаки прочли слѣдующій приказъ:

„Государь Императоръ, желая ознаменовать день Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ новымъ знакомъ Монаршаго вниманія къ доблестнымъ заслугамъ Донского, Черноморскаго и Линейнаго Казачьихъ войскъ, а также и въ память свыше двадцатисемилѣтняго атаманства своего надъ оными, Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ—сократить общій срокъ службы въ помянутыхъ войскахъ“ ([118]).

Въ Атаманскомъ полку повелѣно было служить вмѣсто 25 лѣтъ—22 года и три года въ полкахъ третьей очереди, только въ минуту крайности призываемыхъ на службу.

Въ 1856 году нашъ полкъ былъ включенъ въ составъ 1-й гвардейской кавалерійской дивизіи, которая состояла тогда изъ полковъ:—1-ая бригада: Кавалергардскаго полка и Л.-Гв. Коннаго, 2-ая бригада: Л.-Гв. Кирасирскаго Его Величества и Л. Гв. Кирасирскаго Ея Величества и 3-ья — изъ Л.-Гв. Казачьяго Его Величества полка и при немъ Черноморскаго Казачьяго дивизіона и Л. - Гв. Крымско - Татарскаго полуэскадрона и Лейбъ - Атаманскаго Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полка и при немъ Л.-Гв. Уральскаго Казачьяго дивизіона.

16-го апрѣля генералъ-майоръ Карповъ сдалъ нашъ полкъ полковнику *Жирову 2*.

ГЛАВА XXI.

Лейбъ-Гвардіи Атаманскій полкъ.

Пожалованіе полка въ молодую гвардію.—Увеличеніе содержанія офицерамъ.—Пожалованіе полку георгіевскаго штандарта.—Отвозъ стараго знамени въ Новочеркасскъ.

Полковникъ Дмитрій Ивановичъ Жировъ былъ коренной атаманецъ. Съ полкомъ онъ ходилъ усмирять поляковъ въ 1831 году, провелъ лучшіе дни своей жизни въ полку на смотрахъ и ученьяхъ, стяжавшихъ мирную славу атаманцамъ. Въ 1855 году онъ получилъ въ командованіе Казачій № 64 полкъ и, не прокомандовавъ имъ и года, получилъ Лейбъ-Атаманскій полкъ ([121]).

Въ его время въ полку случилось три крупныхъ событія:—полкъ получилъ права и преимущества молодой гвардіи, новый штандартъ и принялъ участіе въ усмиреніи вновь взбунтовавшихся поляковъ.

Нашъ полкъ уже давно служилъ въ Петербургѣ наряду съ гвардейскими полками, былъ прикомандированъ къ гвардейскому корпусу и состоялъ въ 1-й кавалерійской дивизіи. Онъ всюду считался гвардіею, офицеры наши вмѣстѣ съ другими гвардейскими офицерами ѣздили во дворецъ на выходы и балы,—но именовался онъ Лейбъ-Атаманскимъ и на шапкахъ имѣлъ армейскіе гербы.

8 сентября 1859 года въ тотъ день, когда Шефу нашего полка Государю Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу минуло 16 лѣтъ, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: **Лейбъ-Атаманскій Его Императорскаго Высочества**

Наслѣдника Цесаревича полкъ именовать Лейбъ-Гвардіей Атаманскимъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полкомъ съ правомъ молодой гвардіи. Гербы на шапкахъ замѣнены были тогдашними гвардейскими орлами, надъ которыми помѣщено отличіе „за Варшаву“ ([122]).

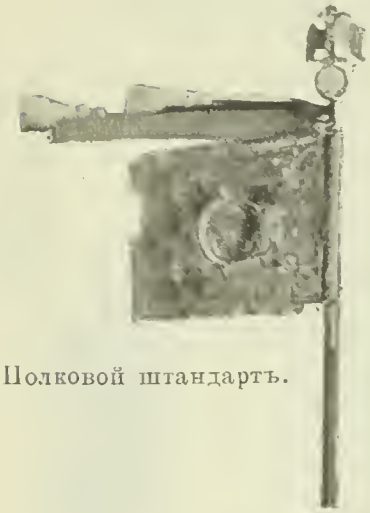
Служившіе въ нашемъ полку офицеры были по большей

Генералъ-Маіоръ Дмитрій Ивановичъ Жировъ

съ 16 апрѣля 1856 г. по 1 января 1866 г.

части люди не богатые. Всю свою жизнь они посвящали полку, имѣнія ихъ и земли приходили въ упадокъ, доходовъ было мало. Постоянная служба въ Петербургѣ, разводы и парады требовали чистаго обмундированія, а блестящая форма атаманскихъ офицеровъ стоила недешево. Офицеры другихъ гвардейскихъ полковъ

получали увеличенное жалованье, казачьи офицеры имѣли такое же жалованье, какое получали кавалерійскіе офицеры армейскихъ регулярныхъ полковъ. Это дѣлало службу въ нашемъ полку весьма тяжелой для офицеровъ въ имущественномъ отношеніи.



Полковой штандартъ.

Многіе зажиточные помѣщики на Дону, прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ гвардіи, бѣднѣли. Государь Императоръ милостиво взглянулъ на офицерскій бытъ гвардейскихъ казачьихъ полковъ и 6 декабря 1857 г. въ день тезоименитства Августѣйшаго Атамана казачьихъ войскъ повелѣлъ:—„*по недостаточности средствъ большей части офицеровъ гвардейскихъ казачьихъ частей—отпускать имъ, во время нахожденія на дѣйствительной службѣ, столовыя деньги отъ казны, въ размѣрѣ, опредѣленномъ для гвардейской кавалеріи*“ ([123])...

Въ день рожденія Августѣйшаго Шефа полка, **8 сентября 1860 г.** Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать Л.-Гв. Атаманскому полку **георгіевскій штандартъ** по образцу штандартовъ Л.-Гв. Казачьяго Его Величества полка вмѣсто знамени, которое повелѣно хранить при войсковыхъ регаліяхъ Войска Донского. На штандартѣ, вокругъ орла, какъ знака Государства—надпись—„**за отличіе, оказанное въ войнѣ съ французами въ 1812—13 и 1814 годахъ**“.

Въ углахъ, на синихъ бархатныхъ кружкахъ нашиты золотыя буквы „**А**“—вензель Государя Императора—служить которому и охранять котораго нашъ полкъ обязанъ. Свѣтлыя полосы съ угла на уголъ штандарта, подобіе креста, знаменуютъ—имя Христово, православную вѣру христіанскую, за которую крѣпко биться со врагомъ обязанъ всякій казакъ ([124]).

6 декабря въ 8 часовъ вечера состоялась въ Зимнемъ дворцѣ прибивка къ древку новаго штандарта. На прибивкѣ присутство-

валъ Государь Императоръ, Августѣйшій Шефъ полка, Великіе Князья, командиры гвардейскихъ частей, командиръ 3-го дивизіона подполковникъ Звѣревъ, всѣ офицеры этого дивизіона, всѣ вахмистры и по одному портупей-юнкеру, унтеръ-офицеру и по 2 казака отъ каждаго эскадрона.

На другой день, 7-го декабря въ 1 часъ дня, въ Михайловскомъ экзерциргаузѣ, какъ тогда назывался Михайловскій манежъ, состоялось освященіе штандарта. 5-й и 6-й эскадроны были собраны въ парадной формѣ, въ конномъ строю. Послѣ молебна, новый штандартъ былъ проведенъ вдоль фронта—и торжественно раздались слова присяги подъ знаменемъ. Потомъ были прочтены военные законы, касающіеся службы подъ штандартомъ, и командовавшій Сводно-Казачьимъ полкомъ генералъ-майоръ Шамшевъ прочелъ казакамъ:

„Знамя въ пѣхотѣ и штандартъ въ кавалеріи есть священная хоругвь, подъ которой соединяются вѣрные своему долгу воины. Знамя и штандартъ святыня, слава, честь и жизнь служащихъ. Честный, храбрый солдатъ умретъ въ рукахъ со знаменемъ или штандартомъ, а не дастъ на поруганіе непріятелю, ибо знамя и штандартъ заключаютъ въ себѣ священныя драгоцѣнности наши: Вѣру, Государя и Отечество!

За несохраненіе знамени или штандарта во время сраженія, когда команда не употребила всѣхъ средствъ къ спасенію ихъ, главные виновные, коимъ преимущественно ввѣрено охраненіе знамени или штандарта,—подлежатъ смертной казни, а команда, подвергшая себя таковому безславію, или уничтожается расформированіемъ оной по другимъ полкамъ, или лишается пожалованныхъ ей отличій, доколѣ не смоетъ понесеннаго ею позора подвигомъ особеннаго мужества и храбрости“...

По окончаніи церемоніи полкъ прошелъ по полу-эскадронно мимо Государя Императора, а потомъ отвезъ свой новый штандартъ въ Зимній дворецъ въ покои Наслѣдника Цесаревича ([125]).

Въ августѣ мѣсяцѣ 1861 года, слѣдовавшій на льготу на Донъ третій дивизіонъ нашего полка взялъ съ собою старое полковое знамя. Въ станицѣ Казанской, на роспускномъ пунктѣ знамени были отданы послѣднія почести, послѣ чего оно было упаковано въ ящикъ, поручикъ Ханженковъ былъ назначенъ отвезти его въ Новочеркасскъ. Позднею осенью, 4-го ноября, свидѣтель возвышенія и роста нашего полка, Платовское голубое знамя успокоилось въ войсковомъ дежурствѣ г. Новочеркасска рядомъ съ бѣлымъ бунчукомъ и другими регаліями войска Донского ([126]).

ГЛАВА XXII.

Передъ походомъ.

Образованіе офицеровъ Л.-Гв. Атаманскаго полка.—Перемѣна формы.—Постройка церкви.—Смотръ полка передъ походомъ въ Польшу.

манскій полкъ въ 1862 г. Штабъ-офицеръ ([191]).

Со времени перехода нашего полка въ Петербургъ и переименованія его въ гвардію много воды утекло, и жизнь офицеровъ и казаковъ круто перемѣнилась.

Прежній офицеръ нашъ начиналъ службу простымъ казакомъ. Войны были частыя. Былъ случай отличиться храбростью, расторопностью и мужествомъ, быть произведеннымъ въ урядники, потомъ въ хорунжіе и дойти до генеральскихъ чиновъ. Атаманы войска Донского, Платовъ, Денисовъ и другіе, начали службу свою простыми рядовыми казаками. Денисовъ въ нашемъ полку, Платовъ въ простомъ армейскомъ. Отъ офицера требовалось лишь, чтобы онъ „россійской грамотѣ читать и писать умѣлъ". Уставы, умѣнье узнавать мѣстность, пользоваться компасомъ, чертить карты, иностранные языки—все это пріобрѣталось путемъ опыта, во время походовъ за границу, въ разговорахъ съ бывалыми людьми. Школъ, гимназій почти не было. Онѣ только начинали заводиться въ тѣ времена. Корпусовъ и уни-

верситетовъ было мало, да и трудно было тогда, когда не существовало желѣзныхъ дорогъ, небогатому донскому помѣщику посылать дѣтей своихъ въ большіе города, гдѣ были пансіоны.

Но въ царствованіе Императоровъ Александра Павловича и Николая Павловича—густою сѣтью раскинулись по Россіи кадетскіе корпуса, гимназіи и школы. Войны стали рѣже, выдѣлиться храбростью было труднѣе. Отъ офицера потребовали образованіе. Онъ долженъ былъ кончить корпусъ, пробыть въ училищѣ, тамъ научиться строю, выдержать экзамены и только тогда могъ одѣть офицерскіе эполеты. Кто не могъ попасть въ училище или корпусъ, тотъ поступалъ юнкеромъ въ полкъ, при полку изучалъ воинскіе уставы и держалъ экзаменъ.

Такъ молодые казаки, научившіеся грамотѣ, ариѳметикѣ, изучившіе Законъ Божій, географію, исторію и другія науки, поступали въ Лейбъ-казачій полкъ, а съ переходомъ нашего полка въ Петербургъ стали поступать и къ намъ, на правахъ юнкеровъ. Въ полку ихъ производили въ унтеръ-офицеры, или, какъ тогда называли—„портупей-юнкера", а потомъ они держали экзаменъ и на офицера. Такимъ образомъ въ нашемъ полку были офицеры изъ кадетскихъ корпусовъ, главнымъ образомъ, Михайловскаго Воронежскаго или 1-го С.-Петербургскаго, изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, нынѣшняго Николаевскаго Кавалерійскаго училища, изъ Пажескаго Его Величества корпуса, изъ 1-го военнаго Павловскаго училища, изъ хорунжихъ и корнетовъ армейскихъ казачьихъ и регулярныхъ полковъ, но главнымъ образомъ изъ юнкеровъ своего же Атаманскаго полка ([127]).

Окончивъ пансіонъ въ Новочеркасскѣ, Воронежѣ, Москвѣ или Петербургѣ, юноша 17—18 лѣтъ поступалъ юнкеромъ въ полкъ, покупалъ книги и уставы и готовился въ полку къ экзамену.

Весною 1862 года повелѣно было вмѣсто прежнихъ большихъ шапокъ носить шапки изъ черной крупной смушки. Низъ шапки дѣлался по головѣ, а верхъ на ¼ вершка шире. Вышина шапки 3 вершка. На верху свѣтлосиній шлыкъ, загнутый на правую

сторону и пристегнутый къ нижнему краю. Шапка эта носилась на ремешкѣ, у офицеровъ съ серебряной пряжкой, у казаковъ съ кожанымъ костылькомъ. Съ лѣвой стороны при парадной формѣ прикрѣплялся султанъ изъ бѣлаго, а у трубачей изъ краснаго волоса. Вышина султана была 5 вершковъ. Къ верху онъ былъ разсыпчатый остроконечно остриженный и наклоненный назадъ. У генераловъ султанъ былъ изъ страусовыхъ перьевъ, вышиною 7 вершковъ съ позолоченнымъ приборомъ въ 4 вершка. При походной формѣ на киверъ надѣвался клеенчатый чахолъ. Вмѣсто фуражки было дано кепи, сначала темносиняго цвѣта съ голубымъ околышемъ, а потомъ чрезъ 12 дней оно было замѣнено голубымъ кепи съ темносинимъ околышемъ и кантами. По верхнему кругу кепи у штабъ-офицеровъ было обшито серебрянымъ шнуромъ. На кепи полагался черный подбородный ремешекъ ([128]).

Болѣе двадцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ гвардейскіе казачьи полки покинули старые гусарскіе бараки села Рыбацкаго и поселились въ громадныхъ казачьихъ казармахъ, а казаки не имѣли церкви и команды ихъ по невылазной грязи ходили въ Ямскую слободу, гдѣ стояла Крестовоздвиженская церковь.

Наконецъ, по случаю совершеннолѣтія Атамана Казачьихъ войскъ и Шефа Л.-Гв. Атаманскаго полка, Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича, въ 1860 г. была сооружена домовая церковь, при Уральскомъ флигелѣ, во имя св. Ерофея, покровителя Л.-Гв. Казачьяго полка. Церковь эта именовалась церковью Л.-Гв. Сводно-Казачьяго полка, а церковный причтъ былъ включенъ въ штаты Л.-Гв. Казачьяго Его Величества полка ([129]).

Въ январѣ мѣсяцѣ 1863 года атаманцы Петербургскаго дивизіона съ радостнымъ волненіемъ прочли въ рукописной приказной книгѣ—„холодное оружіе отточить, огнестрѣльное тщательно осмотрѣть, а также провѣрить боевые патроны“:—полкъ выступалъ въ походъ.

21 января на Адмиралтейской площади Государь Импера-

торъ смотрѣлъ Лейбъ-Казачій и Атаманскій дивизіоны и нашелъ ихъ въ прекрасномъ видѣ; проѣзжая по фронту, онъ произвелъ юнкера Порфирія Грекова въ корнеты.

22 января нашъ дивизіонъ былъ погруженъ на Варшавскую желѣзную дорогу и отправленъ въ городъ Вильно ([130]).

Поляки волновались. Мятежныя шайки собирались по деревнямъ и провозглашали смерть русскимъ и свободу Польши.

ГЛАВА XXIII.

Усмиреніе польскаго мятежа въ 1863 году.

Начало мятежа.—Вооруженіе мятежниковъ и ихъ дѣйствія. — Прибытіе дивизіона въ Вильно.—Подвигъ корнета Грекова у Свѣнцяны.—Дѣло ротмистра Крюкова въ Бельбежскомъ лѣсу.—Дѣло подполковника Курнакова у мызы Баяны.—Прибытіе 2-го дивизіона.—Усмиреніе мятежниковъ.

Мятежъ подготовлялся давно. Польскіе священники, ксендзы, увѣщевали поляковъ поголовно возстать противъ русскихъ, выдавали имъ „свенцёну броню",—значки мятежа, бляхи съ одноглавыми орлами, и обѣщали прощеніе грѣховъ. Помѣщики изъ домовъ своихъ дѣлали склады оружія. Кто не соглашался возстать противъ русскихъ—тому грозили смертью, жгли его имѣнье, угоняли скотъ и лошадей.

12 января 1863 года, ночью, поляки напали на спящихъ русскихъ солдатъ и зарѣзали многихъ. Это было сигналомъ бунта—и весь край возсталъ.

Но возставшіе поляки теперь не были страшны. Это были плохо вооруженныя шайки людей, болѣе похожихъ на разбойниковъ, нежели на солдатъ. Они были страшны не войскамъ нашимъ, но мирнымъ жителямъ, на которыхъ они нападали, жгли ихъ селенія и силой заставляли примкнуть къ мятежу ([132]).

24-го января нашъ дивизіонъ подъ командой подполковника Курнакова прибылъ въ Вильну и былъ распредѣленъ по квартирамъ. Переѣздъ по желѣзной дорогѣ стоилъ 11-ти лошадей. Вагоновъ было мало, лошадей ставили тѣсно и 11 было искалѣчено ([131]).

Служба атаманцевъ первое время состояла изъ разъѣздовъ по

городу и окрестностямъ, да конныхъ ученій на мѣстѣ Виленскихъ скачекъ.

Разъѣзды должны были наблюдать, чтобы поляки не собирались вмѣстѣ, толпами, забирать людей, одѣтыхъ въ польское платье—чемарки, кракузки, конфедератки, носящихъ широкіе пояса съ бляхами, на которыхъ выбиты были орлы съ одной головой, и вообще подозрительныхъ людей.

Въ концѣ марта въ Вильну пришелъ Л.-Гв. Драгунскій полкъ и вошелъ въ очередь разъѣздовъ. Атаманскій дивизіонъ 29-го марта былъ отправленъ для разъѣздовъ въ городъ Ковно.

Притаившіеся на зиму по городамъ и селамъ поляки съ весною начали собираться въ густыхъ лѣсахъ, по маленькимъ деревушкамъ, получать оружіе, обмундированіе и готовиться къ войнѣ. Нашимъ войскамъ было приказано разъискивать ихъ и разсѣивать. Это было нелегкой задачей. Дороги были весеннія, грязныя, кругомъ непроходимыя болота и лѣса. Мятежники скрывались въ самой чащѣ, встрѣчали наши отряды въ гущѣ вѣтвей залпами, но при атакѣ на нихъ въ большинствѣ случаевъ сдавались.

Нашъ полкъ почти ежедневно сталъ высылать то взводъ, то полуэскадронъ, то цѣлый эскадронъ, на розыски мятежныхъ шаекъ. Въ ночь съ 9 на 10 мая нашъ взводъ ходилъ съ эскадрономъ Л.-Гв. Драгунскаго полка и 2-мя ротами Капорскаго пѣхотнаго полка подъ командой барона фонъ-Фиркса въ г. Кейданы и тамъ въ чащѣ Полишканскаго лѣса разсѣялъ мятежниковъ. Было пройдено болѣе ста верстъ, не разсѣдлывая лошадей.

И такіе набѣги были почти ежедневно.

Такъ молодому корнету нашего полка Грекову Алексѣю, находившемуся со взводомъ на желѣзнодорожной станціи Свѣнцяны 5-го мая пришлось поработать ружьемъ довольно серьезно. Въ 12 часовъ ночи его потребовали со станціи въ отрядъ штабсъ-капитана Кожухова, состоявшій изъ одной роты Л.-Гв. Гренадерскаго полка. Выступили поздней ночью и прошли лѣсомъ

около 22 верстъ. Пѣхота сильно притомилась. Сдѣланъ былъ привалъ. Чуть свѣтало. Таинственно шумѣли сосны и ели, о чемъ-то, трепеща, разсказывала осина. Трава была мокрая отъ росы. Вдругъ передовой казакъ остановился, посмотрѣлъ впередъ и быстро побѣжалъ къ начальнику отряда.

— Ваше высокоблагородіе—по лѣсу стоятъ поляки, должно, пикеты ихніе.

Штабсъ-капитанъ Кожуховъ выѣхалъ впередъ и осмотрѣлъ мѣстность. Кругомъ былъ лѣсъ, поросшій по топкому болоту. Грязная дорога уходила вглубь его и на ней темной точкой виднѣлось человѣкъ десять мятежниковъ. Ни обойти, ни отрѣзать.

— Корнетъ Грековъ,—сказалъ начальникъ отряда,—возьмите казаковъ на рѣзвыхъ лошадяхъ, пусть догонятъ, задержатъ перестрѣлкой поляковъ и посмотрятъ, что тамъ такое.

— Слушаюсь.

Нѣсколько казаковъ, забросивъ пики за плечо и взявъ ружья изъ чахловъ, осмотрѣли пистоны и поскакали по дорогѣ. Пикетъ поляковъ, замѣченный казаками, еще издали выстрѣлилъ и побѣжалъ за уголъ лѣса. Тамъ оказалась поляна и на ней лагерь, человѣкъ двѣсти поляковъ. Послали донесеніе. Тѣмъ временемъ прискакалъ и Грековъ съ остальными казаками.

— Ура! закричалъ онъ и съ казаками бросился на поляковъ. Часть, бывшая по эту сторону рѣки, убѣжала за мостъ и загородила его, а остальные встрѣтили казаковъ залпомъ. Но залпъ не остановилъ атаманцевъ. Они доскакали до рѣки, и такъ какъ переправиться черезъ нее было нельзя: лошади вязли въ болотѣ, то по командѣ своего офицера соскочили съ лошадей и разсыпались цѣпью по рѣкѣ. Двадцать ружей застучали въ лѣсу.

— „Запрягать и стрѣлять!“ кричалъ какой-то толстый человѣкъ въ желтой охотничьей курткѣ, ходившій среди повстанцевъ, должно быть, ихъ начальникъ, но его не слушали. Несмотря на то, что казаковъ было въ десять разъ меньше, поляки

бросили порохъ, оружіе и повозки и бѣжали въ лѣсъ. Корнетъ Грековъ продолжалъ слѣдить за ними, обстрѣливая ихъ огнемъ.

Между тѣмъ изъ лѣсу показались наши гренадеры. Они разсыпались въ цѣпь, съ казаками перешли по мосту на ту сторону и бросились въ самую чащу лѣса за поляками. Они бы ихъ всѣхъ повыбили, но страшный трескъ сзади цѣпи отвлекъ Кожухова отъ атаки. Мостъ былъ подпиленъ поляками и, когда по нему пошелъ нашъ обозъ, онъ рухнулъ. Да и пѣхота устала. Она прошла въ этотъ день 43 версты ([131]).

Штабсъ-капитанъ Кожуховъ рѣшилъ отойти къ Свѣнцянамъ. У него было 3 плѣнныхъ, захваченныхъ казаками. Кругомъ, по показанію поляковъ, бродило два полка мятежниковъ: Жарковскаго и Масловскаго. Ночевать въ лѣсу было небезопасно. 7-го пришли въ Свѣнцяны, а 8-го 15 казаковъ того же взвода корнета Грекова съ тремя ротами Лейбъ-Гренадеръ и 60 казаками-уральцами опять пошли на то же мѣсто.

Поляки устроили здѣсь укрѣпленный лагерь. Начальникъ отряда графъ Шуваловъ, видя, что нельзя сражаться на конѣ, приказалъ казакамъ стать въ цѣпь и приготовиться къ дѣйствію пѣшкомъ. Огонь былъ такъ силенъ, что почти всѣ пики были перебиты пулями. Вмѣстѣ съ пѣхотой казаки бросились на штурмъ окоповъ и взяли ихъ. При этомъ казакъ Крючковъ былъ тяжело раненъ. Мятежники были разсѣяны. Простоявъ нѣсколько дней въ лѣсу, высылая разъѣзды по окрестностямъ и убѣдившись, что мятежники удалились изъ него, графъ Шуваловъ вернулся къ Свѣнцянамъ. Корнету Грекову за дѣло у Свѣнцяны былъ пожалованъ орденъ св. Анны 4 степени „за храбрость“ ([131]).

Это была первая награда въ нашемъ дивизіонѣ, вскорѣ почти всѣ офицеры его украсились крестами. Случай отличиться нашимъ казакамъ выпалъ 11 мая въ Бельбежскихъ лѣсахъ и 31 мая у дер. Баяны.

2-й эскадронъ нашего полка, подъ командой ротмистра Крюкова, и полуэскадронъ 1-го эскадрона уже двѣ недѣли бродилъ

Въ Бельбежскихъ лѣсахъ ([192]).

въ окрестностяхъ Ковны, дѣлая иногда въ день болѣе ста верстъ по лѣсамъ, и нигдѣ не находилъ мятежныхъ шаекъ. А между тѣмъ жители показывали, что еще недавно здѣсь ходили польскіе отряды, насильно брали жителей въ рекруты, забирали провіантъ и припасы.

Ночь съ 10 на 11-е мая ротмистръ Крюковъ съ полуэскадрономъ 1-го эскадрона и полуэскадрономъ 2-го проводилъ въ деревнѣ Пошлованты, въ самой глуши Бельбежскаго лѣса. Въ 5-ть часовъ утра пріѣхалъ изъ разъѣзда нашъ казакъ Артемовъ и доложилъ, что онъ видѣлъ, какъ въ лѣсу черезъ дорогу перебѣжало человѣкъ 50 мятежниковъ. Сейчасъ же произведена была эскадрону тревога. Одинъ казакъ поѣхалъ съ донесеніемъ въ отрядъ подполковника Маноцкова, состоявшій изъ 1 эскадрона Лейбъ-Гвардіи Драгунскаго полка, $2^1/_2$ ротъ Капорскаго пѣхотнаго полка и 2-хъ орудій казачьей артиллеріи.

Быстро собрались атаманцы по тревогѣ и полнымъ карьеромъ поскакали за ротмистромъ Крюковымъ по лѣсной дорогѣ. Мятежники, услыхавъ топотъ лошадей, разбѣжались по лѣсу. Но это не остановило казаковъ.

— Врознь—маршъ! раздалась команда и вихремъ разлетѣлись казаки по лѣсу.

Каждый зналъ, что ему надо дѣлать. Каждый помнилъ послѣдній приказъ графа Муравьева, который приказывалъ не щадить бунтовщиковъ. Вынули казаки ружья изъ чахловъ и гдѣ пѣшкомъ, гдѣ съ коня стали бить убѣгавшихъ поляковъ.

Часть поляковъ сѣла въ четыре фурманки, запряженныя гдѣ парой, а гдѣ тройкой лошадей, и уходила по дорогѣ. Но казаки догнали ихъ и забрали вмѣстѣ съ повозками въ плѣнъ.

Эскадронъ развернулъ лаву и оцѣпилъ ею лѣсъ, верстъ на пятнадцать. Ротмистръ Крюковъ, оставивъ казаковъ въ лѣсу, поскакалъ назадъ и просилъ прислать пѣхоту, чтобы углубиться съ нею въ лѣсъ и разыскать раненыхъ и убитыхъ. Прибѣжала первая стрѣлковая рота Капорскаго полка. Она вошла въ лѣсъ

и стала собирать раненыхъ и убитыхъ мятежниковъ. Одинъ изъ раненыхъ показалъ, что главныя силы мятежниковъ находятся верстахъ въ 30-ти сзади мѣста боя.

Начальникъ отряда рѣшилъ идти на указываемое мѣсто съ проводникомъ. Ротмистръ Крюковъ командировалъ ротмистра Кушнарева и корнета Туровѣрова съ полуэскадрономъ въ правый отрядъ.

— Съ Богомъ! рысью—маршъ!... и полуэскадронъ отдѣлился впередъ. Шли полной крупной, полевой рысью. День насталъ вполнѣ; было жарко. Въ лѣсу пахло мохомъ и смолой. Боковые разъѣзды и дозоры, или, какъ ихъ тогда называли—пикеты и фланкеры, съ трудомъ продирались сквозь лѣсную чащу. Шли больше двухъ часовъ, а мятежниковъ не было видно.

Неужели опять въ пустую!

Наконецъ, казаки взвода корнета Туровѣрова притащили какого-то мужиченка. Ощипанный, оборванный, въ лаптяхъ, по-русски не говоритъ. Но видно понялъ, что ищутъ „ляховъ". Показываетъ впередъ. Посадили его за бедра и поѣхали, куда онъ указывалъ. Дѣйствительно, вскорѣ нашли ихъ лагерь. На полянѣ стояли шалаши изъ хвороста, трава была потоптана, конскій навозъ былъ свѣжъ. Видно, только что сошли съ мѣста ночлега. Казаки зажгли лагерь. Тѣмъ временемъ подоспѣлъ и ротмистръ Крюковъ, за нимъ шли драгуны, и на повозкахъ, отбитыхъ у поляковъ, катила пѣхота съ артиллеріей.

Корнетъ Туровѣровъ проѣхалъ по тропинкѣ шаговъ шестьдесятъ отъ мѣста ночлега, какъ вдругъ раздались кругомъ залпы мятежниковъ—это была засада. На выстрѣлы выбѣжали Капорцы и разсыпали по лѣсу цѣпь. Началась перестрѣлка. По выстрѣламъ видно было, что тутъ много поляковъ. Лѣсъ въ этомъ мѣстѣ былъ порубленъ и изъ поваленныхъ деревьевъ устроены засѣки и завалы.

Начальникъ отряда оставилъ 10 казаковъ съ корнетомъ Черновымъ при орудіяхъ, а ротмистру Крюкову предложилъ атаковать мятежниковъ.

Казаки собрались въ лѣсу, подтянулись...

— Пики къ атакѣ!—отчетливо раздалась команда Крюкова.— Съ мѣста—маршъ—маршъ!

И, несмотря на болото, на пни, на завалы, на усталость послѣ тридцати верстъ, сдѣланныхъ полною рысью, во весь опоръ вылетѣли атаманцы и опрокинули мятежниковъ. Они бѣжали въ густой лѣсъ, окружавшій порубленное мѣсто.

Казаки были распредѣлены на маленькія партіи по 8—10 человѣкъ и кинулись въ самую гущу лѣса....

Темнѣло. Пѣхота зажгла костры, драгуны разсѣдлали коней, артиллерія расположилась на готовѣ. Солдаты варили обѣдъ и ужинъ, грѣлись у костровъ, устраивали палатки и шалаши изъ вѣтвей и шинелей.

Одни казаки не отдыхали. Они возвращались по одиночкѣ, по два, позднею ночью. Два казака нашихъ Бударинъ и Михинъ, уже въ темнотѣ вдвоемъ напали на 10 поляковъ, троихъ убили, а двухъ забрали въ плѣнъ. Унтеръ-офицеры Югановъ и Зенинъ съ восемью казаками нагнали шайку въ 26 человѣкъ, восемь положили на мѣстѣ, 1 тяжело ранили и четверыхъ забрали въ плѣнъ.

До утра въ лѣсу раздавались выстрѣлы, слышались стоны и крики о пощадѣ.

Нашъ эскадронъ забралъ у поляковъ въ этотъ день: 12 плѣнныхъ, 13 косъ, 1 пику, 14 ружей, 2 штуцера, 5 повозокъ и 17 лошадей ([131]).

Но нелегко далась побѣда атаманцамъ. Лошади, не кормленныя больше сутокъ, все время бывшія въ движеніи, были доведены до крайней усталости. 6 лошадей было совершенно загнано и уже болѣе не годились къ службѣ.

За это дѣло ротмистръ Крюковъ былъ произведенъ въ подполковники, а корнеты Туровѣровъ и Черновъ получили ордена св. Анны 4-й степени за храбрость.

Послѣ боя въ Бельбежскомъ лѣсу прошло еще 20 дней въ

тяжелыхъ разъѣздахъ, поискахъ и арестахъ подозрительныхъ людей, но крупныхъ шаекъ открыто не было.

30 мая въ квартиру командира нашего 1-го дивизіона, подполковника Курнакова, явился жидъ. За нѣсколько червонцевъ онъ обѣщалъ указать, гдѣ собрались мятежники.

— Ну, говори, чортовъ сынъ! да смотри, коли надуешь!

— И, какъ зе мозно! ваше сіятельство... Развѣ Ицка васъ смѣетъ обмануть. Тамъ въ лѣсу за дер. Кемпы, можетъ быть, ваше сіятельство знаютъ?...

Все равно... Вретъ жидъ, или не вретъ, а поѣхать надо. Давно не было поимокъ, а за это начальство не похвалитъ, еще скажутъ, что казаки лѣнивы искать.

Вечеромъ посѣдлали и въ половина одиннадцатаго ночи тронулись. Впереди пошли 2 взвода 2-го эскадрона атаманцевъ, сзади 2 роты Капорскаго пѣхотнаго полка.

Ночь была свѣтлая. Казаки выдвинулись рысью впередъ и пошли черезъ поля по направленію къ лѣсу. Вдали показались темныя постройки мызы графа Тышкевича „Баяны"... Видны плетни, деревья, дальше чернѣетъ густой Баянскій лѣсъ. Только что наша колонна вытянулась темной лентой по дорогѣ, какъ отъ построекъ мызы отдѣлился всадникъ и поскакалъ къ лѣсу черезъ деревню. Передовой атаманецъ повернулъ и поѣхалъ доложить начальнику отряда,

— Что тамъ такое!?—проговорилъ Курнаковъ,—подполковникъ Крюковъ, узнайте.

— Строй лаву!—скомандовалъ Крюковъ своему полуэскадрону и пошелъ рысью на лѣсъ.

— Трра-та-тахъ! тахъ-тахъ!—прогремѣлъ залпъ изъ лѣса и унтеръ-офицеръ Бугураевъ, тяжело раненый пулей, упалъ съ лошади.

Вотъ оно что! Мятежники въ лѣсу.

Но что дѣлать!? Лѣсъ густой и болотистый, атаковать на коняхъ невозможно. Но и медлить нельзя. Мятежники уйдутъ, а ихъ приказано забирать во что бы то ни стало.

— Охотники—слѣзай!...

И Крюковъ, соскочивъ съ лошади, пѣшкомъ побѣжалъ навстрѣчу выстрѣламъ. За нимъ съ ружьями на перевѣсъ побѣжали и казаки....

Началось лѣсное дѣло у мызы „Баяны".

Не прошло и получаса, какъ прибѣжали роты Капорскаго пѣхотнаго полка и замѣнили собою казачьихъ стрѣлковъ.

Атаманцы собрались сзади пѣхоты, часть осталась для прикрытія обоза и раненаго, а остальные разсѣялись по дорогамъ и опушкамъ для преслѣдованія отступавшихъ поляковъ. Поручикъ Денисовъ и корнетъ Черновъ зорко слѣдили съ опушекъ и доносили о передвиженіяхъ мятежныхъ шаекъ подполковнику Курнакову и Курнаковъ посылалъ согласно ихъ указаній пѣхоту для уничтоженія поляковъ.

Казаки отбили одного плѣннаго и вмѣстѣ съ пѣхотой убили болѣе 50 человѣкъ и совершенно разсѣяли эту шайку, бывшую подъ начальствомъ ксендза Нарвойшъ ([131]).

Бой кончился подъ утро.

За это дѣло подполковникъ Курнаковъ, командовавшій всѣмъ отрядомъ, получилъ орденъ св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ, подполковникъ Крюковъ св. Станислава 2-й степени съ мечами и поручикъ Денисовъ—св. Станислава 3-й степени ([133]).

Наступило лѣто. Изъ Россіи пришли въ Царство Польское новые полки и по всѣмъ городамъ, селамъ и деревнямъ организована была сельская стража. 11-го и 12-го августа къ нашему 1-му дивизіону прибылъ съ Дона 2-й дивизіонъ и остался въ Вильно для несенія разъѣздной службы. Отдѣльные отряды все рѣже и рѣже стали уходить въ поиски. Люди, волновавшіе народъ, были пойманы и казнены, всюду стояли войска, защищавшія жителей отъ исполненія угрозъ. Польскій край былъ умиротворенъ. Съ конца августа гвардія начала возвращаться въ Петербургъ.

Наши дивизіоны въ сентябрѣ погрузились на желѣзную до-

рогу. Одинъ пошелъ въ Петербургъ, другой тронулся на Донъ на льготу.

Атаманцы въ дѣлахъ по усмиренію польскихъ мятежниковъ показали себя достойными отцовъ и дѣдовъ своихъ. Не щадя жизни, преслѣдовали они враговъ внутреннихъ, проходили въ день по лѣсамъ и болотамъ по сто и болѣе верстъ. Разъѣзды и дозоры всегда были внимательны и не забывали доносить начальникамъ о томъ, что они видятъ. Потому, и пѣхота всегда успѣвала во-время подкрѣпить казаковъ.

1-й и 2-й наши дивизіоны поголовно украсились медалями „за усмиреніе Польскаго мятежа“.

ГЛАВА XXIV.

Служба казаковъ въ Петербургѣ.

Посылка дивизіоновъ въ Нижній-Новгородъ на ярмарку.—Изученіе казаками уставовъ.—Казарменныя и лагерныя занятія.—Перемѣны формы.

Жизнь въ Атаманскомъ полку, со времени перехода одного дивизіона въ С.-Петербургъ, текла полная трудовъ и блестящей, представительной службы во дворцѣ и на парадахъ. Дивизіоны атаманцевъ, лейбъ-казаковъ и уральцевъ составляли гвардейскій Сводно-Казачій полкъ. Число рядовъ во взводахъ полагалось по 20-ти.

На службу въ гвардію выбирались лучшіе люди изъ станицъ, высокаго роста, красивые, видные. Отслуживъ три года въ арміи и шесть лѣтъ въ льготныхъ дивизіонахъ, они, уже отростивши себѣ форменныя бакенбарды, всѣ подъ одно лицо приходили въ Петербургъ. Шли цѣлымъ дивизіономъ по желѣзной дорогѣ вмѣстѣ съ офицерами.

Съ 1868 г. очередной дивизіонъ собирался на ученье не въ іюлѣ, а въ іюнѣ и занимался 10 дней, на участкѣ подлѣ станицы Урюпинской. Отсюда его везли по желѣзной дорогѣ въ Нижній-Новгородъ на ярмарку, гдѣ онъ до закрытія торга несъ полицейско-разъѣздную службу, а затѣмъ дивизіонъ переѣзжалъ въ Петербургъ и смѣнялъ отслужившихъ три года казаковъ ([134]).

Неочередной дивизіонъ отбывалъ службу при слободѣ Тарасовкѣ, хуторѣ Ольховый Рогъ и слободѣ Покровской

(Свиная), куда собирались ежегодно, въ маѣ, на одинъ мѣсяцъ. Потомъ распускались по станицамъ. Но и въ станицахъ нужно было жить, соблюдая форму и холя строевого коня. Льготнымъ дивизіонамъ часто приходилось собираться въ Новочеркасскъ для встрѣчи Высочайшихъ особъ, а также въ случаѣ походовъ, кромѣ того отъ льготныхъ дивизіоновъ былъ попрежнему нарядъ караула въ Таганрогскій дворецъ.

За шесть лѣтъ майскихъ сборовъ атаманскій казакъ научался носить правильно одежду, отдавать честь, да кое-какъ рубить и фланкировать. А по приходѣ въ Петербургъ нужно было сейчасъ же почти показаться Государю и на смотру, и на разводахъ.

Смотры бывали два, три раза въ годъ. Зимній парадъ въ шинеляхъ, майскій весенній парадъ въ парадной формѣ на Марсовомъ полѣ и Красносельскій парадъ въ походной формѣ послѣ маневровъ. Нерѣдко Государь или Наслѣдникъ смотрѣли отдѣльно полки и бригады. И атаманцы старались показаться Государю и Шефу вездѣ молодцами. И, хотя ученій тогда бывало мало, даже очень мало—они умѣли и равняться, и аллюръ, и направленіе держать и Атаманскій полкъ былъ вездѣ хорошъ. Давалось это нашимъ станичникамъ потому, что всякій изъ нихъ только и думалъ, какъ бы хорошенько равняться и лучше сидѣть, всѣ были внимательны. 5-го іюня 1870 года Его Высочество Главнокомандующій войсками гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ (Александръ III—Царь-Миротворецъ), осмотрѣвъ на военномъ полѣ въ Красномъ селѣ Сводно-Казачій полкъ, остался весьма доволенъ лихостью казаковъ, быстротою, точностью и чистымъ выполненіемъ построеній и сказалъ казакамъ послѣ смотра:—„Вернувшись на Донъ, вы передадите вашимъ товарищамъ, что регулярная кавалерія не опасный для васъ соперникъ; что уставъ, какъ вы видите, не такъ труденъ, какъ кажется, и основательное изученіе его ведетъ только къ порядку—залогу побѣды“ ([135]).

Кромѣ смотровъ, каждое воскресенье въ Михайловскомъ манежѣ назначались въ присутствіи Государя разводы. На разводахъ находились всѣ офицеры гвардіи и отъ каждаго полка ординарцы. На ординарческой ѣздѣ смотрѣли посадку офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и казаковъ, умѣнье на скаку стрѣлять изъ ружья и пистолета и брать барьеры. И Боже сохрани было ударить лошадь шашкой или плетью; для посыла коня на барьеръ полагались всѣмъ казакамъ шпоры. Каждая ошибка ординарцевъ ставилась имъ въ большую вину.

А учиться казакамъ было некогда. Каждую ночь выѣзжалъ почти цѣлый эскадронъ въ полицейскій разъѣздъ. Казаки объѣзжали по-двое всѣ отдаленные участки Петербурга. Ходилъ разъѣздъ и на Московское шоссе къ Средней Рогаткѣ, и въ Лѣсной, и въ Полюстрово, и въ Екатерингофъ, и на Острова. Инымъ приходилось за ночь сдѣлать болѣе 30 верстъ, по всякой погодѣ, во время вьюги, морозовъ, осеннихъ вѣтровъ и дождей.

Когда не было разъѣздовъ — производились занятія. Для конныхъ ученій ѣздили на Семеновскій плацъ, на которомъ тогда не было ни одной постройки, пѣшія производили на дворѣ и въ казармахъ. Самое важное мѣсто среди пѣшихъ ученій до 1874 г. составляли выправка, шашечные пріемы и маршировка. На маршировкѣ шагъ былъ тихій въ три темпа, ногу нужно было поднимать высоко отъ земли и носокъ тянуть книзу. Во всякомъ пріемѣ требовалась чистота. Съ ружьемъ занимались мало. Вмѣсто теперешней стрѣльбы дробинками тогда занимались тушеніемъ свѣчъ. На стержень, подъ курокъ клался пистонъ и ружье наводили на горящую свѣчу, при хорошей наводкѣ пистонъ долженъ былъ погасить свѣчу. Въ 1864 году вмѣсто шестилинейныхъ пистонныхъ ружей были выданы 4-хъ-линейныя малокалиберныя винтовки образца Бердана № 2.

Съ принятіемъ берданокъ стали больше заниматься прикладкой, прицѣливаніемъ и стрѣльбой. Для старыхъ ружей казаки сами лили себѣ пули особыми формочками—„пулелейками“.

Порохъ привозился въ полкъ въ боченкахъ и выдавался казакамъ по фунтамъ.

Не мало заботы было атаманцамъ и съ формой и лошадьми. Форма требовала большой чистки и аккуратной пригонки. Бѣлые лосинные ремни мазались ежедневно особымъ составомъ, всѣ ме-

ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ
Викторъ Алексѣевичъ Родіоновъ
съ 1 янв. 1866 г. по 2 дек. 1869 г.

таллическія части ярко начищались. Перемѣны въ формѣ были частыя ([136]).

30 апрѣля 1864 года даны были на офицерскія шинели отложные воротники вмѣсто стоячихъ. При этомъ разрѣшено было обшивать ихъ каракулемъ. 2 января 1867 года кепи было у ка-

заковъ отмѣнено и вмѣсто него дана фуражка такая же, какъ мы носимъ теперь. Въ томъ же году, 10 іюля повелѣно на парадныхъ мундирахъ офицеровъ нашить на груди 8 рядовъ серебряныхъ шнуровъ съ серебряными костыльками. У казаковъ нашить такіе же шнуры, но бѣлые съ оловянными литыми костыльками. Чешуйчатые эполеты замѣнены плетеными, бѣлыми съ бахрамою кругомъ и свѣтлосинею строчкой по краю корешка. 30 сентября вмѣсто плечевой портупеи дана была поясная, причемъ казакамъ изъ красной юфты. Серебряный пистолетный шнуръ замѣненъ общекавалерійскимъ, пестрымъ.

Для большаго отличія унтеръ-офицеровъ отъ рядовыхъ казаковъ 31 іюля 1870 года приказано было обшивать фуражки ихъ по кругу трехцвѣтнымъ бѣлымъ, желтымъ и чернымъ шнуромъ ([137]).

Въ лагерь Сводно-Казачій полкъ выходилъ въ началѣ іюня и съ семидесятыхъ годовъ размѣщался по квартирамъ, въ деревняхъ: Паюла, Таликола, Нурколово и Пелгола. Въ лагерѣ три раза въ недѣлю казаки занимались стрѣльбою, два раза аванпостною службою и одинъ разъ полковымъ коннымъ ученьемъ ([136]).

Уходъ за лошадьми требовался большой. Гривы подравнивали полукругомъ, хвосты лошадямъ подрѣзали по одной формѣ ([136]).

Командовавшій полкомъ во время усмиренія польскаго мятежа генералъ-майоръ Жировъ въ Польшѣ не былъ, потому что тамъ былъ не весь полкъ, а оставался на Дону при льготныхъ дивизіонахъ. *1-го января 1866 года* онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а командовать нашимъ полкомъ назначенъ *полковникъ Родіоновъ, Викторъ Алексѣевичъ.*

Въ его командованіе нашъ полкъ принялъ участіе въ парадныхъ торжествахъ по случаю свадьбы своего Шефа Государя Наслѣдника Цесаревича.

ГЛАВА XXV.

Сто лѣтъ жизни полка.

Кончина Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича.—Назначеніе Шефомъ Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича. — Торжества по случаю свадьбы.—Посѣщеніе Дона Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. — Сокращеніе сроковъ службы.—Столѣтній юбилей полка.

Государь Наслѣдникъ Александръ Николаевичъ
въ 1845 г.

12 апрѣля 1865 года въ городѣ Ниццѣ, за границей, во Франціи, въ чужой землѣ, въ хорошемъ климатѣ, гдѣ не бываетъ ни зимы, ни холодныхъ вѣтровъ, скончался старшій сынъ Государя Императора Александра II Николаевича,—Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ.

Наслѣдникомъ и *Шефомъ нашего полка былъ назначенъ второй сынъ Государя Александръ Александровичъ—царствовавшій потомъ Императоръ Александръ III.*

Пораженная горемъ Императрица мать, супруга Императора Александра II — Государыня Марія Александровна и среди горести своей не забыла нашего полка, Шефомъ котораго

и Атаманомъ всѣхъ Казачьихъ войскъ былъ ея Покойный Сынъ. Въ день памяти Его, св. Николая Мѵрликійскаго, 6 декабря 1865 года она пожаловала въ церковь Л.-Гв. Сводно-Казачьяго полка—ризницу, сдѣланную изъ парчевыхъ покрововъ, бывшихъ при погребеніи Наслѣдника ([129]).

Осенью, слѣдующаго за этимъ печальнымъ событіемъ 1866 года, состоялось бракосочетаніе Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича съ дочерью Датскаго Короля Принцессой Дагмарой. Принцесса Дагмара, нынѣ вдовствующая Императрица Марія Ѳеодоровна, прибыла 14 сентября на пароходѣ изъ столицы Даніи—Копенгагена—въ Петергофъ, откуда въ экипажѣ прослѣдовала въ Царское Село. На пути, между дер. Новой близъ Стрѣльны и красносельской желѣзной дорогой, по Петергофскому шоссе стоялъ нашъ эскадронъ подъ командой ротмистра Астахова. 17 сентября весь 3-й дивизіонъ участвовалъ въ торжественномъ въѣздѣ Высоконареченной Невѣсты въ г. С.-Петербургъ, причемъ одинъ эскадронъ стоялъ шпалерами по Владимірской улицѣ и одинъ слѣдовалъ сзади кареты.

Въ день свадьбы 28 октября—нашъ эскадронъ занялъ внутренній караулъ въ Аничковскомъ дворцѣ, а другой эскадронъ сопровождалъ карету Молодой Атаманши, когда она, послѣ бала въ Зимнемъ дворцѣ, возвращалась въ Аничковскій.

Въ этотъ день командиръ нашего полка полковникъ Родіоновъ пожалованъ флигель-адъютантомъ ([138]).

14 ноября, въ день рожденія Наслѣдницы Цесаревны, состоявшіе на службѣ въ Петербургѣ третьи дивизіоны Л.-Гв. Казачьяго и нашего полковъ поднесли своей Атаманшѣ икону Божіей Матери, украшенную по-старинному жемчугомъ и драгоцѣнными камнями.

Черезъ три года послѣ этого радостнаго событія, лѣтомъ 1869 года Атаманъ Казачьихъ войскъ Наслѣдникъ Цесаревичъ съ Супругой и братомъ своимъ Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ посѣтили область Войска Донского.

Навстрѣчу имъ были собраны льготные дивизіоны Л.-Гв. Атаманскаго полка.

Въ 11 часовъ утра 31 іюня поѣздъ желѣзной дороги подошелъ къ городу Новочеркасску. Наслѣдникъ былъ въ мундирѣ нашего полка, Наслѣдница въ амазонкѣ покроя Атаманскаго чекменя, съ бѣлымъ кушакомъ и въ киверѣ Атаманскаго полка.

Когда Наслѣдникъ Цесаревичъ вышелъ изъ вагона, ему поднесли на подушкѣ перначъ—знакъ атаманскаго достоинства. Въ это же время Цесаревнѣ подвели донского коня, на котораго она изволила сѣсть, затѣмъ сѣли Наслѣдникъ и Великій Князь Алексѣй Александровичъ и послѣдовали въ городъ. Впереди всѣхъ ѣхалъ комендантъ города Новочеркасска генералъ-майоръ Долотинъ, за нимъ офицеры Атаманскаго полка съ бобылевыми хвостами и бунчуками—по два въ рядъ, потомъ Наслѣдникъ съ перначемъ, лѣвѣе его Наслѣдница и далѣе Великій Князь. За ними наказной атаманъ, чины свиты и Штаба и взводъ нашего полка. Этотъ торжественный въѣздъ изображенъ на блюдѣ, на которомъ Войско Донское поднесло хлѣбъ-соль Императору Александру III въ день его коронованія. Блюдо это теперь находится въ Зимнемъ дворцѣ, въ Концертномъ залѣ у праваго окна.

Въ день въѣзда почетный караулъ въ Новочеркасскомъ дворцѣ былъ отъ Атаманскаго полка ([139]).

Во все время пребыванія Государя Наслѣдника на Дону—нашъ полкъ неизмѣнно составлялъ его свиту.

2-го декабря этого года генералъ-майоръ Родіоновъ получилъ новое назначеніе, *а командиромъ Атаманаскаго полка 10 февраля 1870 года* назначенъ *генералъ-майоръ Николай Петровичъ Яновъ.*

Во время его командованія наши льготные дивизіоны праздновали трехсотлѣтній юбилей Войска Донского, а дивизіонъ, стоявшій въ Петербургѣ—столѣтній юбилей Атаманскаго полка.

21 мая 1870 года минуло триста лѣтъ съ того дня, какъ Московскій Царь обратился впервые съ милостивымъ словомъ къ донскимъ казакамъ.

На торжественномъ кругѣ въ Новочеркасскѣ въ этотъ день присутствовалъ Государь Наслѣдникъ съ своею Супругою. Взводы отъ льготныхъ дивизіоновъ сопровождали ихъ въ день въѣзда въ Новочеркасскъ и въ день войскового круга ([140]).

ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ
Николай Петровичъ Яновъ
съ 10 февраля 1870 г. по 31 августа 1875 года.

Въ августѣ 1872 года 1-й дивизіонъ нашего полка, стоявшій тогда на Дону, имѣлъ счастье видѣть Государя Императора, который посѣтилъ Донъ вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ и Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ. Государь пробылъ на Дону три дня,—12, 13 и 14 августа. 14 августа нашъ дивизіонъ

представился Государю на парадѣ и за лихое прохожденіе церемоніальнымъ маршемъ удостоился Государева „спасибо“ ([140]).

1-го января 1875 года въ жизни Атаманскихъ казаковъ случилась важная перемѣна. Вышло новое „*Положеніе о военной службѣ казаковъ Войска Донского*“. По этому положенію служба казака дѣлилась на службу внѣ войска, внѣ своего дома и станицы,—въ первоочередномъ полку и на службу на льготѣ, на Дону. Наши Атаманскіе казаки, служившіе раньше 22 года и по два, а иногда и по три раза въ теченіе жизни своей приходившіе въ Петербургъ, стали *служить въ Петербургѣ только три года—одинъ разъ во все время своей службы*. Если не было войны или похода, то по прослуженіи трехъ лѣтъ, а унтеръ-офицеры—четырехъ—казакъ уходилъ на льготу и призывался въ теченіе 9 лѣтъ ежегодно въ маѣ мѣсяцѣ на сборы неподалеку отъ своей станицы. Въ полкъ казакъ долженъ былъ явиться нѣсколько подготовленнымъ къ службѣ, поэтому казаковъ собирали за годъ до отправленія въ Петербургъ въ слободу Тарасовку для коннаго ученія и въ теченіе зимы занимались съ ними уставами и пѣшей выправкой въ ближайшихъ къ ихъ хуторамъ станицахъ ([141]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ Петербургъ казаки стали приходить не по-дивизіонно, а смѣнными командами въ составѣ $^1/_3$ полка. Такимъ образомъ за три года полкъ обновлялся совершенно.

20 апрѣля 1875 года Высочайше повелѣно было нашему полку праздновать столѣтній юбилей со дня основанія.

Сто лѣтъ пронеслось съ того дня, когда по ходатайству атамана Иловайскаго возникъ пятисотенный Атаманскій полкъ. Онъ развернулся въ 1802 году въ десятисотенный тысячный полкъ, въ сороковыхъ годахъ сталъ шестиэскадроннымъ. За сто лѣтъ боевой службы полкъ пріобрѣлъ себѣ георгіевскій штандартъ, отличіе на шапки, права молодой гвардіи. Онъ заслужилъ примѣрной службой своей любовь Монарха, даровавшаго Сына Своего Шефомъ полка. Онъ видалъ дванадесять языковъ Наполеоновой арміи, халаты ногайскихъ татаръ, чалмы турокъ, кивера и конфеде-

ратки поляковъ. За сто лѣтъ службы онъ прошелъ Европу вдоль и поперегъ; видалъ Оренбургскія степи и кипучую жизнь столицы міра—Парижа, былъ въ Выборгѣ и за Дунаемъ. Сколько славныхъ именъ пронеслось въ его рядахъ. Атаманъ Платовъ, Балабинъ, Грековъ 18, Кузнецовъ—стяжали съ полкомъ громкую славу.

Сто лѣтъ тому назадъ атаманцы были знакомы только пустыннымъ улицамъ Новочеркасска, да атаману Иловайскому, теперь въ блестящихъ голубыхъ мундирахъ, украшенныхъ шнурами они стояли въ столицѣ Россіи предъ лицомъ своего Государя. Сбылись слова приказа Платова—и атаманцы отеческими попеченіями Самодержца — **„прославлены, превознесены и благоденствуютъ!“**

19 апрѣля въ $12^1/_2$ часовъ дня Государь Императоръ въ георгіевскомъ залѣ Зимняго дворца собственноручно привязалъ юбилейныя ленты къ штандарту нашего полка ([142]).

На штандартъ подъ орломъ прибавлена была новая надпись **„1775—1859—1875“**, означающая годъ основанія Атаманскаго полка, годъ пожалованія полку правъ молодой гвардіи и годъ столѣтняго юбилея.

На Андреевской лентѣ изображено съ одной стороны: **„1775 г. войска Донского Атаманскій полкъ“**, на второй и на третьей сторонахъ: **„1860 г. за отличіе, оказанное въ войнѣ съ французами въ 1812, 1813 и 1814 годахъ“** и на четвертой сторонѣ: **„1859 г. Лейбъ-Гвардіи Атаманскій Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полкъ“**, и на бантѣ: **„1875 года“**.

20 апрѣля, на Разводной площадкѣ, состоялся парадъ Атаманскому и Лейбъ-Казачьему дивизіонамъ. На правомъ флангѣ стали трубачи нашего полка, на лѣвомъ — бывшіе лейбъ-казаки и атаманцы. Много среди нихъ было стариковъ, помнившихъ Платова и служившихъ въ полку подъ его пятью длинными хоругвями.

Въ $12^1/_2$ часовъ дня на площадку прибылъ Государь Наслѣд-

никъ въ мундирѣ Атаманскаго полка и съ нимъ Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій. Въ началѣ второго часа на балконъ дворца вышла Государыня Императрица Марія Александровна съ Великой Княгиней Маріей Павловной, въ то же время Государь подъѣхалъ къ фронту дивизіоновъ.

На площадкѣ противъ дворца, у аналоя было совершено торжественное молебствіе и освящены новый штандартъ Л.-Гв. Казачьяго Его Величества полка и наши юбилейныя ленты. Потомъ прошли церемоніальнымъ маршемъ,—сначала по-взводно—шагомъ, потомъ по-полуэскадронно рысью.

Послѣ второго прохожденія дивизіоны построились на прежнемъ мѣстѣ противъ дворца, и Государь, подъѣхавъ къ фронту, благодарилъ казаковъ за службу.

Въ тотъ же день въ $5^1/_2$ часовъ пополудни въ Зимнемъ дворцѣ состоялся торжественный обѣдъ для офицеровъ, послѣ обѣда всѣ офицеры были приглашены въ Александринскій театръ на парадное представленіе. Въ театрѣ присутствовалъ и Государь.

На другой день, 21 апрѣля всѣ казаки нашего и Лейбъ-Казачьяго дивизіоновъ, состоящихъ въ Петербургѣ. были приглашены въ Зимній дворецъ къ Царскому обѣду. Столы были накрыты въ нижнемъ корридорѣ. Во время обѣда Государь Императоръ обходилъ столы казаковъ и провозгласилъ тостъ за славу и благоденствіе обоихъ полковъ ([142]).

Въ память столѣтія полковъ была выбита медаль. Съ одной стороны медали изображены портреты Императрицы Екатерины II и Императора Александра II, и надпись—кругомъ снизу „*честію, славою, вѣрою, правдою и любовію*“ и сверху — „*Лейпцигъ, Ферь-Шампенуазъ, Варшава*“—съ другой стороны—подъ сплетенными буквами „*Е*“ (Екатерина) и „*А*“ (Александръ)—надпись—„*въ память столѣтняго юбилея Л.-Гв. Казачьяго Его Величества и Л.-Гв. Атаманскаго Его Высочества Наслѣдника Цесаревича полковъ*“—кругомъ лавровый вѣнокъ.

31 августа 1875 года генералъ-майоръ Яновъ сдалъ нашъ полкъ *полковнику Андрею Дмитріевичу Мартынову.*

Съ этимъ командиромъ нашъ полкъ началъ второе столѣтіе и, какъ и подобаетъ боевому полку — началъ походомъ и войною.

На бивакѣ ([193]).

ГЛАВА XXVI.

За свободу славянъ.

Причины турецкой войны 1877 года.—Мобилизація 1-го дивизіона.—Въ Рущукскомъ отрядѣ.—Дѣло Аленича и лубенцовъ у дер. Садино.—Столкновеніе съ черкесами 9 августа.—Бой на Карагасанкіойскихъ высотахъ.

Еще въ 1876 году тревожные слухи стали доходить до Петербурга. Единовѣрные намъ христіане—сербы, не могли больше выносить несправедливости турецкой власти и возмутились. Турки усмиряли ихъ съ необыкновенной жестокостью. Они стрѣляли связанными цѣпочками пулями и тѣмъ причиняли тяжелыя и

смертельныя раны защитникамъ Сербіи, плѣнныхъ они раздѣвали до нага, привязывали къ дереву и живыми жгли на медленномъ огнѣ. Слухи о турецкихъ звѣрствахъ доносились и къ намъ въ Россію и люди разнаго званія по доброй волѣ шли помогать сербамъ въ борьбѣ съ мусульманами. Они образовывали отряды добровольцевъ, собирали деньги и чѣмъ могли помогали христіанамъ.

ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ
Андрей Дмитріевичъ Мартыновъ
съ 31 августа 1875 г. по 29 апр. 1883 г.

Но сербовъ и добровольцевъ было слишкомъ мало; они были плохо вооружены, добровольцы не знали строевъ и не умѣли стрѣлять. Турки били ихъ на выборъ;—наконецъ, подъ Дюнишемъ сербы были разбиты и заключили невыгодный миръ.

Тяжелое положеніе Сербіи, сражавшейся за свои домы, за женъ и дѣтей, за Православную вѣру, давно волновало благородную душу Императора Александра II и Онъ рѣшилъ наказать турокъ. Весною 1877 года, неожиданно для турокъ, Россія объявила имъ войну и русскія войска перешли границу сосѣдней съ Турціей Румыніи.

1-й дивизіонъ нашего полка въ это время служилъ въ Петербургѣ, второй только что собрался на майское ученье въ слободу Тарасовку. Сводно-Казачьимъ полкомъ въ Петербургѣ командовалъ Л.-Гв. Казачьяго Его Величества полка полковникъ Жеребковъ, а нашимъ дивизіономъ—полковникъ Денисовъ. Въ Тарасовкѣ при Сводномъ полку находился нашъ полковой командиръ полковникъ Мартыновъ, а при 2-мъ дивизіонѣ — полковникъ Грековъ.

6 мая 1877 года караулъ Л.-Гв. Казачьяго полка, шедшій изъ дворца въ казармы, былъ остановленъ на Невскомъ проспектѣ Государемъ. Государь изволилъ сказать лейбъ-казакамъ— *„поздравляю васъ съ походомъ! надѣюсь, что вы будете сражаться такъ же храбро, какъ сражались ваши отцы и дѣды! Война нелегка, но что дѣлать? Твердо уповаю на Бога!“*

Громовое ура! было отвѣтомъ на милостивыя слова Государя ([144]).

Вечеромъ въ казармахъ была получена экстренная телеграмма:

„Лейбъ-Гвардіи Сводно-Казачій полкъ, кромѣ Уральскаго эскадрона“, значилось—въ ней,—„будетъ отправленъ въ дѣйствующую армію въ полномъ своемъ настоящемъ составѣ. О времени отправленія сообщу впослѣдствіи. Генералъ-адъютантъ графъ Воронцовъ-Дашковъ“.

Въ тотъ же день было добавлено депешей, что Государь приказалъ Сводно-Казачьему полку немедленно изготовиться къ походу и по желѣзнымъ дорогамъ слѣдовать въ Плоэшти.

Офицеры нашего и Лейбъ-Казачьяго дивизіона сейчасъ же

поѣхали на Семеновскій плацъ, гдѣ Государь смотрѣлъ войска, отправлявшіяся въ походъ, чтобы принести благодарность Царю, за великую милость назначенія въ числѣ первыхъ на войну.

Государь замѣтилъ казачьихъ офицеровъ, подъѣхалъ къ нимъ и сказалъ, что онъ надѣется, что казаки поддержатъ вѣковую славу тихаго Дона.—„Твердо вѣрю“, закончилъ слова свои Государь, „что вы покажете себя достойными вашихъ славныхъ храбрыхъ предковъ!“...

Въ 6 часовъ утра, 7-го мая началась мобилизація 1-го дивизіона. 1 унтеръ-офицеръ и четыре казака были выдѣлены изъ него въ конвой къ Государю.

10-го мая Государь смотрѣлъ на Разводной площадкѣ Лейбъ-Гвардіи Сводно-Казачій полкъ. Полкъ былъ пропущенъ справа повзводно. Государь пожелалъ ему счастливаго возвращенія. Вечеромъ въ тотъ же день 2-й эскадронъ, бывшій подъ командой подполковника Сазонова, погрузился на Варшавскую желѣзную дорогу. На другой день погрузился и 1-й эскадронъ подъ командой подполковника Фролова.

18-го мая 2-й эскадронъ былъ на станціи Миранешти и, не дожидаясь перваго, пошелъ походомъ въ Плоэшти. Дорога была пыльная, жары стояли большія, переходы дѣлались каждый день болѣе 30-ти верстъ. Отъ пыли и жаровъ люди сильно хворали глазами; многихъ трепала лихорадка. 24-го мая 2-й эскадронъ пришелъ въ Плоэшти, а 25-го подтянулся къ нему и первый. Въ этотъ день въ Плоэшти пріѣхалъ и Государь.

28 мая Государь съ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ Старшимъ, Наслѣдникомъ и Княземъ Карломъ Румынскимъ посѣтили бивакъ Сводно-Казачьяго полка. Государь объявилъ, что Сводно-Казачій полкъ назначается въ конвой къ Великому Князю Николаю Николаевичу. Затѣмъ приказалъ трубачу играть тревогу. Полкъ живо собрался и прошелъ мимо Государя церемоніальнымъ маршемъ.

14 іюня дивизіонъ началъ походное движеніе, направляясь

къ гор. Зимницѣ, гдѣ устроена была переправа черезъ Дунай. Здѣсь узнали, что казакъ нашего полка Горинъ, бывшій во время переправы войскъ съ боемъ при Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ, награжденъ знакомъ отличія Военнаго Ордена 4 степ.

25 іюня дивизіонъ переправился черезъ Дунай и расположился въ орѣховой рощѣ близъ мѣстечка Царевичъ. Бивакъ былъ прекрасный. Густая высокая трава покрывала холмы, тамъ и тамъ росли большія деревья. Сосѣди по биваку—Донской-Казачій № 23 полкъ Бакланова прислалъ нашему дивизіону на ужинъ барановъ изъ своей первой боевой добычи.

Послѣ пятидесяти лѣтъ опять берега Дуная увидали синія атаманскія шапки. Весело горѣли костры въ лѣсу. Казаки жарили барановъ, оживленные разговоры шли между атаманцами. Дивизіонъ былъ на мѣстахъ, на которыхъ лишь нѣсколько дней тому назадъ дрались русскіе, отбивая переправу у турокъ.

Послѣ переправы нашему дивизіону приказано было состоять въ конвоѣ при Государѣ Наслѣдникѣ, командирѣ Рущукскаго отряда. 26-го іюня дивизіонъ перешелъ въ м. Павло, гдѣ и сталъ въ ожиданіи пріѣзда Наслѣдника. 4-го іюля въ Павло прибылъ Наслѣдникъ Цесаревичъ и военныя дѣйствія Рущукскаго отряда начались.

Рущукскій отрядъ находился на лѣвомъ флангѣ нашей арміи. Ему было приказано держать турецкія войска, находившіяся въ крѣпости Рущукѣ, и не позволять имъ тревожить нашу главную армію. Кавалеріи Рущукскаго отряда предстояло нести тяжелую аванпостную службу, день и ночь наблюдая за движеніями непріятеля. Кавалерія турокъ состояла изъ черкесовъ и баши-бузуковъ,—пѣхота изъ регулярныхъ войскъ—низама.

7-го іюля отрядный штабъ подъ прикрытіемъ нашего дивизіона выступилъ въ м. Обертеникъ. Здѣсь, 23-го іюля, полковникъ Денисовъ получилъ назначеніе командовать 10 Донскимъ полкомъ. Дивизіонъ принялъ старшій послѣ него подполковникъ Фроловъ,

а въ командованіе первымъ эскадрономъ вступилъ штабсъ-ротмистръ Аленичъ.

29 іюля кончилась служба дивизіона въ конвоѣ и началась боевая служба въ передовой цѣпи. Въ этотъ день атаманцамъ было приказано смѣнить Лубенскихъ гусаръ, стоявшихъ по рѣкѣ Акъ-Ломъ, въ 10 верстахъ отъ Разграда. 1-й эскадронъ пошелъ въ дер. Садино въ отрядъ генерала Леонова. Здѣсь у дер. Садино атаманцы впервые столкнулись съ турками.

Выступивъ изъ дер. Широко, 31 іюля, эскадронъ пошелъ на рѣку Кара-Ломъ. День былъ жаркій. Дорога вилась по долинѣ рѣки, поросшей громадными орѣшниками и высокой травой. Казаки, въ ожиданіи боя, шли весело. Все было пусто кругомъ. Деревни брошены жителями и разорены. Нигдѣ ни одной живой души. Наконецъ, когда уже солнце склонялось на западъ, около пяти часовъ вечера, эскадронъ встрѣтилъ въ дер. Опакѣ нѣсколько болгарскихъ семействъ, бѣжавшихъ на двух-колесныхъ телѣгахъ, „каруцахъ“, изъ дер. Садино и другихъ деревень. Здѣсь достали проводника, переѣхали по его указанію рѣку Кара-Ломъ, перевалили черезъ горы и стали спускаться въ долину рѣки Акъ-Ломъ.

Эта рѣка течетъ между высокими холмами. По обѣимъ сторонамъ ея раскинулась деревня Садино, домовъ въ 400. Кругомъ бѣлыхъ мазанокъ, крытыхъ соломой, тянулись поля пшена и кукурузы. Наша сторона рѣки была оживлена. Тамъ и тамъ по дорогамъ и тропинкамъ тянулись въ горы каруцы съ болгарскими семьями.— По ту сторону было полное безлюдье. Отъ поры до времени тамъ появлялся дымокъ и слабымъ эхомъ доносился трескъ ружейнаго залпа.

Турки наступали на аванпосты лубенцевъ.

Нашъ эскадронъ пошелъ на выручку. Сверху, съ лѣваго берега рѣки было отлично видно, что у турокъ стоитъ за горою человѣкъ 900 пѣхоты низама и около 400 черкесовъ. Но Лубенцы, стоявшіе внизу, не видали пѣхоты и собирались въ главный караулъ (на главную заставу) въ дер. Садино, для атаки.

Вотъ собрались, построились и пошли на конныхъ черкесовъ. Черкесы разсѣялись и лубенцы налетѣли на пѣхоту. Пѣхота открыла огонь и лубенцы, потерявъ нѣсколько офицеровъ и гусаръ, должны были отступать. За ними бросились черкесы.

Но атаманцы, шедшіе съ самаго начала боя полною рысью, по командѣ штабсъ-ротмистра Аленича перешли въ карьеръ и, позабывъ 45-ти-верстный переходъ, жару и жажду, промчались черезъ дер. Садино и кинулись на черкесовъ. Черкесы перескочили черезъ плетень и спрятались за пѣхотой. Пѣхота открыла огонь. Аленичъ не растерялся. Число турокъ было больше тысячи, нашихъ вмѣстѣ съ лубенцами не было и трехсотъ. Быстро раздалась команда „слѣзай", казаки бѣгомъ заняли опушку лѣса и впервые атаманскія берданки застрѣляли по туркамъ. Почти часъ шла перестрѣлка.

Стемнѣло. Турки отступили. У нихъ былъ убитъ маіоръ, командовавшій черкесами, и много солдатъ. Подъ турецкимъ огнемъ атаманцы, безъ оружія, выбѣгали навстрѣчу туркамъ и уносили валявшихся на полѣ раненыхъ лубенцевъ. Такъ пронесли исколотаго и изрубленнаго корнета Барановскаго и нѣсколькихъ гусаръ.

Нашъ докторъ Чемезовъ и фельдшеръ Бодендорфъ у стѣны дома, подъ огнемъ турокъ, спокойно и хладнокровно размывали и перевязывали ихъ раны. Ночью 1-й эскадронъ занялъ передовые посты у дер. Садино и смѣнилъ гусаръ.

За это дѣло 31 іюля штабсъ-ротмистръ Аленичъ получилъ орденъ св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ, о подвигахъ же прочихъ чиновъ было донесено Государю Наслѣднику. Боевая служба начиналась—много предстояло впереди еще атакъ, перестрѣлокъ и столкновеній съ турецкой конницей и пѣхотой.

Первый эскадронъ растянулъ посты впереди р. Акъ-Ломъ и наблюдалъ за цѣпью, охранявшею Разградъ. Днемъ и ночью между постами и впереди ихъ ходили разъѣзды. Служба была тяжелая, безсмѣнная цѣлыми мѣсяцами, полная тревогъ и при-

ключеній, настоящая казачья служба. Не первый разъ выпадала она на долю Атаманскихъ казаковъ. 3-го августа и 2-й эскадронъ пришелъ въ деревню Садино на смѣну стоявшихъ тамъ Лубенскихъ гусаръ.

На 9-е августа было приказано произвести рекогносцировку д. Хюстенджи.

На разсвѣтѣ взводъ второго эскадрона, подъ командой корнета Кутейникова, подошелъ къ самой деревнѣ. Изъ деревни вышли черкесы и взводъ, отстрѣливаясь, сталъ отходить къ аванпостамъ. Человѣкъ двѣсти черкесовъ выскочило преслѣдовать 38 атаманцевъ корнета Кутейникова. Петръ Васильевичъ Кутейниковъ разсыпалъ цѣпь и тронулся шагомъ назадъ. За цѣпью черкесовъ, въ деревнѣ видны были еще конныя и пѣшія толпы турокъ.

Турки, видя, что атаманцы отходятъ шагомъ, не думали, что ихъ только одинъ взводъ, и наступали медленно, не рѣшаясь атаковать. Казаки отстрѣливались почти въ упоръ. А двое—Пимкинъ и Максимовъ, имѣя горячихъ лошадей, слѣзли съ нихъ и стрѣляли пѣшкомъ, отходя пѣшкомъ же отъ насѣдавшихъ на нихъ конныхъ черкесовъ.

Однако вскорѣ турки замѣтили, что атаманцевъ мало, и со страшнымъ крикомъ кинулись за казаками. Казаки поскакали отъ нихъ, одинъ Пимкинъ остался, какъ былъ пѣшкомъ.

— Эхъ, ваше благородіе, кричалъ онъ, теперь бы вдарить въ пики!—и продолжалъ стрѣлять. Когда черкесы уже совсѣмъ наскочили на него, онъ пустилъ свою лошадь въ карьеръ, на карьерѣ прыгнулъ въ сѣдло и прискакалъ къ своимъ.

Пока корнетъ Кутейниковъ со взводомъ отстрѣливался отъ наступавшихъ на него баши-бузуковъ, на постахъ 1-го эскадрона была произведена тревога.

Взводы поручиковъ Попова (Владиміра) и Воинова спѣшили на помощь Кутейникову. Черкесы пріостановились, но, увидавъ, что они все-таки почти вдвое многочисленнѣе атаманцевъ, продол-

жали наступленіе. Перестрѣлка длилась $1^1/_2$ часа. Медленно, но упорно надвигались черкесы. Патроны были разстрѣляны и молчаніе казачьихъ ружей становилось зловѣщимъ. Впереди былъ крутой спускъ. Нужно было что-нибудь предпринять. Черкесы, не слыша больше выстрѣловъ, становились смѣлѣе.

Положеніе было непріятное.

Но вдругъ съ тылу, съ крутого спуска, раздалось мощное ура!.. То былъ поручикъ Вершининъ (Алексѣй Львовичъ—нынѣ полковникъ Л.-Гв. Атаманскаго полка), скакавшій на выручку съ 3-мъ взводомъ перваго эскадрона. Лошади съ трудомъ карабкались по каменистой кручѣ, но громовое ура! не переставая слышалось изъ-за обрывовъ. Цѣпь ободрилась. Казаки повернулись лицомъ къ черкесамъ и съ гикомъ и крикомъ „ура" рванулись впередъ.

Черкесы отступили.

У насъ были ранены казаки Мокровъ, Зубриловъ и Татаровъ. Убито три лошади, изъ нихъ одна подъ докторомъ Чемезовымъ, всюду бывшимъ впереди при раненыхъ. За это дѣло поручики Поповъ, Воиновъ и Вершининъ награждены орденами Св. Анны 4 степ., съ надписью „за храбрость", а 2-го эскадрона вахмистръ Краснянсковъ, унтеръ-офицеръ Суховъ и казаки Максимовъ, Хромовъ, Пимкинъ и Калининъ получили знаки отличія Военнаго Ордена 4-й степени: казаку же Мокрову, отправленному на излеченіе въ Петербургъ и помѣщенному въ пріемный покой Александро-Невской Лавры, Государь Императоръ при посѣщеніи Лавры собственноручно прицѣпилъ знакъ отличія Военнаго Ордена 4-й ст.

Прямо изъ огня дивизіонъ въ этотъ день пошелъ на новую рекогносцировку у дер. Карагасанкой. Съ рекогносцировки вернулись безъ боя и опять пошла полная тревогъ аванпостная служба. Почти каждый день то на одномъ, то на другомъ посту стучали выстрѣлы: это атаманцы или сосѣди ихъ лубенцы прогоняли надоѣдливыхъ черкесовъ.

14-го августа лубенцы завязали перестрѣлку съ черкесами.

Выстрѣлы становились чаще и чаще:—дѣло разгоралось. Для узнанія силъ непріятеля былъ посланъ отъ перваго эскадрона унтеръ-офицеръ Филимоновъ съ восемью казаками. Проѣхавъ впередъ цѣпи, онъ спѣшилъ четырехъ казаковъ, слѣзъ съ коня, пролѣзъ между деревьями лѣса къ черкесамъ и билъ ихъ на выборъ. Когда лошадь его была убита, онъ пѣшкомъ, отстрѣливаясь, отошелъ къ гусарской цѣпи. За храбрость и распорядительность унтеръ-офицеръ Филимоновъ былъ награжденъ знакомъ отличія Военнаго Ордена.

Но бывали въ цѣпи и смѣшные случаи: такъ 15 августа Пимкинъ съ тремя казаками стоялъ на посту у дер. Амуркіой. Разставивъ постъ, онъ поѣхалъ по балкѣ осмотрѣть, нѣтъ ли гдѣ спрятавшихся баши-бузуковъ. Какъ разъ въ это время два казака 1-го эскадрона, бывшіе на лѣвомъ пикетѣ у деревни Садино поѣхали за арбузами и добрались до Амуркіоя. Видитъ Пимкинъ, что по бакшѣ ходятъ какіе-то люди, и, не мало не сомнѣваясь, что это баши-бузуки, далъ шпоры коню, взялъ пику на перевѣсъ и поскакалъ на нихъ. Тѣ побросали саквы, вскочили на лошадей и маршъ-маршемъ пошли къ аванпостамъ, безъ оглядки, безъ выстрѣла. Пимкинъ—поощряя ихъ крикомъ и руганью, рѣшилъ взять ихъ живьемъ, тѣмъ болѣе, что они шли прямо на наши посты.

Часовой, видя, что трое, сломя голову скачутъ на нашъ постъ, поднялъ тревогу.

Тутъ только Пимкинъ сообразилъ, въ чемъ дѣло, и остановилъ своего горячаго коня.

Корнетъ Кутейниковъ спрашивалъ потомъ казаковъ, какъ же они не узнали своего товарища?

— „Оно почти можно узнать“, отвѣчали они,—„потому онъ дюже крѣпко по-русски ругался, да уже очень шибко онъ наскочилъ!“

18 августа всему нашему дивизіону пришлось принять участіе въ рекогносцировкѣ отряда на Карагасанкіойскихъ высотахъ.

На разсвѣтѣ пріѣхалъ въ штабъ дивизіона казакъ съ поста и донесъ, что турки наступаютъ на нашу линію. Дѣйствительно, почти по всей линіи постовъ слышались выстрѣлы. Заставы были пододвинуты и весь дивизіонъ посаженъ на коней. Цѣпь медленно отступала, тѣснимая тучами черкесовъ. На помощь казакамъ поскакалъ взводъ поручика Грекова, а заставы сошли съ бивака и стали за горой.

Поручикъ Грековъ быстро прошелъ къ деревнѣ Садино. Съ другой стороны ея по крутымъ и каменистымъ спускамъ входили въ нее казаки, бывшіе на постахъ, черкесы слѣдовали за ними по пятамъ. Изъ деревни слышались вопли, крики и скрипъ колесъ каруцъ. Изъ нея тянулись болгары съ женами, дѣтьми и бѣднымъ деревенскимъ скарбомъ. Тутъ же гнали скотъ. Иные шли шагомъ, иные, разогнавъ воловъ, скакали неуклюжимъ галопомъ и сами бѣжали рядомъ. Наши посты вошли въ деревню, за ними ворвались въ нее черкесы и сейчасъ же зажгли дома.

Между тѣмъ взводъ Донской артиллеріи сотника Жирова и пѣхота заняли высоту надъ деревней. Наступалъ пасмурный осенній день.

Первые выстрѣлы раздались изъ орудій нашей батареи и гранаты съ трескомъ стали лопаться въ толпѣ, спускавшейся къ деревнѣ. Турки засуетились и по кручѣ полѣзли обратно на верхъ.

— „Вотъ бы теперь ихъ въ пики“, говорили казаки, — „ни одинъ бы не ушелъ!“

Еще и еще раздались выстрѣлы Донского взвода и нашъ дивизіонъ рысью пошелъ къ деревнѣ.

— „Вотъ теперь, ваше благородіе, хорошо“,—говорилъ толковый казакъ Максимовъ, представленный къ георгіевскому кресту за дѣло 9-го августа, своему офицеру корнету Кутейникову,— не то, что девятаго. Теперь какъ чего, такъ мы его на антилерію!“

1-й эскадронъ вскочилъ въ деревню. Страшное зрѣлище

представилось казакамъ. Стекла домовъ выбиты, крыши развалены, сады потоптаны. Вотъ, посреди дороги, въ лужѣ крови лежитъ молодой болгаринъ. Это знакомый атаманцевъ садинскій мельникъ. Его голова почти отдѣлилась отъ туловища, а туловище изрублено. Все тѣло еще трепещетъ въ предсмертныхъ судорогахъ.

— „Ахъ ты, проклятые нехристи“!—раздалось въ рядахъ. Дальше и дальше шелъ 1-й эскадронъ.

Турецкіе стрѣлки заняли гору надъ деревней и открыли огонь.

Одинъ полуэскадронъ разсыпался, другой занялъ, спѣшившись, ограду у виноградныхъ садовъ. Началась перестрѣлка.

Турки наступали рѣшительно. Огонь ихъ становился все сильнѣе и сильнѣе, но глиняный валъ отлично защищалъ стрѣлковъ атаманцевъ; только одинъ казакъ Матвѣевъ былъ раненъ пулей въ ногу.

Подъ напоромъ турецкихъ силъ конный полуэскадронъ сталъ отступать. Спѣшенные побѣжали по конямъ. Не легко садиться подъ страшнымъ огнемъ! Казаку Пономареву пробило пулей обѣ ноги, чья-то лошадь карьеромъ пронеслась черезъ деревню безъ сѣдока.

— „Дайте, братцы, коня раненому!“—крикнулъ корнетъ Кутейниковъ, поддерживая безсильно опустившагося на землю Пономарева.

Казакъ Долговъ подъѣхалъ, слѣзъ съ лошади и усадилъ на нее Пономарева, а самъ, отстрѣливаясь, пошелъ пѣшкомъ сзади него. Подъ казакомъ Родинымъ была ранена лошадь и онъ тоже пѣшкомъ пошелъ за полуэскадрономъ. Въ это время двѣ пули, въ спину и хребетъ, поразили казака Картушина. Его понесли на пикахъ. Но, не желая, чтобы изъ-за него подвергались излишней опасности, онъ, обливаясь кровью, вскочилъ на лошадь и доскакалъ на ней до перевязочнаго пункта.

Черкесы, видя, что атаманцевъ немного, всего человѣкъ 30,

и что съ ними много раненыхъ, стали налетать на казаковъ. Но казаки, переведя раненыхъ за мостъ, въ деревнѣ встрѣтили черкесовъ огнемъ. Подъ казакомъ Моргуновымъ на повалъ убили лошадь. Къ нему подскочилъ георгіевскій кавалеръ, казакъ Горинъ и подхватилъ его на коня, но Моргуновъ сѣлъ такъ неудачно на шею лошади, что лошадь не могла идти. На нихъ налетѣли уже черкесы. Въ это время казакъ Еремичевъ замѣтилъ отчаянное положеніе Моргунова и Горина и кинулся съ четырьмя казаками на выручку...

Полуэскадронъ подходилъ къ узкому мостику;—внизу, въ обрывѣ, шумѣла рѣка. Всѣхъ казаковъ неминуемо бы уничтожили черкесы, но пѣхота и другой полуэскадронъ сдерживали непріятеля огнемъ.

За мостомъ докторъ Чемезовъ перевязывалъ раненыхъ. Гранаты то и дѣло лопались то вправо, то влѣво, то спереди, то сзади перевязочнаго пункта. Но Чемезовъ не обращалъ на нихъ вниманія. Одна граната чуть не убила повара 1-го эскадрона казака Кобылина. Потому не убила—что не разорвалась. Испуганная паденіемъ гранаты лошадь Кобылина бросилась въ сторону. Кобылинъ вмѣстѣ съ сѣдломъ очутился у ней подъ брюхомъ.

— „Нѣтъ, Кобылинъ", шутили казаки, — „съ баранами-то лучше воевать!"

Пѣхота покидала Садино и отступала къ Карагасанкіою. Казаки слѣдовали за нею. Перевязочный пунктъ былъ спѣшно покинутъ. Уже раздѣтый для ампутаціи казакъ Пономаревъ въ окровавленномъ бѣльѣ былъ посаженъ на лошадь и ѣхалъ сзади всѣхъ рядомъ съ докторомъ Чемезовымъ до самой д. Абланова...

А подъ прикрытіемъ этого боя начальникъ Рущукскаго отряда Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ со штабомъ, сопровождаемый взводомъ атаманцевъ и унтеръ-офицеромъ Кудиновымъ съ отряднымъ значкомъ, осматривалъ подъ огнемъ турецкихъ батарей позицію турокъ.

Въ Карагасанкіойскомъ дѣлѣ мы потеряли ранеными: пору-

Усиленная рекогносцировка на р. Кара—Ломъ 12 окт. 1877 года ([193]).

чика Лазарева, въ мягкія части лѣваго предплечья, пулею на вылетъ,—рядовыхъ Картушина, Пономарева, Матвѣева и Похлебина. Убито 2 лошади и ранено 4. Изъ числа раненыхъ казакъ Картушинъ вскорѣ умеръ.

За это дѣло командующій 1-мъ дивизіономъ полковникъ Сазоновъ (Вонифатій) получилъ орденъ св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ, штабсъ-ротмистры Усачевъ и Семенченковъ ордена св. Станислава 3 степ. съ мечами и бантомъ, штабсъ - ротмистръ Черкесовъ (Викторъ), поручики Лазаревъ, Грековъ (Петръ — нынѣ командиръ 11-го Донского казачьяго полка) и Веденинъ ордена св. Анны 4-й степени съ надписью „за храбрость",—вахмистръ 1-го эскадрона Стецковъ, унтеръ-офицеръ Горпениковъ, казаки Молдавановъ, Татаровъ и Исаевъ—знаки отличія Военнаго Ордена 4-й степени.

Бывшій значконосецъ Рущукскаго отряда—унтеръ-офицеръ Кудиновъ, теперь камеръ казакъ Императрицы Маріи Өеодоровны ([194]).

Послѣ этого дѣла пошла опять передовая служба. Въ разъѣздѣ жутко приходилось иной разъ казакамъ. 24 августа убитъ былъ казакъ 1-го эскадрона Пушкаревъ и почти ни одинъ день не проходилъ безъ перестрѣлки.

Полковой праздникъ въ 1877 году дивизіонъ провелъ на аванпостахъ у Дольняго Монастыря.

3-го сентября полкъ былъ смѣненъ съ аванпостовъ, гдѣ простоялъ подрядъ 34 сутокъ, и отошелъ въ дер. Брестовецъ.

27-го сентября, во время мирной и тихой стоянки въ Брестовцѣ, къ нашему первому дивизіону прибылъ съ Дона 2-й дивизіонъ и полкъ началъ свою боевую службу въ четырехъэскадронномъ составѣ подъ командой флигель-адъютанта полковника Мартынова ([144]).

ГЛАВА XXVII.

Л.-Гв. Атаманскій полкъ въ полномъ составѣ въ Турціи.

Сборы льготныхъ дивизіоновъ.—Отправленіе въ Петербургъ.—Мобилизація въ Петербургѣ.—Присоединеніе 2-го дивизіона къ 1-му въ Брестовцѣ.—Ночная атака 4-го эскадрона.—Усиленная рекогносцировка 18—22 ноября у дер. Соленикъ.—Зимовка въ Брестовцѣ.—Отъѣздъ Наслѣдника Цесаревича въ Петербургъ.—На демаркаціонной линіи.—Пожалованіе правами старой гвардіи.—Путь домой.—Полковой праздникъ въ Измаилѣ.

2-й и 3-й дивизіоны нашего полка 3-го мая собрались въ слободу Тарасовку на майское ученье.

10 мая они прочли въ приказѣ, что 1-й и 2-й эскадроны отправлены въ дѣйствующую армію, и что второму дивизіону нужно идти въ Петербургъ.

....„Вѣроятно, и намъ придется идти на Бухарестъ",—было сказано въ приказѣ,—„я надѣюсь, что каждый пойметъ важность этого положенія. Да! станичники, великая честь выпадаетъ на долю нашу! да и велико довѣріе Государя Императора къ казакамъ; покажемся же достойными этого высокаго довѣрія и достойными нашихъ знаменитыхъ предковъ, стяжавшихъ великую и громкую славу нашему Тихому Дону. А для этого казаку необходимо кромѣ природныхъ его качествъ, смѣтливости, зоркости, расторопности, имѣть и добраго коня, на прочныхъ ногахъ и съ крѣпкою спиною!.." ([145]).

Стало ясно, что и второй дивизіонъ идетъ на войну.

4-го іюня льготные дивизіоны тремя эшелонами были привезены въ Петербургъ. Размѣстившись въ казармахъ, казаки стали

нести разъѣздную службу по городу и исподволь готовиться къ походу. Въ лагерь подъ Красное Село не пошли. Это были томительно скучные дни нетерпѣливаго ожиданія, лихорадочныхъ сборовъ. Телеграммы приносили радостныя вѣсти. Наши войска послѣ упорнаго боя перешли черезъ Дунай и вступили въ турецкую землю, моряки на Дунаѣ взорвали два большихъ корабля броненосца, 1-й эскадронъ отличился при деревнѣ Садино, второй на томъ же мѣстѣ велъ долгую перестрѣлку.

И въ такіе дни отбывать разъѣзды! ходить на Семеновскій плацъ на ученье! Заниматься выправкой, прикладкой, маршировкой! Всѣ рвались въ бой, стремились на войну.

Наконецъ, 17 августа началась посадка 2-го дивизіона въ вагоны. Дивизіономъ командовалъ полковникъ Грековъ (Порфирій), эскадронами: 3-мъ—ротмистръ Марковъ и 4-мъ—ротмистръ Каюнчинъ. Нѣсколько офицеровъ Кавалергардскаго и Кирасирскаго полковъ, не ходившихъ на войну, пожелали поѣхать съ атаманцами и временно были прикомандированы ко второму дивизіону ([161]).

29 августа, не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до г. Яссы, станція котораго была занята санитарными поѣздами, на ст. Корнешты дивизіонъ высадился и походомъ пошелъ къ Румынской границѣ. Полковой праздникъ встрѣтили на бивакѣ въ окрестностяхъ города Яссъ.

12 сентября 2-й дивизіонъ по понтоннымъ мостамъ перешелъ у Зимницы черезъ Дунай. 24-го ходили въ Горный Студень, гдѣ представились на смотру Государю Императору. Государь остался весьма доволенъ молодецкимъ видомъ казаковъ и сказалъ: *„Надѣюсь, что атаманцы покажутся достойными своихъ предковъ“*.

Черезъ три дня послѣ смотра Государя 27-го сентября дивизіонъ на походѣ былъ осмотрѣнъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и въ этотъ же день онъ соединился со своими товарищами въ Брестовцѣ.

2-го октября 1877 года Государь Наслѣдникъ отъ Имени Государя Императора и отъ своего Имени поздравлялъ нашъ полкъ съ 50-ти-лѣтнимъ юбилеемъ назначенія Наслѣдника Цесаревича, Государя Александра II Николаевича—шефомъ Атаманскаго полка. Въ этотъ день были присланы пожалованные за дѣла 9-го и 18-го августа георгіевскіе кресты. Одинъ изъ крестовъ былъ пожалованъ фельдшеру Бодендорфу, который не разъ подъ непріятельскимъ огнемъ помогалъ раненымъ.

3-го октября начальникъ Рущукскаго отряда, Наслѣдникъ Цесаревичъ, отправился на рекогносцировку къ сторонѣ Дуная. Атаманцы сопровождали своего Шефа. Дойдя до Трестеника, расположились на ночлегѣ. Наслѣдникъ занялъ одинъ домъ въ деревнѣ, полкъ стоялъ бивакомъ. Выслали аванпосты. Въ три часа дня изъ передовой цѣпи прискакалъ гусаръ и донесъ, что турки наступаютъ по всей линіи, оттѣснили наши посты и перешли черезъ р. Ломъ.

Начальникъ отряда приказалъ генералу Косичу взять пѣхоту и артиллерію и оттѣснить турокъ. 2-й дивизіонъ пошелъ при этомъ отрядѣ.

Прошли около 8-ми верстъ и стали въ лощинѣ за цѣпью Лубенскихъ гусаръ.

Осенній день склонялся къ вечеру. Дали темнѣли. Внизы черной лентой, чуть отсвѣчивая, текла рѣка, кругомъ были гору. Скоро вечерній мракъ окуталъ кусты и балки, стало совсѣмъ темно.

Въ $7^1/_2$ часовъ вечера показалась луна и ясно стали видны посты нашихъ гусаръ, а за ними на холмѣ, за балкой, темными точками ползали турецкіе черкесы. Генералъ Косичъ приказалъ атаманцамъ сбить ихъ цѣпь. Пошелъ четвертый эскадронъ; тихо и молча развернулись, взяли пики „на бедро“, спустились внизъ и скрылись за тѣнью пристѣна. Потомъ быстро раскинули лаву и въ карьеръ понеслись въ гору. Черкесы стали стрѣлять—имъ отвѣчали мощнымъ гикомъ. Стрѣльба становилась чаще—но ата-

манцы не стрѣляли, а только все громче и громче гичали. И страшенъ былъ этотъ воинственный казачій гикъ среди ночной мглы, при звукѣ ружейной трескотни. Черкесы отступили. Трубачъ сыгралъ сборъ и эскадронъ вернулся. Повѣрили людей: всѣ были на-лицо. Безцѣльная стрѣльба не приноситъ никакой пользы. И атаманцы могли въ этомъ убѣдиться. Черкесы выпустили нѣсколько сотъ патроновъ по скачущимъ атаманцамъ и никого не ранили и не убили. 4-й эскадронъ хорошо сдѣлалъ, что не стрѣлялъ—развѣ можно стрѣлять, когда не видно ни прицѣла, ни мушки?!

5-го октября Наслѣдникъ вернулся изъ объѣзда позицій и полкъ снова сталъ въ Брестовцѣ.

Это было скучное осеннее время. Изъ главной арміи шли извѣстія о большихъ бояхъ. Османъ паша съ цѣлой арміей заперся въ городѣ Плевна и русскія войска тщетно осаждали его. Геройскій штурмъ Плевны 30-го августа стоилъ намъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ убитыхъ и раненыхъ, а Плевна все не была взята и держала нашу армію на одномъ мѣстѣ. Войска уже подошли къ Балканамъ и стояли въ ожиданіи взятія Плевны.

Но даже далекій гулъ орудій не доходилъ до Рущукскаго отряда. Только трескотня ружейной перестрѣлки нарушала иногда мирный сонъ атаманцевъ. Иногда съ позиціи турокъ гремѣла недолгая канонада. То турки стрѣляли по нашимъ войскамъ, выходившимъ на рекогносцировку. Во время одной изъ такихъ рекогносцировокъ, у дер. Кошево былъ убитъ князь Сергій Максимильяновичъ Романовскій.

Долгая стоянка въ сырой долинѣ Кара-Лома, дожди и непогода разрушительно дѣйствовали на людей отряда. Солдаты и казаки хворали тифомъ. Свалила лихорадка и всѣми любимаго, храбраго нашего молодого офицера поручика Кутейникова. Онъ былъ отправленъ въ госпиталь и вскорѣ умеръ.

10-го ноября Атаманскій полкъ занялъ на аванпостахъ мѣста Лубенскихъ гусаръ, а лубенцы отошли въ конвой къ Цесаревичу.

Послѣ недѣльнаго ожиданія боя въ полку получилось извѣстіе, что турки куда-то уходятъ. Посты ихъ, отчетливо видные, какъ днемъ, такъ и ночью—исчезли. Для узнанія, сколько силъ остается у турокъ, къ дер. Соленикъ были командированы 2-й и 3-й эскадроны Атаманскаго полка и эскадронъ ингушей.

Въ лаву, въ первую линію были вызваны — полуэскадронъ ингушей и два нашихъ полуэскадрона поручика Грекова и прикомандированнаго къ полку подпоручика Сафонова. Сзади шли сомкнутые эскадронъ нашъ и ингушей.

Вскорѣ показалась турецкая цѣпь. Наша лава съ гикомъ атаковала ее и отбросила до самой д. Соленикъ. Турки выставили два орудія артиллеріи и щедро осыпали казаковъ и ингушей пулями, но убить никого не убили. Развѣдавъ количество турокъ, скрывавшихся въ деревнѣ, наши возвратились по своимъ постамъ и заставамъ. Но дѣло этимъ не кончилось. Три дня въ цѣпи все было спокойно. Затѣмъ опять стали приходить донесенія со стороны Соленика о томъ, что тамъ видно какое-то движеніе. Не то турки собрались уходить, не то къ нимъ прибыли подкрѣпленія.

Полковнику Мартынову приказано было вызвать турокъ на бой, заставить развернуть ихъ силы, сосчитать ихъ и отойти— это называется усиленной рекогносцировкой.

Въ составъ его отряда вошелъ нашъ полкъ, 45 человѣкъ ингушей и три роты Софійскаго пѣхотнаго полка.

Полковникъ Мартыновъ оставилъ на правомъ флангѣ 1-й эскадронъ для наблюденія за Церовецкимъ ущельемъ, лѣвый флангъ смотрѣли наши сосѣди по аванпостамъ, двѣ сотни 36-го Казачьяго полка, и двинулся къ Соленику.

Впередъ пошли казаки, ихъ подкрѣпляла пѣхота. Всею первой линіей командовалъ полковникъ Панкратовъ.

Быстро разсыпались въ цѣпь эскадроны, на рысяхъ перебѣжали оврагъ и начали съ разныхъ сторонъ подходить къ деревнѣ Соленику. Турецкіе наѣздники пытались огнемъ сбить нашу

цѣпь, но атаманцы настойчиво подавались впередъ, и наѣздники ушли за дома. Съ нѣсколькихъ сторонъ атаманцы стали въѣзжать въ деревню и занимать улицы и дома, несмотря на сильный огонь турецкой пѣхоты и залпы картечью изъ трехъ орудій.

Деревня была занята турками. На противоположномъ берегу были выкопаны ложементы. Охотникамъ Атаманскаго полка приходилось плохо. Имъ было приказано отойти отъ деревни.

Наша цѣпь, бывшая впереди, спѣшилась и поднялась на холмы въ сторонѣ отъ Соленика. Подъ прикрытіемъ ея выѣхалъ дивизіонъ 21-й батареи подполковника Дукмасова и началъ обстрѣливать турецкую батарею. Двѣ роты софійцевъ открыли огонь по окопамъ.

Турки больше не показывались. Очевидно, ихъ и не было больше. Рекогносцировка была окончена, полковникъ Мартыновъ приказалъ отступить. У насъ, во второмъ эскадронѣ было убито двѣ лошади. Атаманцы отличились въ этомъ дѣлѣ своимъ хладнокровіемъ и мужествомъ. Подъ сильнымъ огнемъ, полнымъ ходомъ, прошли они оврагъ, на плечахъ у турокъ ворвались въ деревню, произвели суматоху, отошли назадъ и, когда нельзя было дѣйствовать на коняхъ, мѣткой и цѣльной стрѣльбой пособили пѣхотѣ.

За эту лихую и умѣлую рекогносцировку 18 и 22 ноября полковникъ Мартыновъ получилъ золотое оружіе съ надписью „за храбрость“, полковникъ Марковъ орденъ св. Станислава 2 степени съ мечами, ротмистры Каюнчинъ и баронъ фонъ-Нольде— первый орденъ св. Анны 3-й степени съ мечами и второй св. Станислава 2-й степени съ мечами, штабсъ-ротмистры Чеботаревъ (Степанъ), Черячукинъ (Ѳедоръ), Ушаковъ (Григорій) и Грековъ (Святославъ), поручики Болдыревъ (Степанъ), Кутейниковъ (Петръ), Кутейниковъ (Алексѣй), Денисовъ (Петръ), Сафоновъ (Василій) и корнетъ Плацбекъ-Кокумъ (Петръ)—ордена св. Анны 4-й степени „за храбрость“. Вахмистры Глуховъ и Гросоловъ, унтеръ-офицеры Щепкинъ, Назаровъ, Титовъ, Аденисковъ, Бирюковъ,

Павловъ, Савостьяновъ, Наумовъ, Титовъ 2, Аржерусовъ и казаки: Похлебинъ, Копыловъ, Лютовъ, Касаркинъ, Немальцовъ и Рудовъ были награждены знаками отличія Военнаго Ордена 4-й степени.

Послѣ этого дѣла нашему полку больше не приходилось дѣйствовать противъ турокъ. Наступала зима. Глубокій снѣгъ завалилъ овраги и балки, передвиженія стали затруднительнѣе, начался недостатокъ въ теплой одеждѣ. Трудно было цѣлую ночь стоять на посту, кутаясь въ одной холодной шинели. И турки притихли. На постахъ рѣже раздавались выстрѣлы. Изъ главной арміи приходили хорошія вѣсти: Плевна была взята, на Рождествѣ колонна генерала Радецкаго перешла Балканы, турки пали духомъ и отступали къ своей столицѣ Константинополю.

7 декабря нашъ полкъ снялъ аванпосты и ушелъ въ Брестовецъ въ конвой къ Государю Наслѣднику. Шли по одному, по глубокому снѣгу:—дорогъ нигдѣ не было. Отголосокъ Плевненской побѣды коснулся и нашего полка. Атаманскій унтеръ-офицеръ Долговъ, бывшій ординарцемъ при Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ Старшемъ, за храбрость въ дѣлахъ подъ Плевной получилъ знакъ отличія Военнаго Ордена.

Русскія войска наступали вглубь Турціи и уже близки были къ Константинополю. Дѣйствія Рущукскаго отряда прекратились и начальникъ его, Наслѣдникъ Цесаревичъ, 1-го февраля уѣзжалъ въ Петербургъ. На крыльцѣ его простого Брестовецкаго дома собрались всѣ офицеры нашего полка, чтобы пожелать добраго пути своему Шефу. Въ 10 часовъ утра въ походной формѣ вышелъ Наслѣдникъ и, поклонившись офицерамъ, сказалъ:

— „Благодарю васъ, господа, за вашу молодецкую службу! Служба ваша была хотя и не видная, но весьма трудная!“ ([144]).

Наслѣдникъ сѣлъ въ коляску, офицеры на лошадей и 20-ть верстъ до Дуная сопровождали верхомъ экипажъ Шефа. Наслѣдникъ еще разъ простился съ войсками, сѣлъ въ ожидавшій его катеръ и пошелъ на немъ по Дунаю къ д. Петрошаны.

Рущукскій (Восточный) отрядъ принялъ генералъ-адъютантъ Тотлебенъ.

6 февраля атаманцы покинули Брестовецъ. Два мѣсяца было прожито въ болгарскихъ хатахъ. Офицеры довольствовались отъ маркитанта,—тогда офицерскихъ собраній нигдѣ еще не было, казаки изъ котла. Жизнь была тихая, покойная. Даже скучная немного. Наслѣдникъ Цесаревичъ съ удовольствіемъ отмѣтилъ, что онъ не встрѣчалъ ни разу пьяныхъ атаманцевъ. И надо же было случиться такому горю, что въ тотъ же день на глаза Его Высочеству попался пьяный казакъ Баранниковъ, охлюпью скакавшій по деревнѣ. Глупымъ своимъ поступкомъ онъ бросилъ пятно на весь полкъ. И какъ же сердились на него товарищи! И какъ былъ горемъ убитъ самъ Баранниковъ! Одна глупость, одно неумѣнье удержаться отъ искушенія и какія скверныя послѣдствія для всѣхъ ([145]).

8-го февраля нашъ полкъ вступилъ въ крѣпость Рущукъ:—турецкая армія сдалась. Полкъ сталъ въ хорошихъ и просторныхъ домахъ по берегу Дуная.

Наступала весна и все зацвѣтало. Горные ручьи шумѣли и несли пѣнящіяся воды въ Дунай. Болгары, крестясь и благословляя русскихъ, выходили на полевыя работы.

Атаманцы приводили въ порядокъ лошадей. На аванпостахъ чистка была плоховата и надо было ею заняться, да и тѣла нуждались въ поправкѣ. Въ концѣ февраля узнали атаманцы, что военныя дѣйствія прекратились. Русскія войска заняли г. Адріанополь и стояли у самаго Константинополя. Велись переговоры о мирѣ. Было установлено, что ни русскіе, ни турки не перейдутъ теперь той черты, на которой застали ихъ разговоры о мирѣ. Такая черта называется „демаркаціонной“ линіей. Но турецкіе баши-бузуки не слушались своихъ начальниковъ, „пашей“, и нападали на болгаръ, бывшихъ за линіей. Это заставило насъ выставить по демаркаціонной линіи аванпосты легкой кавалеріи. На аванпосты попалъ и нашъ полкъ. Но еще раньше выступле-

нія нашего полка на аванпосты, во время стоянки въ Рущукѣ атаманцы узнали о великой Царской милости.

На парадѣ, бывшемъ въ Петербургѣ *17 апрѣля*, Государь Императоръ остановилъ во время церемоніальнаго марша Атаманскій 3-й дивизіонъ и поздравилъ Л.-Гв. Атаманскій полкъ съ **правами Старой Гвардіи.**—„*Надѣюсь*“, сказалъ Государь,—„*что казаки покажутся достойными этой великой милости*“... Громовое ура! было отвѣтомъ. Это ура на другой день отозвалось и въ Рущукѣ, гдѣ передъ первымъ и вторымъ дивизіонами была прочтена слѣдующая депеша Наслѣдника Цесаревича:

„*Его Величество Государь Императоръ приказалъ мнѣ передать Л.-Гв. Атаманскому полку, что* **за ихъ службу въ минувшей кампаніи онъ даетъ полку права Старой Гвардіи;** *поздравляю полкъ отъ души съ новой Монаршею милостью и увѣренъ, что атаманцы всегда будутъ достойны ихъ*“.

„*Атаманъ Александръ*“.

Въ маѣ мѣсяцѣ полкъ нашъ покинулъ Рущукъ и перешелъ въ г. Разградъ. 23 мая эскадроны заняли аванпосты по линіи деревень Кубадинъ, Секерьеръ и Чукуръ-Кишла-Текесси. Казаки подѣлали себѣ на постахъ шалаши изъ вѣтвей, настелили соломы и сухой травы. Лошади паслись на лугахъ и въ степи. Кругомъ свирѣпствовали баши-бузуки. Несмотря на мирные переговоры, они врывались въ болгарскія деревни и рѣзали и грабили жителей. Нашъ полкъ началъ высылать разъѣзды: боевая служба не прекращалась.

Въ іюлѣ полкъ снялъ аванпосты и отошелъ въ дер. Градище. Отсюда 12 августа онъ тронулся обратно домой.

30-го августа въ городѣ Измаилѣ полкъ праздновалъ свой полковой праздникъ. Наканунѣ, при входѣ полка въ Измаилъ жители города устроили роскошную арку изъ цвѣтовъ и гирляндъ. По

сторонамъ этой арки стояли дамы съ букетами, городскія власти и представители различныхъ заведеній.

Когда полкъ показался, жители кричали ура, дамы бросали цвѣты въ ряды казаковъ, по всѣмъ церквамъ поднялся колокольный перезвонъ. У собора полкъ остановился и прослушалъ благодарственное молебствіе.

На другой день въ соборѣ было совершено архіерейское служеніе по случаю полкового праздника и полкъ прошелъ мимо генерала Мартынова церемоніальнымъ маршемъ.

Послѣ былъ праздничный обѣдъ у казаковъ на бивакѣ и у офицеровъ въ мѣстномъ клубѣ, а вечеромъ офицеры нашего полка, чтобы отблагодарить жителей города за радушную встрѣчу, давали танцовальный вечеръ.

Танцовали, какъ никогда. Уже давно было свѣтло, а балъ былъ въ полномъ разгарѣ...

Прямо съ бала офицеры стали въ строй и въ $12^1/_2$ часовъ дня, полкъ, окропленный архіереемъ святой водой и провожаемый жителями, осыпавшими казаковъ цвѣтами и букетами, вышелъ изъ Измаила и пошелъ въ дальнѣйшій походъ ([146]).

Въ это время въ полку шла невиданная и незнаемая въ регулярныхъ частяхъ работа канцеляріи. Казаки разбивались по дивизіонамъ. Одни, выслужившіе срокъ службы, перечислялись во 2-й дивизіонъ и шли на льготу на Донъ, другіе, не выслужившіе, назначались въ 1-й дивизіонъ, въ Петербургъ.

Въ Бендерахъ спѣшно приводили 1-й дивизіонъ въ порядокъ. Красили пики, нашивали на мундиры гвардейскія желтыя петлицы и шнуры, дѣлали заготовку желтыхъ эполетъ и расшивали желтой тесьмой парадные мундиры трубачей.

9 сентября 2-й дивизіонъ былъ погруженъ въ Бендерахъ на желѣзную дорогу и 17 сентября казаки въ Кривянской станицѣ были распущены по домамъ и вернулись къ своимъ семьямъ, женамъ и матерямъ.

10 сентября и 1-й дивизіонъ былъ посаженъ на желѣзную

дорогу и поѣхалъ къ Петербургу. 19 сентября дивизіонъ выгрузился на ст. Александровской и заночевалъ по квартирамъ въ деревнѣ Кузьмино.

Славный походъ атаманскихъ казаковъ въ турецкую землю— былъ оконченъ.

Послѣ похода.

ГЛАВА XXVIII.

Возвращеніе съ войны.

Встрѣча полка Государемъ Наслѣдникомъ.—Восторгъ жителей Петербурга.—Заботы генерала Мартынова по приведенію полка въ порядокъ.

20-го сентября 1878 года въ дождливую и кислую погоду, по осенней грязи и слякоти, Л.-Гв. Сводно-Казачій полкъ подходилъ къ г. Петербургу.

Было холодно и сыро. Но чѣмъ ближе подходилъ полкъ по Царскосельскому шоссе къ Петербургу, тѣмъ больше собиралось народу навстрѣчу ему. Женщины выбѣгали изъ домовъ и давали офицерамъ и казакамъ цвѣты и букеты. И эти цвѣты были всюду: на пикахъ, за ружьями, въ гривахъ лошадей, за портупеями. У Чесменской богадѣльни полкъ былъ встрѣченъ начальникомъ ея и всѣми инвалидами. Старые солдаты плакали.

У Московской заставы полкъ остановился. Ожидали Наслѣдника. Тутъ уже стоялъ Л.-Гв. Московскій полкъ и Л.-Гв. 6-ая Донская Его Величества батарея.

Въ часъ дня пріѣхалъ Наслѣдникъ Цесаревичъ. Онъ поздоровался съ войсками и благодарилъ полкъ за службу въ походѣ.

Потомъ полкъ тронулся и сталъ въѣзжать въ ворота. У самой арки въ ложѣ сидѣла Государыня Цесаревна, Великая Княгиня Марія Павловна и Великіе Князья и Княгини.

Георгіевскіе кавалеры были вызваны передъ полкъ. Народъ кричалъ ура! кидалъ цвѣты и букеты. Наслѣдница Цесаревна

удостоила каждаго казачьяго офицера лавровымъ вѣнкомъ за охраненіе Ея Августѣйшаго Супруга во время войны.

Третьи дивизіоны ожидали своихъ товарищей за аркой.

Полкъ черезъ толпы народа прошелъ по Обуховскому пр., по Загородному, Владимірской ул. и Невскому проспекту въ казармы.

Жители этихъ улицъ бѣжали подлѣ лошадей, входили въ ряды. Какой-то мужичекъ въ оборванной одеждѣ совалъ генералу Мартынову четыре рубля, быть можетъ, послѣдніе у него, и просилъ купить казакамъ водочки—„а то, чай, устали родимые мои, мученики Христовы“ ([144]).

Духовенство Владимірской церкви встрѣтило полкъ въ полномъ облаченіи съ хоругвями и крестами. При колокольномъ звонѣ полкъ былъ окропленъ святой водой. У Крестовоздвиженской церкви, въ Ямской слободѣ (на Лиговкѣ), казаки тоже были встрѣчены духовенствомъ и прихожанами. Здѣсь казаковъ помнили еще какъ прихожанъ этой церкви. Имъ поднесли хлѣбъ-соль и серебряную хоругвь.

Ни дождь, ни грязь, ни слякоть, ни холодный порывистый вѣтеръ не могли удержать народъ. Всѣ и вся бѣжали навстрѣчу къ своимъ героямъ казакамъ.

Съ музыкою и пѣснями вошелъ нашъ полкъ въ казармы.

Походъ былъ конченъ. Начиналась мирная, покойная, полная житейскихъ мелочей казарменная жизнь.

Нашъ полкъ сталъ старой гвардіей. Герои Садино, Карагасанкіоя и Соленика не были забыты. Но много нужно было работы и по строю и обученію казаковъ, много работы хозяйственной части полка, чтобы оказаться достойными этой великой Царской Милости.

Во главѣ полка стоялъ Свиты Его Величества генералъ-майоръ Андрей Дмитріевичъ Мартыновъ. Съ неутомимою энергіей принялся онъ за благоустройство полка. Казачьи казармы были красивы только снаружи. Внутри все было старо, неудобно, не

*) Теперь Забалканскій проспектъ.

согласно со временемъ. Въ конюшняхъ и эскадронахъ не было воды. Лошадей поили изъ Обводнаго канала, изъ него же брали воду для питья и приготовленія пищи. Большое число людей отвлекалось для возки воды, разнося ее разливали по ступенямъ и зимой лѣстницы были покрыты льдомъ. Умывальныхъ комнатъ не было и казаки умывались, гдѣ придется, а иной, нерадивый, по цѣлымъ днямъ и совсѣмъ не умывался. Не было мастерскихъ и портные, шорники, оружейники и плотники работали въ эскадронахъ. Офицеры не имѣли ни собранія, ни библіотеки... Неутомимо добивался новыхъ построекъ, расширенія казарменныхъ помѣщеній генералъ Мартыновъ. При немъ устроенъ былъ водопроводъ, умывальныя комнаты и кубы для чая въ эскадронахъ, онъ же отвелъ помѣщеніе подъ офицерское собраніе и библіотеку. При немъ же выстроены мастерскія.

Нелегка была казачья служба послѣ похода. Ночные разъѣзды изнуряли казаковъ. Только хорошая пища, да теплая одежда поддерживали ихъ здоровье; а постоянная забота начальства о благоустройствѣ жизни въ казармахъ давала станичникамъ силы къ работѣ въ полку ([147]).

ГЛАВА XXIX.

Тяжелые дни полицейской службы.

Покушеніе на жизнь Государя Императора.—Привлеченіе казаковъ къ полицейской службѣ.—Злодѣяніе 1 марта 1881 года.—Вызовъ казаковъ къ дворцу.—Разъѣзды.—Участіе въ погребеніи Императора Александра II.—Перемѣна формы.—Участіе при коронованіи Императора Александра III.

Послѣ борьбы со врагомъ внѣшнимъ—турками, полку нашему не мало пришлось поработать и послужить во время тяжелой борьбы съ врагомъ внутреннимъ.

Въ Россіи, въ самомъ центрѣ ея, въ Петербургѣ появились мятежники. Тайно собирались они въ различныхъ мѣстахъ и сговаривались, какъ подорвать величіе Россіи, унизить ее въ глазахъ всего свѣта, завести въ ней бунты и мятежи. Были среди нихъ люди, думавшіе путемъ убійствъ возвыситься, были и просто темные, заблудшіе люди, не понимавшіе всей мерзости и ужаса своихъ поступковъ. Ихъ было много. Каждый день полиція открывала новыя шайки и все-таки не могла переловить всѣхъ. Дерзость ихъ доходила до того, что они на людныхъ улицахъ нападали на генераловъ и, убивъ ихъ, безнаказанно убѣгали на саняхъ. Пѣшая полиція ничего не могла сдѣлать въ защиту жителей.

Наконецъ, дерзость ихъ дошла до такой степени, что они посягнули на Священную Особу Государя Императора. 9 апрѣля 1879 года одинъ изъ злоумышленниковъ выстрѣлилъ въ Государя во время утренней Его прогулки. Ужасъ охватилъ всю столицу. Государь не былъ въ безопасности среди своихъ под-

данныхъ. Столица была объявлена на военномъ положеніи. Гвардейскіе казаки и Учебный эскадронъ были призваны охранять порядокъ и неприкосновенность лицъ, приближенныхъ къ Государю. Ежедневно два эскадрона уходили на дежурство. Одинъ занималъ манежъ Берейторской школы (нынѣшній Л.-Гв. Уральской казачьей сотни), другой стоялъ въ Адмиралтействѣ. Два казака безъ пикъ при револьверахъ командировались въ конвой къ временно командующему войсками генералъ-адъютанту Гурко. Измѣны, мятежа и насилія можно было ожидать вездѣ. Для охраненія Министра Внутреннихъ Дѣлъ назначался такой же конвой, разъѣзды по городу были усилены. Недалеко отъ Петербурга, въ Новой Ладогѣ, въ это время углубляли большой каналъ. Тамъ были собраны десятки тысячъ рабочихъ. Для наблюденія порядка среди нихъ туда былъ командированъ отъ Атаманскаго полка ротмистръ фонъ-Нольде со вторымъ эскадрономъ. Одинъ полуэскадронъ стоялъ на травѣ, другой занималъ пикеты и разъѣзды на мѣстахъ работъ ([148]).

Въ это смутное время нашъ дивизіонъ совсѣмъ не ходилъ въ лагерь. Остававшійся въ Петербургѣ 1-й эскадронъ несъ отвѣтственную полицейско-разъѣздную службу. Цѣлыми днями и ночами люди были внѣ казармъ. Лошади разбивали ноги о булыжную мостовую, мокли и мерзли безъ навѣсовъ на полицейскихъ дворахъ. Только съ 1880 года при участкахъ завели конюшни для казачьихъ лошадей ([149]).

Но, несмотря на всѣ мѣры, принятыя къ охраненію порядка и доставленію безопасности Государю, злоумышленники 5 февраля 1880 года устроили подкопъ подъ зданіе караула Зимняго Дворца, надѣясь разрушить Дворцовую Столовую, гдѣ собиралась въ это время Царская Семья. Господь не допустилъ совершиться этому страшному злодѣянію. Гауптвахта была разрушена, вѣрный долгу своему караулъ Л.-Гв. Финляндскаго полка перебитъ, но взрывъ не разрушилъ столовой: Богъ хранилъ Царя.

Въ это лѣто нашъ дивизіонъ вышелъ въ лагерь на свои

старыя стоянки въ деревняхъ Паюла, Таликола, Нурколово и Пелгола, а Лейбъ-Казачій дивизіонъ и прикомандированныя къ Л.-Гв. Сводно-Казачьему полку двѣ сотни Донского № 19 полка заняли полицейскіе посты и разъѣзды.

1 марта 1881 года совершилось неслыханное злодѣяніе. Негодяи подстерегли Государя, когда онъ возвращался съ развода изъ Михайловскаго манежа, и на углу Екатерининскаго канала и Инженерной улицы бросили подъ Царскую карету разрывной снарядъ: Государь былъ смертельно раненъ и по привезеніи въ Зимній Дворецъ тихо въ Бозѣ почилъ.

Послѣдними атаманцами, имѣвшими счастіе представляться Государю Императору были поручикъ Никулинъ, унтеръ-офицеръ 2-го эскадрона Климачкинъ и казакъ того же эскадрона Чурилинъ—бывшіе въ этотъ день на разводѣ ([148]).

Вечеромъ 1-го марта Сводно-Казачій полкъ былъ вызванъ по тревогѣ къ Зимнему дворцу. У дворца стояла громадная толпа народа. Но это были не злоумышленники и мятежники—а подавленные скорбью жители города Петербурга. Они собрались узнать о положеніи обожаемаго Государя и проклятіями осыпать негодяевъ, посягнувшихъ на жизнь того, кто освободилъ милліоны русскихъ крѣпостныхъ крестьянъ.

Казаки первыми изъ войскъ были у дворца и здѣсь услышали ужасную вѣсть:—Государь скончался. Одинъ эскадронъ нашего полка, не возвращаясь въ казармы, прошелъ въ Михайловскій манежъ, другой остался въ Зимнемъ дворцѣ. Отъ этихъ эскадроновъ были высылаемы конные посты на перекрестки всѣхъ большихъ улицъ, посты эти смѣнялись каждые три часа. Казаки обязаны были не допускать народъ собираться толпами, захватывать и представлять всѣхъ лицъ, которыя будутъ непочтительно отзываться о Священной Особѣ Государя, или поведеніемъ своимъ обратятъ вниманіе, и представлять ихъ въ полицію.

Серьезно отнеслись наши товарищи къ этому дѣлу. Свято помнили они свою обязанность—быть защитниками Государя и

Отечества отъ враговъ внутреннихъ. Они принесли въ это смутное время громадную пользу властямъ и, къ чести ихъ надо сказать, не гордились и не выставлялись сдѣланными арестами. Они выполнили свой долгъ молча, въ сознаніи своего достоинства ([148]).

2 марта 1881 года на Всероссійскій Престолъ вступилъ Государь Императоръ Александръ III Александровичъ; Высочайшимъ приказомъ въ тотъ же день отданнымъ, *Шефомъ Л.-Гв. Атаманскаго Государя Наслѣдника Цесаревича полка назначенъ Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ.* Государь повелѣлъ и Себя считать въ спискахъ Атаманскаго полка.

7 марта Сводный эскадронъ, составленный изъ 1-го и 2-го эскадроновъ, принималъ участіе въ торжественной и печальной церемоніи перевезенія тѣла Государя Александра II въ Петропавловскій соборъ.

Послѣ этого ужаснаго событія, быстрыми и энергичными мѣрами врагъ внутренній былъ подавленъ. Сами злодѣи ужаснулись своему поступку. Нигдѣ не нашли они сочувствія. Вся Россія горевала и оплакивала своего Государя. Мятежники были частью переловлены, частью бѣжали за границу, Петербургъ успокаивался. Но полицейско-разъѣздная служба все еще продолжалась. Ежедневно цѣлый эскадронъ дежурилъ на случай востребованія. И требованія были частыя. Буяны на фабрикахъ и поджигатели рабочаго народа боялись только казаковъ. У казаковъ расправа была короткая. Плеть прекращала излишнія рѣчи и хохотъ толпы показывалъ, какъ мало сочувствовалъ народъ злодѣямъ.

По всѣмъ участкамъ еще были казачьи пикеты, а кромѣ того нерѣдко требовали ихъ и на окраины города. Къ рабочимъ на каналахъ была выслана полусотня Донского № 19 Казачьяго полка.

Въ мартѣ 1882 года состоялась перемѣна формы въ нашемъ полку. Вмѣсто киверовъ съ волосянымъ султаномъ даны были

папахи кавказскаго образца; шаравары приказано было носить всегда въ сапоги и двойной лампасъ, полагавшійся при парадной формѣ, былъ отмѣненъ ([149]).

12 мая того же года были сняты нагрудныя нашивки на парадныхъ мундирахъ и форма стала совершенно похожая на нынѣшнюю.

5 мая 1883 года 1-й Атаманскій эскадронъ подъ командой ротмистра Чеботарева былъ командированъ въ Москву для участія въ Священномъ Коронованіи Государя Императора Александра III.

15 мая въ день коронаціи въ Кремлѣ недалеко отъ Краснаго крыльца стоялъ взводъ нашего полка при офицерахъ ротмистрѣ Грековѣ и штабсъ-ротмистрѣ Вершининѣ.

Послѣ коронаціи эскадронъ прошелъ въ лагерь подъ Красное Село.

29 апрѣля 1883 года—командиръ полка Свиты Его Величества генералъ-майоръ Мартыновъ былъ назначенъ начальникомъ Штаба Войска Донского.

ГЛАВА XXX.

Л.-Гв. Атаманскій полкъ въ 4-хъ-эскадронномъ составѣ на службѣ въ Петербургѣ.

Трудность службы въ двухъ эскадронномъ составѣ.—Хлопоты ген. Мартынова.—Генералъ Короченцовъ.—Прибытіе съ Дону еще 2-хъ эскадроновъ.—Офицерское собраніе.—Перемѣна лагерной стоянки.—Садикъ.—Отмѣна шпоръ.

Генералу Мартынову пришлось командовать Л.-Гв. Атаманскимъ полкомъ въ трудное время. Съ Дона казаки приходили молодые, мало обученые, ѣзда, выправка, рубка, фланкировка, все это было пройдено ими наскоро и не усвоено. Учить ихъ было нужно многому, а учить было некогда.

Эскадронные командиры по недѣлямъ не видали своихъ казаковъ, то на Охтѣ, то при полиціи, то въ конвоѣ. И на Дону то казаки стали отставать по фронту. Земельные надѣлы стали меньше, два раза хватилъ войско неурожай, прибѣднѣли казаки. Всѣ силы ихъ уходили на землепашество. Щегольнуть конемъ и одеждой было не на что. Казаки бодрились, какъ могли, и въ Петербургѣ работали, не зная устали. Энергично взялся генералъ Мартыновъ за полкъ и старался поставить его не хуже другихъ кавалерійскихъ полковъ.

Служебныя требованія увеличивались. Въ 1879 году обращено особенное вниманіе на стрѣльбу изъ винтовокъ и лучшимъ стрѣлкамъ приказомъ 26 марта положены вмѣсто нашивокъ металлическіе значки за стрѣльбу. Съ 1881 года стали заниматься тактическими ученьями съ обозначеннымъ противникомъ; для обу-

ченія казаковъ грамотѣ заведены эскадронныя школы и занятія стали вестись по росписанію ([150]).

Но и росписаніе не всегда можно было выполнить. Спокойствіе столицы и безопасность Государя требовали непрерывной службы казаковъ и для занятій времени не было.

Прикомандированіе къ полку двухъ сотенъ Донского № 19 полка нѣсколько облегчило нарядъ гвардейскихъ казаковъ, по крайней мѣрѣ не нужно было посылать эскадроны ни въ Новую Ладогу, ни на Матко-озеро—на Вытегорскій каналъ.

Трудность обученія усугублялась еще и частой смѣной офицеровъ. Только что офицеръ привыкнетъ къ своимъ обязанностямъ, а люди привыкнутъ къ нему, какъ его командируютъ на льготу. На льготѣ офицерамъ, почти безъ жалованья, было тяжело жить и они не знали тамъ о перемѣнахъ въ уставахъ.

Все это привело генерала Мартынова къ той мысли, что гвардейскіе казачьи полки необходимо держать въ постоянномъ составѣ, въ Петербургѣ. Въ 1880 году онъ началъ настойчиво хлопотать о томъ, чтобы въ Петербургѣ было вмѣсто двухъ эскадроновъ четыре, но число рядовъ во взводѣ имѣть вмѣсто прежнихъ двадцати—двѣнадцать. Два же эскадрона могутъ быть попрежнему на льготѣ и только по мобилизаціи идти къ полку([151]).

Главнымъ образомъ затрудняло сдѣлать это увеличеніе полковъ недостатокъ мѣста еще для четырехъ эскадроновъ.

Но въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1883 года Л.-Гв. Уральскій эскадронъ покинулъ церковный флигель и перешелъ въ бывшее помѣщеніе Берейторской школы—и въ казармахъ оказалось свободное мѣсто.

Этимъ воспользовался принявшій отъ генерала Мартынова *15 мая 1883 года* полкъ *генералъ-майоръ Алексѣй Петровичъ Короченцовъ* и возобновилъ хлопоты объ увеличеніи штатовъ. 13 марта 1884 года было приказано Л.-Гв. Сводно-Казачій полкъ разбить на два самостоятельныхъ полка 4-хъ-эскадроннаго состава: Л.-Гв. Казачій Его Величества полкъ и Л.-Гв. Атаманскій Его Высочества Наслѣдника Цесаревича полкъ.

Оба эти полка 1-го апрѣля 1884 года были переведены изъ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи, гдѣ они состояли съ начала войны 1877 года въ 1-ю гвардейскую кавалерійскую дивизію.

1-го января 1885 года, эскадроны были раздѣлены каждый

ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ
Алексѣй Петровичъ Короченцовъ
съ 15 мая 1883 г. по 13 октября 1886 года.

на два. Въ каждомъ эскадронѣ, въ началѣ было всего 6 — 10 унтеръ-офицеровъ и по 85 казаковъ.

Послѣ раздѣленія полковъ. приступили къ раздѣлу казармъ и имущества Л.-Гв. Сводно-Казачьяго полка.

11 марта 1885 года было открыто отдѣльное собраніе Л.-Гв. Атаманскаго полка въ томъ помѣщеніи, гдѣ оно находится и те-

перь, а постройки были раздѣлены поровну. Старые донскіе флигеля заняли четыре эскадрона Л.-Гв. Казачьяго полка, флигеля—бывшіе 1-го эскадрона Л.-Гв. Казачьяго полка, флигель Черноморскихъ казаковъ, батареи и уральцевъ—заняли 4 эскадрона Атаманскаго полка.

Тогда же генералъ Короченцовъ озаботился расширеніемъ лагернаго квартирнаго района полка и полкъ покинулъ въ 1885 году старыя свои стоянки на Кирхгофѣ и расположился по рѣкѣ Пудости близъ Гатчины. Штабъ полка занялъ деревню Репузи, 1-й и 2-й эскадроны—Большую Пудость, 3-й—деревню Себякюля и 4-й—дер. Юляпурска.

Чтобы соединить офицеровъ полка, прибывшихъ со льготы, въ одну семью, генералъ Короченцовъ устраивалъ въ полковомъ офицерскомъ собраніи семейные вечера съ танцами, на которые пріѣзжали знакомые офицеровъ изъ города, и жизнь въ полку оживилась.

Въ это время и дорога въ казармы стала лучше. Болото на Конной площади засыпали, а деревянную гать, шедшую отъ Гончарной улицы черезъ Конную площадь и проложенную генераломъ Родіоновымъ, замѣнили каменной мостовой. Гончарная и Полтавская улицы застроились каменными домами и дикое когда то мѣсто заселилось. По берегу рѣки Монастырки начали строить барачную больницу и тюрьму.

Заботясь объ украшеніи казармъ и чистотѣ въ нихъ воздуха, генералъ Короченцовъ приказалъ насадить на площадкѣ противъ сараевъ и уральскаго флигеля садъ.

Въ его командованіе рядовые казаки, унтеръ-офицеры и вахмистры лишились шпоръ.

Приказомъ 24 августа 1885 года объявлено, что Государь Императоръ 10 августа повелѣть соизволилъ отмѣнить шпоры во всѣхъ казачьихъ частяхъ. „Нагайка“, было сказано въ приказѣ: „общаго казачьяго образца должна составлять принадлежность каждаго казака отъ генерала до простого казака и не должна быть въ голенищѣ казака“.

12 октября взводъ отъ нашего полка принималъ участіе въ торжественномъ открытіи памятника „Славы", сдѣланнаго изъ турецкихъ орудій и воздвигнутаго на Измайловскомъ проспектѣ въ память доблестей русскихъ войскъ въ турецкую войну 1877 — 1878 годовъ.

На лицевой сторонѣ памятника, обращенной къ Измайловскому проспекту, видна надпись, свидѣтельствующая о славномъ участіи нашего полка въ эту войну.

13 октября 1896 года командиръ полка генералъ Короченцовъ былъ назначенъ командиромъ Л.-Гв. Конно-Артиллерійской бригады, а *3-го декабря* того же года *Атаманскій полкъ получилъ* командиръ Донского № 10 полка *полковникъ Грековъ, Митрофанъ Ильичъ.*

Залъ въ Офицерскомъ Собраніи ([196]).

ГЛАВА XXXI.

Устройство полка.

Личность генерала Грекова.—Перемѣна лагерной стоянки.—Посѣщеніе казармъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ.—Сближеніе съ гусарами.—Посѣщеніе Наслѣдникомъ Цесаревичемъ лагеря въ д. Николаевкѣ. — Новыя постройки.— Представленіе полка иностранцамъ.—Эскадронные праздники.

Георгіевскій кавалеръ, съ золотымъ оружіемъ „за храбрость“ Митрофанъ Ильичъ Грековъ, принявъ 4-хъэскадронный полкъ, рѣшилъ поставить его на боевую ногу. Хотя несеніе полицейско-разъѣздной службы и продолжалось, но эскадрону приходилось быть въ нарядѣ одинъ разъ въ восемь дней. Можно было повести правильныя занятія и обучить казаковъ казачьей службѣ, какъ слѣдуетъ.

Полковникъ Грековъ началъ съ того, что выранжировалъ и подобралъ эскадроны по мастямъ. Въ 1-й эскадронъ шли казаки на гнѣдыхъ коняхъ, во второй на рыжихъ, въ третій на гнѣдыхъ и въ четвертый на вороныхъ.

Новыя просторныя мастерскія и своя полковая кузница замѣнили прежнія мастерскія при эскадронахъ и ковку въ частной кузницѣ Андерсона.

Въ 1889 году взамѣнъ желтой аммуниціи была дана черная сыромятная и нагрудные патронташи вмѣсто поясныхъ. Въ декабрѣ 1888 года приказомъ по кавалеріи были сняты съ офицерскихъ перевязей арматуры и цѣпочки и вмѣсто прибивныхъ шпоръ даны были привязныя.

Въ мартѣ 1891 года наименованія частей и чиновъ въ гвардейскихъ полкахъ были даны старыя—казачьи. Такимъ образомъ наши эскадроны стали именоваться сотнями, ротмистры—

ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ
Митрофанъ Ильичъ Грековъ
съ 3 дек. 1886 г. по 9 дек. 1893 г.

есаулами, штабсъ-ротмистры — подъесаулами, поручики—сотниками, корнеты—хорунжими, унтеръ-офицеры—урядниками и ефрейторы—приказными—такъ, какъ именовались они въ славные годы походовъ противъ французовъ ([154]).

Генералъ Грековъ провелъ всю жизнь свою среди казаковъ и умѣлъ заставить станичниковъ стараться. Рубка, фланкировка, джигитовка, проскачка на препятствія—были его любимыми занятіями. И самъ онъ любилъ ѣзду и лихо ѣздилъ.

Сколько разъ, бывало, можно видѣть, на Конной площади, подъ вечеръ, рядомъ съ казакомъ мощную, сѣдую фигуру генерала на буланомъ „Взрывѣ“: генералъ проѣзживалъ коня.

Учебная команда не разъ устраивала мосты черезъ Обводный каналъ, то на бочкахъ, то переплетный, а лѣтомъ весь полкъ пускался вплавь черезъ фабрикантское озеро. Плыли въ рубахахъ и аммуниціи рядомъ съ конемъ. Часть на плоту на бурдюкахъ поддерживала переправу огнемъ. Генералъ Грековъ любилъ походы, поѣздки, даже охоты. Въ то время приказано было имѣть при кавалерійскихъ полкахъ охоты и генералъ Грековъ завелъ борзыхъ и гончихъ собакъ. Команда развѣдчиковъ всего полка, только что замѣнившихъ прежнихъ фланкеровъ и наѣздниковъ, постоянно ѣздила то на охоты, то въ дальнія поѣздки. Въ апрѣлѣ 1891 года всѣ офицеры полка и 80 развѣдчиковъ походомъ ходили въ Финляндію на водопадъ Иматру. Въ шесть дней прошли 420 верстъ туда и обратно, переходы были по 60 и даже по сто съ лишнимъ верстъ. Вернулись всѣ бодрые и здоровые.

Занятія зимою шли утромъ—конныя ученья и послѣ обѣда—пѣшія и словесныя занятія.

Стоянка въ Пудости лѣтомъ была прекрасна, много воды, красивые лѣса и поля, но тяжело было полку каждый день дѣлать лишнихъ двадцать шесть верстъ на ученье на военное поле. Когда ученья дивизіи или бригады назначались рано утромъ, полкъ съ ночи шелъ на военное поле и располагался тамъ бивакомъ. Это очень утомляло и людей и лошадей. Генералъ Грековъ выхлопоталъ полку новую лагерную стоянку:—въ 1890 году штабъ полка, 1-й и 2-й эскадроны стали въ дер. Николаевкѣ, 3-й эскадронъ въ дер. Пелгола и 4-й въ дер. Никулинѣ, въ 1892 году весь полкъ размѣстился въ дер. Николаевкѣ.

Государь Императоръ и Шефъ полка Наслѣдникъ Цесаревичъ жаловали нашъ полкъ своимъ вниманіемъ. 4 марта 1887 г. Наслѣдникъ посѣтилъ наши казармы. Онъ пріѣхалъ въ 9 часовъ утра и прошелъ въ офицерское собраніе, гдѣ милостиво бесѣдовалъ съ офицерами. Изъ собранія Наслѣдникъ вышелъ на полковой дворъ, гдѣ смотрѣлъ конное ученіе 4-го эскадрона и маршировку 3-го. Съ полкового двора Наслѣдникъ прошелъ въ 1-й эскадронъ и осматривалъ его помѣщеніе, затѣмъ вышелъ на дворъ Л.-Гв. Казачьяго полка и здѣсь съ разрѣшенія Цесаревича была снята съ него и офицеровъ казачьей бригады поручикомъ Л.-Гв. Атаманскаго полка Каменновымъ группа.

Въ 1882 году Государь отмѣнилъ майскіе парады и смотрѣлъ войска зимою на Адмиралтейской площади. Такъ какъ мѣста было мало,—полки показывались Государю въ двѣ очереди. Обыкновенно въ концѣ февраля бывалъ смотръ первой очереди и двумя днями позже—второй. Въ первой очереди была 1-ая гвардейская кавалерійская дивизія, во второй—вторая и полки первой, стоящіе за городомъ. Чтобы дать мѣсто загороднымъ полкамъ, нашъ полкъ сейчасъ же послѣ смотра походомъ шелъ въ Царское Село въ гости къ лейбъ-гусарамъ.

И лейбъ-гусары принимали съ полнымъ радушіемъ.

Подъ вечеръ, когда по Царскосельскому парку уже загорятся электрическіе фонари и кинутъ причудливыя тѣни отъ заиндевѣвшихъ вѣтвей—нашъ полкъ подходилъ къ Царскому Селу.

У въѣзда въ паркъ вызывали пѣсенниковъ и, лихо подбоченясь запѣвало заводилъ какую-нибудь старинную пѣсню.

Навстрѣчу Атаманскимъ эскадронамъ выходили лейбъ-гусары и разбирали людей по казармамъ. Офицеры шли въ собраніе полка. Гусары и казаки перемѣшивались, разсказывали про службу. Трубачи и пѣсенники, казаки и гусары неумолкая пѣли и играли въ собраніи и шла искренняя, веселая, добрая бесѣда.

Черезъ два дня возвращались въ Петербургъ.

Путь лейбъ-гусаръ изъ Царскаго въ лагерь лежалъ черезъ деревню Николаевку. Когда гусары подходили къ деревнѣ, атаманцы встрѣчали ихъ полковымъ маршемъ. Казаки разбирали

Офицерское Собраніе въ деревнѣ Николаевкѣ ([197]).

лошадей у лейбъ-гусаръ, угощали солдатъ обѣдомъ и закуской, а офицеры шли къ атаманцамъ въ собраніе.

Въ 1890 году эскадрономъ Л.-Гв. Гусарскаго полка командовалъ Наслѣдникъ Цесаревичъ, а Лейбъ-Гусарскимъ полкомъ временно Великій Князь Павелъ Александровичъ. Собранія въ

Николаевкѣ еще не было и атаманцы принимали дорогихъ гостей въ убранной зеленью казачьей столовой. Наслѣдникъ и Великій Князь удостоили посѣщеніемъ завтракъ подъ навѣсомъ этой столовой.

Въ этомъ же году Наслѣдникъ Цесаревичъ пожаловалъ средства на постройку офицерской лагерной столовой и пріемнаго покоя въ лагерѣ на 8 кроватей.

Собраніе, пріемный покой и хлѣбопекарня были построены въ 1892 году. На освященіи присутствовали Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великій Князь Владиміръ Александровичъ съ супругою Великой Княгиней Маріей Павловной и Дѣтьми.

Съ тѣхъ поръ, какъ Атаманскій полкъ вмѣсто двухъ сотень сталъ имѣть четыре—офицеры не могли помѣститься въ старомъ офицерскомъ флигелѣ. Не хватало мѣста и офицерскимъ лошадямъ.

Офицеры должны были квартировать въ городѣ, что было и очень дорого и неудобно. Въ 1890 году построена конюшня офицерскихъ лошадей, а въ 1891 году — офицерскій флигель на 24 квартиры и каменная гауптвахта.

Въ 1887 году Государь Императоръ, по примѣру Родителя Своего, посѣтилъ Донъ. Для присутствія на парадѣ и для конвоированія коляски Государя былъ призванъ въ Новочеркасскъ со льготы третій дивизіонъ нашего полка и къ нему командированы штабсъ-ротмистры Болдыревъ и Вершининъ и поручики Кочетовъ, Терентьевъ, Плацбекъ-Кокумъ, Смирновъ, Моллеръ и Карповъ.

Генералъ Грековъ любилъ своихъ атаманцевъ и въ Петербургѣ, во дворцѣ, и среди своихъ знакомыхъ генераловъ любилъ разсказывать про казачью удаль и молодечество. Атаманцами интересовались, атаманцевъ хотѣли посмотрѣть. И полкъ нашъ представлялся въ караулѣ Персидскому Шаху, джигитовалъ передъ Черногорскимъ Княземъ, пріѣзжалъ къ намъ въ гости нѣмецкій генералъ и французскіе офицеры. Они слушали хоры пѣсенниковъ, смотрѣли ѣзду и джигитовку и удивлялись молодечеству донскихъ казаковъ.

Въ командованіе полкомъ генерала Грекова были поставлены во всѣхъ эскадронахъ образа и заведены эскадронные праздники. Въ трубаческомъ взводѣ—15 августа—Успеніе Пресвятыя Богородицы, въ 1-мъ эскадронѣ—св. Александра Невскаго—30 августа, во второмъ — 30 августа, св. Александра Невскаго, въ третьемъ — 6 мая, св. Николая Чудотворца, и въ четвертомъ—Воскресенія Христова.

Развернувшись въ четырехъ-эскадронный составъ, нашъ полкъ сталъ въ ряды славной 1-й кавалерійской дивизіи. Генералъ Грековъ выдвинулъ атаманцевъ впередъ, обратилъ на нихъ особенное вниманіе, сдѣлалъ удобной жизнь офицеровъ, привелъ полкъ въ стройный и блестящій видъ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1893 года онъ сдалъ полкъ *генералъ-майору Ипполиту Апполоновичу Поздѣеву*, а самъ получилъ назначеніе командовать 1-й Донской казачьей дивизіей.

ГЛАВА XXXII.

Отмѣна полицейско-разъѣздной службы.

Кончина Императора Александра III. — Участіе полка въ печальныхъ церемоніяхъ погребенія тѣла Государя. — Участіе въ торжествахъ бракосочетанія Государя Николая II.—Отмѣна разъѣздовъ по городу. — Вооруженіе трехъ-линейной винтовкой.

Въ разъѣздѣ зимой.

Грустныя и радостныя событія мирной жизни смѣняли одно другое, какъ солнце и тучи въ осеннюю непогоду. Въ октябрѣ 1894 года страшныя вѣсти стали приходить къ полку изъ Крыма, гдѣ лечился отъ внутренней болѣзни Государь. Здоровье Государя ухудшалось. По всѣмъ церквамъ служились молебны о дарованіи здравія Государю, но неисповѣдимы Пути Божіи: Императоръ Александръ III 20 октября въ Бозѣ почилъ.

1 ноября съ траурнымъ поѣздомъ Николаевской желѣзной дороги прибыло тѣло Государя для погребенія въ Петропавловскомъ соборѣ. Атаманскій полкъ стоялъ шпалерами на Невскомъ проспектѣ у Аничковскаго моста.

Съ 1 по 7 ноября, по день погребенія, въ Петропавловскій соборъ, для прощанія съ Государемъ открытъ былъ доступъ

всякаго званія людямъ. Для порядка среди этой многотысячной толпы, ежедневно, по очереди съ лейбъ-казаками, дежурила одна сотня нашего полка. Это дало возможность всѣмъ чинамъ полка проститься съ прахомъ Обожаемаго Государя. Дежурившіе люди разбивались на смѣны и ночью допускались по очереди вмѣстѣ съ простымъ народомъ. Вскорѣ двумъ сотнямъ полка пришлось принять участіе и въ радостномъ событіи въ Царской Семьѣ.

По волѣ въ Бозѣ почившаго Государя, бракосочетаніе Государя Императора Николая II Александровича на принцессѣ Гессенской Алисѣ (нынѣ Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна) состоялось 14 ноября въ Зимнемъ дворцѣ. Вторая и третья наши сотни ходили на площадь у Зимняго дворца, гдѣ во время церемоніи переѣзда Высоконареченной невѣсты стояли шпалерами.

Въ этомъ году зимняго парада не было. Государь смотрѣлъ свои войска 24 апрѣля на Марсовомъ полѣ. Послѣ долгаго промежутка Петербургъ опять увидалъ голубые мундиры атаманцевъ на коняхъ и въ полномъ составѣ.

Въ лагерь пошли въ дер. Николаевку.

Во вторую половину лагернаго сбора 2-й дивизіонъ полка ушелъ въ Петербургъ для несенія полицейско-разъѣздной службы, а первый съ есауломъ Вершининымъ былъ командированъ въ г. Псковъ для занятій съ пѣхотой.

Такимъ образомъ на лѣтнемъ Высочайшемъ смотру войскъ послѣ маневровъ атаманцевъ не было. Государь Императоръ изволилъ обратить на это вниманіе и, узнавъ о томъ, что 1-й дивизіонъ находится въ Петербургѣ для несенія полицейской службы, разспрашивалъ о службѣ въ Петербургѣ и узналъ, какъ тяжело ложится на ногахъ лошадей ѣзда цѣлыми ночами по булыжной мостовой, какъ нездорово это казакамъ и какъ отвлекаетъ это ихъ отъ правильнаго обученія.

Государь приказалъ отмѣнить разъѣзды.

17 октября С.-Петербургскій Комендантъ извѣстилъ полкъ

телеграммой, что вслѣдствіе послѣдовавшаго Высочайшаго повелѣнія нарядъ разъѣздовъ по городу впредь прекращается.

Это Высочайшее повелѣніе имѣло громадное значеніе для

ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ
Ипполитъ Аполлоновичъ Поздѣевъ
съ 17 дек. 1893 г. по 17 февр. 1896 г.

полка. Раньше каждую ночь уходили изъ казармъ для поѣздокъ по окраинамъ города 2 офицера и 54 казака, шли на острова, въ Полюстрово, къ четыремъ рукамъ, на Васильевскій Островъ и по глухимъ участкамъ Нарвской и Александро-Невской части.

Впослѣдствіи этотъ нарядъ былъ сокращенъ и ходилъ 1 офицеръ и 36 казаковъ и въ самое послѣднее время, когда на постъ „Пороховые заводы“ стала посылаться постоянная команда, то нарядъ былъ доведенъ до 1 офицера и 24 казаковъ. Выѣзжали въ 8-мь часовъ вечера, возвращались съ разсвѣтомъ—зимою въ 8 часовъ утра, лѣтомъ въ 6 утра. Цѣлую ночь по-двое ѣздили казаки, наблюдая за порядкомъ. Молодыхъ въ разъѣздъ не посылали, а ѣздили одни старослужащіе.

На окраинахъ освѣщеніе плохое, мостовыя выбиты, осенью грязь непролазная. Иногда холодный петербургскій дождь льетъ, не переставая, цѣлую ночь и подъ его струями жмутся и ежатся казаки. Но еще хуже бывало въ гололедицу. Лошадь скользитъ по обледенѣлой мостовой и часто падаетъ, холодный вѣтеръ пронизываетъ насквозь, лицо, руки мерзнутъ, а впереди цѣлая ночь и отдыхъ на открытомъ дворѣ глухого участка.

Полиція привыкла смотрѣть на казаковъ, какъ на своихъ первыхъ помощниковъ и требовала изъ казармъ отряды при каждомъ сборищѣ народа. Не всегда эти усмиренія народныхъ пьяныхъ толпъ проходили благополучно для казаковъ. Противъ трехъ-четырехъ-тысячной толпы посылали пять, шесть казаковъ. И они разгоняли. Но иногда пьяные кидали камнями или били врѣзавшагося въ толпу станичника ножемъ. И виновнаго не найдешь. А вѣрный долгу казакъ умиралъ.

Каменная дорога, гололедка и ночевки подъ открытымъ небомъ губили лошадей. Лошади слабѣли на ноги, обростали мохнатой шерстью, худѣли и становились негодными для гвардейской службы.

Дожди и метели, постоянное нахожденіе по ночамъ подъ открытымъ небомъ, безъ сна, производили болѣзни и не одинъ казакъ зарытъ на кладбищѣ подъ Петербургомъ изъ-за постоянныхъ ночныхъ разъѣздовъ. Недаромъ сложилась казачья пѣсня:

„Поѣхалъ казакъ далеко на чужбину
На добромъ конѣ ворономъ,

Свою онъ краину навѣки покинулъ,
Ему не вернуться въ отеческій домъ.
Напрасно казачка его молодая
И утро и вечеръ на сѣверъ глядитъ,
Все ждетъ-поджидаетъ съ далекаго края,
Когда же къ ней милый казакъ прилетитъ.
А тамъ за горами бушуютъ метели
И страшны морозы зимою трещатъ,
Гдѣ сдвинулись дружно и сосны и ели,
Тамъ кости казачьи подъ снѣгомъ лежатъ.
Казакъ и молилъ и просилъ умирая
Курганикъ насыпать ему въ головахъ,
И пусть на курганѣ калина родная
Цвѣтетъ и красуется въ бѣлыхъ цвѣтахъ.
Пусть вольная пташка на этой калинѣ
Порой пропоетъ эту пѣсенку мнѣ,
Какъ жилъ-былъ казакъ далеко на чужбинѣ
И помнилъ про Донъ на чужой сторонѣ.

Вотъ почему велика была милость Государя для гвардейскихъ казаковъ въ отмѣнѣ разъѣздовъ. Съ этой отмѣной донскіе гвардейскіе казаки могли съ полнымъ усердіемъ заняться строевой казачьей службой, ѣздой и стрѣльбой и прославить въ Петербургѣ имя донского казака.

Въ вооруженіи казаковъ произошла крупная перемѣна. Зимою 1895 года полкъ сдалъ четырехъ-линейную малокалиберную казачью винтовку системы Бердана № 2 и принялъ трехлинейную, малокалиберную, магазинную винтовку образца 1891 года. Эта винтовка заряжалась пачками по пяти патроновъ и могла бить болѣе, чѣмъ на двѣ версты. Наступило новое время для обученія войскъ. Отъ казаковъ стали требовать познанія строя не только не хуже, чѣмъ отъ регулярныхъ солдатъ, но много лучшее. Вы-

полнить эти требованія и довести Атаманскій полкъ до совершенства пришлось новому командиру полка—*полковнику Константину Антоновичу Ширма.*

17 февраля 1896 года генералъ Поздѣевъ сдалъ полкъ, а 29 марта въ полкъ прибылъ бывшій командиръ 7-го драгунскаго Новороссійскаго полка полковникъ Ширма.

ГЛАВА XXXIII.

Съ 1896—по 1900 годы.

Участіе полка въ Коронованіи Государя Императора Николая II.—Посылка казаковъ въ Абиссинію.—Подвигъ урядника Архипова. — Урядникъ Архиповъ во дворцѣ Государя.—Командировка въ Москву на освященіе памятника Императору Александру II.—Перевезеніе старыхъ знаменъ въ бригадную церковь.

Въ 1896 году 14 мая, въ городѣ Москвѣ совершилось Священное Коронованіе нынѣ благополучно Царствующаго Государя Императора Николая II Александровича и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. Для присутствованія на торжествахъ Коронованія отъ нашего полка ходила 1-ая сотня подъ командой есаула Каменнова.

Сотня эта въ день торжественнаго въѣзда въ Москву стояла у Петровскаго парка на шоссе шпалерами, а въ день Священнаго Коронованія караулъ отъ сотни, 1 взводъ, стоялъ въ Кремлѣ, у Царя-колокола. Во время народныхъ празднествъ на Ходынскомъ полѣ, наша сотня была вызвана по тревогѣ и стала шпалерами на пути проѣзда Государя у Тверскихъ воротъ, потомъ она приняла участіе и въ общемъ парадѣ войскъ, собранныхъ въ Москвѣ.

Въ октябрѣ 1897 года отъ нашего полка потребовали шесть человѣкъ въ конвой къ Россійскому Императорскому посланцу, Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Власову, ѣхавшему въ жаркую страну Африку, къ правителю полудикаго, но единовѣр-

наго намъ абиссинскаго народа—негусу Менелику. Весь конвой состоялъ изъ 20 человѣкъ:—шести казаковъ Л.-Гв. Казачьяго полка, 6 атаманцевъ, 3 казаковъ Л.-Гв. Уральской казачьей

ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ
Константинъ Антоновичъ Ширма
съ 21 февр. 1896 г.

сотни, 4 артиллеристовъ и 1 лейбъ-гусара. Конвоемъ командовалъ офицеръ нашего полка сотникъ Красновъ.

Въ виду того, что путешествіе было тяжелое и утомительное, можно было пострадать отъ голода и жажды, быть можетъ, даже сражаться, защищая Императорскаго посланца, изъ полковъ вызывали охотниковъ.

Много охотниковъ вышло и изъ рядовъ нашихъ сотенъ. Изъ нихъ были назначены въ походъ — трубачъ Алифановъ урядникъ Авиловъ (1-й сотни) и казаки—Демпнъ (1-й сотни), Кривошлыковъ, (2-й сотни) Архиповъ (3-й сотни) и Крынинъ, (4-й сотни).

Офицеры гвардейской бригады и миссіи благословили конвой иконой. 14 октября всѣ офицеры обоихъ полковъ и оба полковые командира проводили конвой на станцію Николаевской жел. дор.

По желѣзной дорогѣ казаковъ привезли въ Одессу, оттуда моремъ въ турецкую землю — Константинополь и затѣмъ въ Африку—въ портъ Джибути. Отсюда начался походъ на маленькихъ животныхъ, похожихъ на лошадь, но только съ длинными ушами, на мулахъ, къ Государю Абиссиніи, негусу Менелику.

Вещи везлись на верблюдахъ и казаки должны были присматривать за дикарями, черными людьми, которые пригнали животныхъ для багажа. Путь лежалъ по пустынѣ, жара была страшная, воды почти не было. Она выдавалась порціями по стакану на день. Но казаки не роптали. При жарѣ они работали весь день, и ночью, когда въ горахъ становилось холодно—они стояли на часахъ. Аріергардъ иногда 15 часовъ въ сутки находился въ пути, подбирая и перегружая упавшіе съ верблюдовъ вьюки и часто не имѣя возможности вполнѣ отдохнуть ночью. Но казаки все время были веселы и бодры, пѣли пѣсни на походѣ, съ полнымъ усердіемъ принимаясь за работу на бивакѣ. Послѣ трехмѣсячнаго похода наши казаки забрались въ самую глубь Африки, въ столицу абиссинскаго народа, городъ Аддисъ-Абебу. Здѣсь лихою джигитовкой на абиссинскихъ лошадяхъ казаки привели въ восторгъ Императора черныхъ христіанъ ([155]).

За усердіе къ службѣ Государь Императоръ пожаловалъ нашимъ казакамъ серебряныя медали „за усердіе“ на Станиславской лентѣ.

Но особенно отличился въ этомъ походѣ урядникъ нашего полка 3-й сотни Василій Архиповъ.

5 марта 1898 года онъ вызвался охотникомъ сопровождать полковника генеральнаго штаба Артамонова, бывшаго при миссіи, въ очень опасное путешествіе къ дикимъ народамъ, въ страны, гдѣ еще бѣлые люди никогда не бывали. Они пошли съ абиссинской арміей дедьязмача (по-нашему генерала) Тассамы. Армія воевала съ дикими народами.

Всѣ ужасы войны, голодъ и жажду, отсутствіе соли пришлось перенести въ этомъ походѣ уряднику Архипову. Онъ видѣлъ убитыхъ и раненыхъ и по указанію полковника Артамонова лечилъ и перевязывалъ ихъ.

Даже привычные къ климату абиссинскіе солдаты отказывались идти впередъ. Тогда полковникъ Артамоновъ бралъ своихъ двухъ казаковъ и шелъ съ ними вдвоемъ. Кромѣ Архипова съ нимъ былъ урядникъ 6-й Донской батареи Щедровъ. И абиссинцамъ становилось стыдно—и они шли тоже.

16 іюня, послѣ четырехмѣсячнаго тяжелаго похода, подошли къ широкой рѣкѣ—Бѣлому Нилу. На той сторонѣ рѣки нужно было поставить французскій флагъ, чтобы показать, что земли эти принадлежатъ французамъ. Но въ рѣкѣ было много крокодиловъ и никто, ни черные люди, ни бывшіе съ Тассамой два француза, не рѣшались плыть на ту сторону. Крокодилъ можетъ свободно перегрызть пополамъ человѣка. Вышло замѣшательство и абиссинскіе солдаты стали смѣяться надъ бѣлыми людьми.

Тогда полковникъ Артамоновъ на маленькомъ соломенномъ плотикѣ бросился въ воду. Никто не приказывалъ ни Архипову, ни Щедрову сопровождать Артамонова, но, увидѣвъ своего начальника въ водѣ, они оба кинулись за нимъ.

Видно, въ нихъ текла кровь старыхъ атаманцевъ, которые не спрашивали—какая рѣка, глубокая или нѣтъ, но кидались всюду—въ Дунай, такъ въ Дунай, въ Рейнъ, такъ въ Рейнъ, въ Нилъ, такъ въ Нилъ.

20 минутъ боролись эти три человѣка съ волнами рѣки. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила вся абиссинская армія, со-

бравшись на берегу, за подвигомъ русскихъ. И вотъ радостные крики раздались въ рядахъ абиссинцевъ. Громадный флагъ показался на томъ берегу.

Когда такимъ же образомъ приплыли наши казаки обратно, то абиссинцы привѣтствовали ихъ криками: „амбасса-московъ, амбасса!“—то есть—„львы русскіе!“ ([156]).

На рапортѣ полковника Артамонова о переправѣ черезъ Нилъ Государь Императоръ собственноручно написалъ:

„*Молодцы*“

и приказалъ наградить урядниковъ Архипова и Щедрова золотыми медалями съ надписью „за усердіе“ для ношенія на груди на Аннинской лентѣ.

Начался тяжелый обратный путь. Въ отрядѣ дедьязмача Тассамы не было больше хлѣба и его пришлось замѣнять сушенымъ мясомъ. Соли оставался всего маленькій кусокъ и Архиповъ и Щедровъ, памятуя присягу, уступали его своему начальнику. Сапоги были сношены, аммуниція порвалась. Терпя страшныя лишенія, отрядъ медленно пробивался сквозь африканскія дебри къ Аддисъ - Абебѣ, столицѣ Абиссинскаго Государства.

Наконецъ, въ мартѣ мѣсяцѣ 1899 года Архиповъ возвратился изъ своей командировки въ полкъ. Государь Императоръ пожелалъ видѣть Архипова и Щедрова.

27 марта 1899 года Архиповъ и Щедровъ прибыли во дворецъ Государя въ Царскомъ Селѣ. Государь приказалъ ввести ихъ къ нему въ кабинетъ.

Поздоровавшись Государь удостоилъ ихъ милостивыми разспросами объ ихъ службѣ въ Абиссиніи, интересуясь ихъ переправою черезъ Бѣлый Нилъ.

Потомъ Государь Императоръ поблагодарилъ казаковъ за то, что они поддержали честь и славу нашей

Россіи и Тихаго Дона—и собственноручно передалъ каждому казаку знаки отличія св. Анны 4-й степени *съ бантомъ* ([157]).

Въ засѣданіи 15 мая 1899 года Императорское Русское Географическое Общество присудило уряднику Архипову серебряную медаль: „за самоотверженныя услуги, оказанныя имъ полковнику Артамонову во время экспедиціи отъ границъ Эфіопіи къ р. Бѣлому Нилу“.

Урядникъ Архиповъ. Урядникъ Крынинъ. Трубачъ Алифановъ. Урядникъ Деминъ.

Это рѣдкая для казака награда. Обыкновенно ее получаютъ только ученые люди.

Казаки, назначенные въ конвой въ Абиссинію, поддержали былую славу атаманцевъ и заставили еще разъ вспомнить про казачью удаль, сметку и расторопность.

Въ августѣ 1898 года 1 взводъ отъ нашего полка подъ командой есаула Кочетова ходилъ въ Москву для участія въ парадѣ по случаю освященія памятника Императору Александру II.

Взводъ былъ въ пѣшемъ строю и парадировалъ 16 августа въ день освященія въ Кремлѣ передъ памятникомъ.

6 декабря 1897 года нашъ командиръ былъ произведенъ въ генералъ-майоры.

3 октября 1899 года вернулись *въ полкъ* наше старое голубое знамя и бѣлый бунчукъ, хранившіеся съ 1860 года въ войсковомъ областномъ правленіи. По ходатайству полка знамена были присланы въ Петербургъ со смѣнной командой 6 Донской Его Величества батареи для помѣщенія ихъ съ другими полковыми регаліями въ бригадной церкви казачьей бригады. Въ 1 часъ пополудни полкъ построился покоемъ на полковомъ дворѣ. День былъ холодный осенній, моросилъ мелкій дождикъ. Передъ фронтъ были принесены сѣдые отрепанные свидѣтели былой славы полка. Трубачи заиграли полковой маршъ и командиръ полка обнесъ знамена вдоль фронта. Потомъ ихъ внесли въ церковь, окропили святой водой и поставили тамъ на вѣчный покой. Полкъ построился церемоніальнымъ маршемъ и прошелъ мимо командира полка.

Деревня Николаевка. Бараки ([198]).

ГЛАВА XXXIV.

Служба по новому уставу.

Новыя требованія отъ казаковъ.—Постройки въ лагерѣ и въ городѣ.

Генералъ-майоръ Ширма принялъ полкъ въ то время, когда на кавалерію и особенно на казаковъ было обращено серьезное вниманіе. Въ 1895 году въ казачьихъ полкахъ былъ введенъ самостоятельный аллюръ „наметъ", — соотвѣтствующій галопу регулярной кавалеріи. Отъ казаковъ потребовали осмысленнаго маневрированія лавой, чистаго равненія, стройныхъ движеній въ сомкнутомъ строю и полной тишины и вниманія во фронтѣ.

Раньше требовали одного—лихости, мѣткой стрѣльбы да удалой джигитовки и рубки, посадка допускалась разнообразная—лишь бы была крѣпкая, а равненіе и аллюръ требовались приблизительные. Раньше и тишины такой не требовали. Всѣ подсказывали и офицеры, и урядники и старые казаки.

Но съ тѣхъ поръ, какъ гвардейскіе полки развернулись въ 4-хъ-сотенный составъ, съ той поры, какъ полицейская служба казаковъ была уничтожена—отъ казаковъ потребовали точныхъ построеній и тонкой ѣзды.

Устава казачьяго не было. Учились по кавалерійскому уставу. Лаву надо было создать.

Для обученія лавѣ было составлено коммиссіей подъ предсѣдательствомъ командира полка точное наставленіе.

Въ іюлѣ 1898 года послѣ тринадцати лѣтъ первый разъ была въ Красносельскомъ лагерѣ тревога. И нашъ полкъ быстро выскочилъ по звуку трубы и однимъ изъ первыхъ прибылъ на Военное поле.

Стоянка въ деревнѣ Николаевкѣ была неудобна тѣмъ, что поить приходилось изъ единственнаго деревенскаго колодца да изъ маленькой рѣчки, протекавшей въ 1-й верстѣ у деревни Новой. Въ сухое жаркое лѣто рѣчка пересыхала и поить было неоткуда. Еще генералъ Грековъ началъ хлопотать о проведеніи водопровода въ дер. Николаевку изъ Дудергофскихъ озеръ. Хлопоты эти увѣнчались успѣхомъ, но водопроводъ былъ проведенъ лишь лѣтомъ 1896 года въ командованіе генерала Ширма.

Лѣтомъ казаки помѣщались по сараямъ, подъ тонкими жердяными крышами, гдѣ ихъ мочило дождемъ и продувало вѣтромъ. Лагерь тяжело ложился на ихъ здоровье.

Заботами командира полка были возведены въ деревнѣ Николаевкѣ у западнаго выѣзда изъ нея конюшни для всѣхъ сотенъ и бараки для людей полка, построена въ лагерной стоянкѣ баня и на мѣсто сгорѣвшей въ 1896 году кузницы поставлена новая—каменная. Лагерь украсился.

Атаманскій полкъ въ 1900 году.

Казакъ Стариковъ. Сотникъ Яновъ. Штабъ Трубачъ Пятницынъ. Урядникъ Губинъ.
Хорунжій Астаховъ.
Вахмистръ Барышниковъ. Подъесаулъ Грековъ. Сотникъ Карповъ.
Подъесаулъ Сазоновъ. Полковникъ Вершининъ.

При генералѣ Ширмѣ была перестроена въ 1899 году конюшня третьей сотни, выстроенъ обозный сарай и лошади учебной команды выдѣлены въ особую конюшню.

Всюду и вездѣ въ полку кипѣла работа. Сотни обучены на военную ногу и для полнаго совершенства оставалось поработать самимъ станичникамъ—имъ все было дано, они всему были научены. Если они подумаютъ теперь, какъ славенъ и великъ тотъ полкъ, подъ сѣдыми знаменами котораго они служатъ, если вспомнятъ подвиги предковъ своихъ—старыхъ атаманцевъ, съ полнымъ рвеніемъ примутся за строевое дѣло, памятуя, что никто не знаетъ часа, когда придется жизнь свою положить за Вѣру, Царя и Отечество — они всѣ три, четыре года своей блестящей службы посвятятъ скромному, но великому казачьему дѣлу. Надо забыть на это время домашнія радости и заботы—*зрѣть въ части семью, въ командирѣ—отца, въ товарищахъ—братьевъ* и все пойдетъ хорошо, какъ шло милостью Божіей вотъ уже сто двадцать пять лѣтъ.

День казака теперь полонъ. Надо всѣмъ управиться. Залѣнился одинъ—другому за него работать придется...

Старое знамя.

Заключеніе.

Взглянемъ назадъ, подумаемъ о томъ, что мы прочли только что о подвигахъ старыхъ атаманцевъ. Нашъ полкъ съ самаго основанія и до нашихъ дней носилъ голубые цвѣта и гдѣ ни появлялись голубыя наши шапки, тамъ была смерть и побѣда. Наши дѣды любили и холили своихъ лошадей, ѣздили, какъ бы слившись съ конемъ, и не признавали препятствій. Валъ ли, ровъ, плетень, загородки, оврагъ — они скакали смѣло всюду, съ гикомъ атакуя непріятельскіе ряды. Черезъ рѣки нашъ полкъ переплывалъ, не спрашивая, какъ широка рѣка. Вспомнимъ, какъ бросился въ Дунайскія волны сотникъ Яновскій и переловилъ уходившихъ на лодкахъ турокъ, или какъ запоздавшій офицеръ пере-

плылъ черезъ Нѣманъ, или какъ въ наши дни урядникъ Архиповъ переплылъ рѣку Бѣлый Нилъ. Славно дѣйствовали наши станичники и лавой и она была нашимъ любимымъ строемъ. Чуть появились французскіе или турецкіе эскадроны, глядишь— далеко по полю разсѣялись казаки и дразнятъ и изводятъ врага удалой своей лавой. Наши дѣды не спрашивали—„*сколько*“ непріятеля, а спрашивали только „*гдѣ*“—и неслись туда, страшные своимъ натискомъ. Помните, какъ есаулъ Мельниковъ опрокинулъ съ пятнадцатью казаками 300 турецкихъ всадниковъ. Прятался непріятель въ деревни, или лѣса, стоялъ за непроходимымъ болотомъ — атаманцы лихо соскакивали съ лошадей и выбивали его огнемъ. Хорошо стрѣляли наши дѣды и отцы. Даромъ, что кремневыя ружья были у нихъ, или пистонные карабины, которые только на 100 шаговъ попадали — они подходили на сто и били врага съ близкой дистанціи. И никогда не боялись они смерти. Въ 1812 году ихъ выступило больше тысячи, а вернулось меньше ста, но эти убитые и раненые атаманцы кровью заслужили георгіевскій штандартъ нашъ съ надписью: „за отличіе въ войну съ французами“.

Когда вы увидите этотъ штандартъ передъ строемъ, вспомните, какою цѣною достался онъ нашему полку, и старайтесь быть достойными своихъ предковъ.

Нашъ полкъ при основаніи своемъ былъ армейскимъ выборнымъ полкомъ. Лучшіе люди изъ станицъ шли служить въ немъ, одѣвались атаманцы щеголями и въ мирное время были такими бравыми, такими молодцами, что обращали на себя всеобщее вниманіе. Черезъ тридцать восемь лѣтъ своего существованія нашъ полкъ уже заслужилъ себѣ георгіевское знамя, черезъ 52 года былъ пожалованъ шефомъ, храбростью, мужествомъ и лихостью

своею пріобрѣлъ себѣ права сначала молодой, а потомъ и старой гвардіи.

Каждый казакъ проникался любовью и уваженіемъ къ полку и служилъ съ полнымъ усердіемъ, помня, что по его поведенію, по его службѣ будутъ судить обо всемъ Атаманскомъ полку, о его славномъ имени.

Заслужить его было трудно. Сколько казаковъ пожертвовало жизнью и здоровьемъ своимъ, чтобы дать славу полку, а одинъ напился, или неряшливо одѣлся и про весь полкъ пошла худая молва. Вѣдь никто не скажетъ—„такой-то прошелъ грязно одѣтый, или пьяный", а всѣ скажутъ—„эхъ, атаманецъ-то каковъ!" Стыдно будетъ полку! А какъ стыдно тому, кто такъ себя худо повелъ. Вѣдь онъ полкъ свой, Атаманскій, замаралъ и запятналъ!

А онъ великъ, нашъ славный Атаманскій полкъ. Подумайте, гдѣ было его имя, взгляните на карту! Оно пронеслось, страшное и славное, черезъ всю Европу, было оно въ нѣмецкихъ, французскихъ, польскихъ и турецкихъ земляхъ, побывало наше имя въ далекой и жаркой Африкѣ, гдѣ Императоръ черныхъ христіанъ съ уваженіемъ говорилъ объ атаманцахъ. Нашу голубую атаманскую форму знаютъ въ Парижѣ, въ Берлинѣ, насъ уважаютъ и насъ боятся.

Полюбимъ же и мы нашъ лихой Атаманскій полкъ такъ, какъ любили его наши дѣды и отцы, послужимъ ему хорошенько, будемъ лелѣять нашу старую славу, какъ мать лелѣетъ сына, будемъ беречь дорогой нашъ мундиръ и, если Богъ дастъ, и намъ, какъ нашимъ предкамъ, придется грудь съ грудью столкнуться съ врагомъ, то пусть наши пики и наши шашки, пусть трехлинейныя наши винтовки оставятъ по себѣ грозную славу! Заслужимъ милостивое слово Государево, не пожалѣемъ жизни,

чтобы получить георгіевскія трубы полку, чтобы и намъ прославить полкъ, какъ возвеличили его старые атаманцы. Не пожалѣемъ ничего, ни даже самой жизни, за честь и славу Л.-Гв. Атаманскаго полка!

А пока миръ, будемъ готовиться къ войнѣ, потому что если хочешь мира — будь страшенъ врагу своими войсками: онъ не посмѣетъ тогда напасть. Будемъ стараться на ученьяхъ и смотрахъ, на стрѣльбѣ и джигитовкѣ быть молодцами. Будемъ съ презрѣніемъ смотрѣть на препятствія, будемъ любить свое лихое казачье дѣло и помнить, что на насъ лежитъ священная обязанность защиты Государя и Отечества, что за нашими спинами живутъ и работаютъ наши братья, наши отцы, наши матери и жены. И будемъ мы храбрыми, лихими и ловкими, будемъ мы хорошими казаками и никто не посмѣетъ напасть на наше государство, никто не посмѣетъ помѣшать нашимъ мирнымъ работамъ, а распустимся, залѣнимся и сами погибнемъ и тѣхъ, кто намъ дорогъ, погубимъ!

Будемъ же любить нашъ дорогой славный атаманскій мундиръ, будемъ стараться быть такими храбрыми, какъ урядникъ Александринъ, такими лихими наѣздниками, какъ былъ Пимкинъ, такими смѣлыми пловцами, какъ сотникъ Яновскій съ товарищами; будемъ презирать деньги, какъ презиралъ ихъ нашъ казакъ Чернишниковъ, а на смотрахъ передъ лицомъ Государевымъ будемъ такими молодцами, какъ тѣ наши товарищи, про которыхъ Государь Императоръ Николай Павловичъ сказалъ: „это моя идеальная бригада!“

„Чудо богатыри! Непріятель отъ васъ дрожитъ! Да есть непріятели и больше: проклятая немогузнайка, намека, догадка, лживка, лукавка, краснословка, кроткомолвка, двуличка, вѣж-

ливка, безтолковка... Стыдно сказать! Отъ немогузнайки много, много бѣды!“ ([158]).

Такъ училъ сто лѣтъ тому назадъ Суворовъ солдатъ и казаковъ. Послѣдуемъ его совѣту—будемъ стараться все узнавать, будемъ правдивы, толковы и смѣлы.

Прочтемъ про подвиги нашего полка, запомнимъ ихъ и возьмемъ въ примѣръ нашихъ старыхъ героевъ атаманцевъ.

П. Красновъ.

С.-Петербургъ,
6 дек. 1899 г.

КОМАНДИРЫ

Л.-Гвардіи Атаманскаго Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника полка съ 1775 по 1900 годъ.

---

1. **Полковникъ Дячкинъ** съ 5 мая 1775 года по . . .

2. **Полковникъ Степанъ Дмитріевичъ Иловайскій** въ 1801 году.

3. **Майоръ Степанъ Ѳедоровичъ Балабинъ** съ 1806 по декабрь 1812 г.

4. **Подполковникъ графъ Иванъ Матвѣевичъ Платовъ** съ марта 1813 года по 6 іюня 1813 года.

5. **Полковникъ Грековъ 18** съ 6 іюня 1813 г. по 1819 г.

6. **Полковникъ Кирсановъ** съ 1819 г. по 21 января 1827 г.

7. **Подполковникъ Захаръ Спиридоновичъ Катасановъ** съ 21 января 1827 г. по 31 декабря 1828 года.

8. **Полковникъ Михаилъ Михайловичъ Кузнецовъ** съ 31 декабря 1828 года по 4 февраля 1842 г.

9. **Генералъ-майоръ Александръ Петровичъ Яновъ** съ 4 февраля 1842 года по 9 сентября 1848 года.

10. **Генералъ-майоръ Виссаріонъ Ивановичъ Андріяновъ** съ 9 сентября по 17 ноября 1848 года.

11. **Генералъ-майоръ Афанасій Акимовичъ Карповъ** съ 17 ноября 1848 года по 14 апрѣля 1856 года.

12. **Полковникъ Дмитрій Ивановичъ Жировъ** съ 16 апрѣля 1856 года по 1 января 1866 года.

13. **Полковникъ Викторъ Алексѣевичъ Родіоновъ** съ 1 января 1866 года по 2 декабря 1869 года.

14. **Генералъ-майоръ Николай Петровичъ Яновъ** съ 10 февраля 1870 года по 31 августа 1875 года.

15. **Полковникъ Андрей Дмитріевичъ Мартыновъ** съ 31 августа 1875 года по 29 апрѣля 1883 года.

16. **Генералъ-майоръ Алексѣй Петровичъ Короченцовъ** съ 15 мая 1883 года по 13 октября 1886 года.

17. **Полковникъ Митрофанъ Ильичъ Грековъ** съ 3 декабря 1886 года по 9 декабря 1893 года.

18. **Генералъ-майоръ Ипполитъ Апполоновичъ Поздѣевъ** съ 17 декабря 1893 года по 17 февраля 1896 года.

19. **Полковникъ Константинъ Антоновичъ Ширма** съ 21 февраля 1896 года.

МАТЕРЬЯЛЫ,

послужившіе основаніемъ къ составленію краткой исторіи Л.-Гв. Атаманскаго Е. И. В. Г. Н. Ц. полка.

---

(1) *В. Броневскій.* Исторія войска Донского. СПБ. 1834.

Н. И. Красновъ. Матерьялы для Географіи и Статистики Россіи. Земля войска Донского. СПБ. 1863.

(2) *Н. Дубровинъ.* Пугачевъ и его сообщники, стр. 112—115.

(3) Тамъ же, стр. 115.

(4) Изъ переписки Потемкина съ Иловайскимъ, находящейся въ семейномъ архивѣ. В. А. Родіонова. Копіи найдены въ бумагахъ И. А. Андреева.

(5) *И. А. Андреевъ.* Какъ возникъ Л.-Гв. Атаманскій полкъ. Рукопись.

(6) Надпись ген. С. С. Николаева на отношеніи Штаба Гвард. Корп. 5-го іюня 1832 г. № 2405.

(7) Описаніе мундировъ и строевого убранства 1774 г., находящееся (въ рукописи) въ собственной библіотекѣ Его Императорскаго Величества.

(8) Записки Донского Атамана А. К. Денисова. Русская Старина. Т. X. 1874 г.

(9) *В. Броневскій.* Исторія войска Донского. Стр. 154. Часть II.

(10) Краткій очеркъ исторіи Атаманскаго полка. И. А. Андреева.

(11) Тамъ же.

(12) А. *Филоновъ.* Оренбургскій походъ. Донскія Войсковыя Вѣдомости. 1859 г. №№ 1, 2 и 3.

(13) Полное Собраніе Законовъ. Т. XXVII. № 20436.

(14) Секретныя донесенія военно-походной канцеляріи 1806—1807. Въ бумагахъ Андреева.

(15) Полное Собр. Зак. Рос. Имп. Т. XLIV, стр. 58. № 12983.

(16) Записки Ѳ. Булгарина. Т. III, стр. 190—191.

(17) *Чуйкевичъ.* Подвиги казаковъ въ Пруссіи СПБ. 1810 г.

(18) Тамъ же.

(19) Атаманцы въ Пруссіи. И. Андреева. Стр. 38 и С.-Петербургскія Вѣдомости за 1807 и за 1808 годы.

(20) Дополненіе къ военному Журналу 1809 г. В. Уч. Арх. Гл. Шт. №№ 1377 и 1378 и С.-Петербургскія Вѣдомости 1810 г. № 1.

(21) Журналъ военныхъ дѣйствій Молдавской Арміи 1809 г. В. Уч. Арх. Гл. Шт. № 1376.

(22) Журналъ военныхъ дѣйствій въ Болгаріи. авангарда подъ командой генерала Платова съ 29 іюня по 24 окт. В. Учен. Арх. Гл. Шт. № 1379.

(23) Рапортъ Платова 27 іюня 1812 г. № 61 Военно - Ученый Арх. Гл. Шт. № 1835.

(24) Дѣло о наградахъ 1812 года. Бумаги П. А. Андреева и рапортъ Платова Г. Барклаю де Толли, № 110. Изъ Бумагъ генерала Михайловскаго Данилевскаго. В. Учен. Арх. Гл. Шт. № 1835.

(25) Бородино. М. Ю. Лермонтова.

(26) В. Учен. Архивъ. Гл. Шт. № 1987. Планъ лагеря Платова при с. Холмѣ 31 іюля.

(27) *Г. М. Богдановичъ.* Исторія отечественной войны 1812 года. Ч. I и II СПБ. 1859 г.

(28) Рапортъ Платова о Бородинѣ. Военно-Учен. Архивъ. № 1835.

(29) Записки Ѳедота Иван. Савельева. Донскія Вѣдомости 1873 г. № 22.

(30) Донесеніе о Тарутинѣ и Наградныя дѣла. Бумаги П. А. Андреева.

(31) *Броневскій.* Исторія Войска Донского. Ч. II. стр. 205 и послужной списокъ полковника Хрисанфа Ив. Кирсанова.

(32) *Смирнаго.* Жизнь и подвиги гр. Матв. Ивановича Платова. Т. I, стр. 239—240.

(33) Дѣло о военныхъ дѣйствіяхъ въ Генварѣ, Февралѣ и Мартѣ мѣсяцѣ 1813 г. В. Учен. Архивъ. № 2056.

(34) *А. Пивоваровъ.* Донскія казачьи пѣсни. Стр. 105.

(35) Главн. Шт. Военно-Ученый Архивъ. № 2057.

(36) Московск. Архивъ. Наградныя дѣла за 1812—13 и 14 г. Связка 14, дѣло 4.

(37) Рапортъ Г. М. Ланского гр. Витгенштейну № 923. В. Уч. Арх. Гл. Шт. Дѣло № 2061.

(38) Моск. Арх. Наградн. дѣла 1812—13 и 14 г. Св. 14, дѣло 9.

(39) Главн. Шт. Военно-Учен. Арх. № 2057.

(40) Моск. Арх. Наградн. дѣла 1812—13 и 14 г. Св. 8, дѣло № 93.

(41) Моск. Арх. Наградн. дѣла 1812—13 и 14 г. Св. 8. дѣло № 98.

(42) *Г. Л. Богдановичъ.* Исторія войны 1814 года.

(43) Разсказъ Вас. Мих. Самохоткина. Донскія Вѣдомости 1873 г. № 30.

(44) Моск. Арх. Наградн. дѣла 1812—13 и 14 г. Связка 6 2, № 44.

(45) Предписаніе Войсковаго Атамана гр. Платова Наказному Атаману Иловайскому 5, 30 апрѣля 1816 года.

(46) Празднество въ гор. Кременчугѣ войска Донскаго Атаманскаго полка, описанное самовидцемъ въ 1816 г. Царское Село. 20 іюля 1816 г. сообщилъ генералъ лейтенантъ Р. А. Хрещатицкій.

(47) Полное собраніе Законовъ Рос. Имп. Т. XLIV. Стр. 102. № 26002 и предписаніе Войсковаго Атамана гр. Платова къ командиру Атаманскаго полка генералъ майору Грекову 18, отъ 11 окт. 1816 г.

(48) Донскія Войсковыя Вѣдомости. 1852 г. № 32.

(49) „Казаки-ветераны". Казакъ Данило Абрамовичъ Котельниковъ Донскія Войсковыя Вѣдомости 1871 г. № 66.

(50) А. *Леоновъ*. Статья въ Донскихъ Войсков. Вѣдом. 1856 г. № 15.

(51) Записки Вас. Мих. Самохоткина. Донскія Вѣдом. 1873 г. №№ 28—30.

(52) Статья И. К. Донскія Вѣдомости 1865 г. № 24.

(53) Записки Петра Мих. Чеботарева.

(54) Полн. Собр. Зак. Рос. Имп. Т. XLIV. Стр. 137. № 17990.

(55) Записки Атамана А. К. Денисова. Русская Старина 1875 г. Стр. 474—475.

(56) *Н. И. Красновъ*. Атаманъ А. В. Иловайскій. Русская Старина 1875 г. Стр. 718.

(57) Сообщеніе Начальника Главнаго Штаба Предсѣдателю Комитета объ устройствѣ Войска Донского ген.-ад. Чернышеву 3 мая 1822 г.

(58) Исторія Л.-Гв. Казачьяго Е. В. полка. СПБ. 1876 г. Стр. 329.

(59) Курсъ Артиллеріи. С. Будаевскаго. СПБ. 1891 г. Ч. II, стр. 298.

(60) Собраніе Законовъ и Постановленій. 1827 г. Кн. I, стр. 3.

(61) Тамъ же. Кн. III, стр. 17.

(62) *Лукьяновичъ*. Описаніе Турецкой войны 1828—29 годовъ.

(63) Записки И. А. Андреева.

(64) Изъ бумагъ генерала Алексѣя Акимовича Карпова. Сообщилъ И. А. Андреевъ.

(65) Диспозиція 16 іюля 1828 г. при Буланѣ. № 42. Полков. Арх.

(66) Вѣдомость Атаманскаго Е. И. В. Н. полка о числѣ: убитыхъ, умершихъ отъ ранъ и безъ вѣсти пропавшихъ въ послѣднюю турецкую войну оберъ-офицеровъ и казаковъ, а также раненыхъ. Полков. Арх.

(67) Собраніе Законовъ и Постановленій. 1829 г. Стр. 233.

(68) Тамъ же. Кн. III, стр. 127.

(69) Дѣло III Отдѣл. Инспекторскаго Департамента Гл. Шт. 1828 г. № 861.

(70) Журналъ Атаманскаго Е. И. В. Нас. Цес. полка по кордонной линіи. 1829—1830 г. Полков. Арх.

(71) Дѣло по рапорту командира Атаманскаго полка полковника Кузнецова о испрошеніи позволенія у Г. Г. Адъют. гр. Воронцова отправить на Донъ вышедшихъ изъ плѣна казаковъ Афанасія Полубѣдова съ товарищи. На 11 листахъ. 15 янв.—5 февр. 1830 г. Полков. Архивъ.

(72) *Пивоваровъ*. Донскія казачьи пѣсни. Новочеркасскъ. 1885 г. Стр. 132.

(73) Полное Собр. Законовъ. Т. IV, стр. 5005.

(74) *А. Пивоваровъ*. Донскія казачьи пѣсни. Новочеркасскъ. 1885 г. Стр. 116—117.

(75) Дѣло о разныхъ предметахъ кампаніи 1831 года съ польскими мятежниками на 497 стр. Полк. Арх.

(76) Исходящій журналъ за 1831 г. Полк. Арх.

(77) Рапортъ хорунжаго Грекова I № 2 отъ 24 іюня 1831 г. и списки. Полк. Арх.

(78) Приказъ по арміи 1831 г. № 404. Изъ бумагъ Андреева.

(79) Рапортъ графа Паскевича Эриванскаго о Штурмѣ Варшавы. Печат. Варшава. 1831 г. Библіот. Гл. Шт.

(80) Приказъ по арміи 1831 г. №№ 530 и 551. Изъ бумагъ И. А. Андреева.

(81) Списокъ нижнимъ чинамъ Л.-Гв. Атаманскаго Е. И. В. Г. Н. Ц. полка, пожалованнымъ знакомъ отличія Военнаго Ордена за войну 1831 г. съ польскими мятежниками. Изъ бумагъ И. А. Андреева.

(82) Дѣло о медаляхъ за усмиреніе польскаго мятежа 1831 г. Полк. Арх.

(83) Высочайшій приказъ 6 декабря 1831 г.

(84) Приказъ по отдѣльному Гвардейскому корпусу 10 янв. 1832. № 4.

(85) Высочайшій приказъ 25 іюня 1831 г.

(86) Высочай. утв. положеніе объ управленіи Донскимъ войскомъ. Прил. къ наказу Гражд. Упр. Войскомъ. Ч. I. Лит. 3, стр. 282 и 283.

(87) Дѣла льготныхъ дивизіоновъ за 1832 г. Полк. Арх.

(88) Исторія Л.-Гв. Казачьяго Е. В. полка.

(89) *А. Пивовировъ.* Донскія казачьи пѣсни. Новочеркасскъ. 1885 г. Стр. 144.

(90) Приказъ по отдѣльному Гвардейскому корпусу 10 іюня 1833 года № 89.

(91) Отношеніе Военнаго Министра Его Импер. Высоч. Командиру Отд. Гвард. Корпуса отъ 2 мая 1834 г. за № 3078.

(92) Собр. Законовъ и Постановленій 1836 г. Кн. IV, стр. 25. 1837 г. Кн. I, стр. 29 и кн. 3, стр. 47.

(93) Дѣло о содержаніи караула въ Таганрогскомъ Дворцѣ. 1836 г. Полк. Арх.

(94) NN. Императоръ Николай Павловичъ на Дону 1837 г. Русская Старина 1875 г.

(95) Собраніе Законовъ и Постановленій 1838 г. Кн. 2, стр. 413—422.

(96) Дѣло полковой канцеляріи Л.-Гв. Казачьяго полка 1841 г. № 117. Полк. Арх

(97) Атаманъ М. Г. Власовъ, статья N. Русская Старина 1875 г. Т. XIII, іюнь

(98) Полное Собраніе Законовъ 1841 г. 19 августа 1841 г. № 14813.

(99) Высочайшій приказъ 11 февраля 1842 г.

(100) Дѣло полковой канцеляріи Л.-Гв. Казачьяго полка 1843 г. № 123.

(101) Приказы Военнаго Министра 1844 г. №№ 1 и 69.

(102) Приказъ Военнаго Министра 1845 г. № 66.

(103) Приказы по льготнымъ дивизіонамъ 1840—1853. Полк. Арх.

(104) Послужные списки казаковъ Атаманскаго полка. 1840—1853. Полк. Арх.

(105) Исторія Л.-Гв. Казачьяго Его Величества полка СПБ. 1876. Глава XIV.

(106) Записана въ 3-мъ эскадронѣ Л.-Гв. Атаманскаго полка въ 1889 году.

(107) Приказы по полку и Исходящій журналъ за 1848—1849 г.г. Полк. Арх.

(108) Исторія Л.-Гв. Казачьяго Его Величества полка СПБ. 1876 стр. 438—439.

(109) *М. Драгомировъ.* Учебникъ Тактики. СПБ. 1881 г. стр. 159.

(110) Исторія Л.-Гв. Казачьяго Его Величества полка. СПБ. 1876 г., стр. 444.

(111) Тамъ же. Стр. 446, 447, 448.

(112) Сообщ. городской архитекторъ города С.-Петербурга гр. де-Сюзоръ въ 1899

(113) Сообщ. Ген.-Майоръ Митроф. Ильичъ Грековъ въ 1899 г.

(114) Прик. по В. Вѣд. 1850 г. № 18.

(115) Исторія Л.-Гв. Казачьяго Е. В. полка. СПБ. 1876, стр. 457—458.

(116) Прик. по В. Вѣд. 1851 г. № 6.

(117) Дѣло полковой канцеляріи Л.-Гв. Казачьяго п. 1853 г. № 51.

(118) Приказная книга 1854—1855 г. Полк. Арх.

(119) Исторія Л.-Гв. Казачьяго Е. В. полка. СПБ. 1876 стр. 467.

(120) Приказная книга 1856 г. Полков. Арх.

(121) Послужной списокъ Генералъ-Лейтенанта Дм. Ив. Жирова. Въ бумагахъ И. А. Андреева.

(122) Приказъ Воен. Министра 8 сент. 1859 г. № 219.

(123) Высочайшее повелѣніе 6 декабря 1859 г. Полн. Соб. Зак., ст. 35. 193.

(124) Высочайшій приказъ 8 сент. 1860 г.

(125) Дѣло полковой канцеляріи Л.-Гв. Сводно-Казачьяго п. 1860 г. № 52 Полк. Арх.

(126) Дѣло Л.-Гв. Атаманскаго Его Высочества полка. 1861. № 301. Полк. Арх.

(127) Списки офицеровъ 1827—1899. Полков. Архивъ.

(128) Прик. по В. Вѣд. 2 марта 1862 г. № 45.

(129) Прик. по Войску Донскому 20 декабря 1865 г. № 18.

(130) Приказная книга 1863 г. Полк. Архивъ.

(131) Журналъ военныхъ дѣйствій Л.-Гв. Атаманскаго полка въ 1863 г. Изъ бумагъ И. А. Андреева.

(132) *Ковалевскій.* Походъ Лейбъ-Гвардіи Драгунскаго полка въ Польшу въ 1863. Библіот. Гл. Шт.

(133) Высочайшіе приказы 1863 г. 31 авг. и 24 ноября.

(134) Приказъ Военнаго Министра 1866 г. № 353.

(135) Русскій Инвалидъ 1870 г.

(136) Приказы по Л.-Гв. Сводно-Казачьему полку 1863—1875. Полк. Арх.

(137) Прик. по Воен. Вѣд. 1864 № 139 и 1867 г. № 3 и 246.

(138) Приказы по Л.-Гв. Сводно-Казачьему полку 1866. Арх. Л.-Гв. Каз. п.

(139) Донскія Вѣдомости. 1869 г. № 36.

(140) Исторія Л.-Гв. Казачьяго Его Величества полка. Стр. 496 и 498.

(141) Прик. по Воен. Вѣд. 1875 г. № 112. „Уставъ о воинской повинности Донского Казачьяго войска“.

(142) Исторія Л.-Гв. Казачьяго Е. В. полка стр. 506—522.

(143) Прик. по Воен. Вѣд. 1875 г. № 241.

(144) Л.-Гв. Атаманскій Его Выс. Насл. Цес. полкъ въ войну 1877 — 1878 г.г. Сост. хорунжій Пивоваровъ.

(145) Приказы по льготнымъ дивизіонамъ 1877 г. Полк. Арх.

(146) Сынъ Отечества 1878 г. № 282.

(147) Казачій Вѣстникъ 1883 г. № 53.

(148) Приказы по Л.-Гв. Сводно-Казачьему полку 1880, 1881 и 1882 годы. Архивъ Л.-Гв. Казачьяго полка.

(149) Прик. по Воен. Вѣд. 1882 г. № 121.

(150) Прик. по Л.-Гв. Сводно-Казачьему полку за 1879 — 1883 г. Архивъ Л.-Гв. Каз. п.

(151) Дѣло льготныхъ дивизіоновъ 1880 г. Полк. Арх.

(152) Приказы по Л.-Гв. Атаманскому полку за 1883—1886 г. Полк. Арх.

(153) Прик. по В. Вѣд. 1885 г. № 201.

(154) Высоч. Приказъ 19 марта 1891 г.

(155) Отношеніе Шт. Гв. Корп. 1897 г. № 6571, и 1898 г. въ Шт. дивизіи № 310.

(156) Русскіе въ Абиссиніи. Русскій Инв. 1899 г. № 248.

(157) По разсказу урядника Архипова.

(158) Суворовскія изреченія.

(159) А именно: Кавалергардскаго полка: корнеты Извольскій и Берновъ и поручики Кушелевъ и Пантелѣевъ и Кирасирскаго Его Величества п. корнетъ Савичъ.

РИСУНКИ.

(162) Портретъ взятъ изъ „Историческаго описанія вооруженія и снаряженія Россійскихъ войскъ". Висковатова. Ч. IV. № 1.

(163) Истор. опис. вооруж. и сн. Рос. войскъ. Висковатова. Ч. VI. № 805.

(164) Тамъ же. Ч. XVIII. № 2430.

(165) Фотографія есаула Ив. Ив. Каменнова 1886—94.

(166) Тоже.

(167) Тоже.

(168) Съ картины П. Гесса, помѣщенной въ Зимнемъ Дворцѣ въ С.-Петерб.

(169) Съ портрета, подареннаго полку ген.-маіоромъ Митрофаномъ Ильичемъ Грековымъ и находящагося въ офицерскомъ собраніи.

(170) Съ картины проф. Виллевальде, находящейся въ Зимнемъ Дворцѣ въ С.-Петербургѣ.

(171) Фотографія хорунжаго Астахова. 1899 г.

(172) Историческое описаніе вооруженія и снаряженія Россійскихъ войскъ Висковатова. Ч. XVIII. № 2439. Библіотека Главнаго Штаба.

(173) Тамъ же. Ч. XVIII. № 2499.

(174) Тамъ же. Ч. XVIII. № 2499.

(175) Тамъ же. Ч. XVIII. № 2442.

(176) Тамъ же. Ч. XXIX. № 1093.

(177) По фотографіи есаула Ив. Ив. Каменнова, снятой въ Красномъ Селѣ въ 1886 г.

(178) По фотографіи хорунжаго Астахова, снятой на маневрахъ подъ Краснымъ Селомъ въ 1899 году.

(179) По фотографіи есаула Ив. Ив. Каменнова.

(180) Съ современной гравюры, находящейся у сотника Т. В. Михайлова.

(181) Историческое описаніе вооруженія и снаряженія Россійскихъ войскъ. Висковатова Ч. XXIX № 1099.

(182) Тамъ же. Ч. XXIX. № 1097.

(183) Тамъ же. Ч. XXIX. № 1078.

(184) Тамъ же. Ч. XXIX. № 1109.

(185) Тамъ же. Ч. XXIX. № 1105.

(186) Картины Ladurner'a. Офицерское собраніе полка.

(187) Историческое описаніе вооруженія и снаряженія Россійскихъ войскъ. Висковатова. Ч. XXIX № 1092.

(188) Фотографія, снятая есауломъ Ив. Ив. Каменновымъ въ 1886 г.

(189) По современной гравюрѣ. Оригиналъ въ собраніи полка.

(190) Тоже.

(191) Рисунокъ сотника Тим. Вас. Михайлова по фотографіи.

(192) Съ картины „Встрѣча" Мазуровскаго, помѣщенной въ № 6 журнала „Отдыхъ" за 1900 г. (апрѣль).

(193) Съ картины Г. Бакмансона, находящейся въ Помпеевской галлереѣ въ Зимнемъ Дворцѣ.

(194) По рисунку сотника Тим. Вас. Михайлова.

(195) По фотографіи хорунжаго А. А. Астахова, снятой на маневрахъ 1899 г

(196) По фотографіи хорунжаго А. А. Астахова, снятой въ 1899 году.

(197) Тоже.

(198) Тоже.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Шефы Л.-Гв. Атаманскаго полка VII

Прохожденіе службы Л.-Гв. Атаманскаго Е. И. В. Н. Ц. П. IX

Глава I. **Прошлое донскихъ казаковъ.** Мѣста, гдѣ жили казаки.—Татары.—Кто такіе казаки.—Жизнь старыхъ донцовъ.—Поиски за добычей.—Присяга русскому государю.—Казачьи полки.—Земледѣліе на Дону.—Образованіе другихъ войскъ 1

Глава II. **Основаніе Атаманскаго полка.** Сотная команда атамана Ефремова.—Безпорядки въ Черкасскѣ.—Образованіе Атаманскаго полка.—Его устройство.—Форма одежды.—Жизнь въ Черкасскѣ.—Занятія 6

Глава III. **Первые походы.** Первые походы.—Оренбургскій походъ на Индію 1801 г. Увеличеніе числа сотенъ 12

Глава IV. **Атаманцы въ Пруссіи въ 1807 г.** Походъ въ Пруссію.—Новая форма одежды.—Дѣло у дер. Гронау.—Отношеніе атаманцевъ къ хозяевамъ нѣмцамъ и къ французамъ.—Сраженіе подъ Ортельсбургомъ.—Неисправные казаки выручаютъ полкъ при Едвабно.—Удальство атаманскаго офицера.—Награды. 16

Глава V. **Противъ турокъ въ 1809 году.** Походъ въ Молдавію.—Дѣло подъ Рассеватомъ.—Подвигъ сотника Яновскаго.—Подвигъ есаула Мельникова въ разъѣздѣ. — Тартарицкое сраженіе. — Осада Силистріи. — Возвращеніе на Донъ 24

Глава VI. **Атаманцы задерживаютъ французовъ, наступающихъ къ Москвѣ.** Походъ къ Гродно.—Отступленіе.—Дѣло у мѣстечка Миръ.—Подъ Молевымъ Болотомъ.—Пріѣздъ Кутузова.—Къ Бородинскому полю. 29

Глава VII. **Атаманцы выгоняютъ французовъ изъ Россіи.** Бородинскій бой.—Въ лагерѣ подъ Москвой.—Сраженіе на р. Чернишнѣ.—Атаманцы гонятъ Наполеона.—Безкорыстіе казаковъ.—Пожертвованіе серебра на церкви.—Переходъ черезъ границу. 34

Глава VIII. **Черезъ Пруссію къ французской границѣ.** Новое укомплектованіе полка.—Командующій полкомъ гр. Платовъ и его заботы объ обмундированіи казаковъ.—Сраженіе подъ Люценомъ.—Подвигъ урядника Александрина.—Участіе полка въ бою подъ Лейпцигомъ.—Черезъ французскую границу 44

Глава IX. **Къ стѣнамъ Парижа.** Положеніе Франціи къ началу войны 1814 года.—Дѣло у Эпиналя.—Штурмъ крѣпости въ конномъ строю.—Какъ добывали языка.—Дѣла подъ Арсисомъ и Феръ-Шампенуазомъ.—Атаманцы въ Парижѣ 52

Стр.

Глава X. **Пожалованіе полку георгіевскихъ знамени и бунчука.** Заботы командира полка объ обмундированіи.—Пожалованіе полка георгіевскими знаменемъ и бунчукомъ.—Торжество прибивки ихъ.—Приказъ и предписаніе гр. Платова. 63

Глава XI. **Мирные годы.** Служба въ Новочеркасскѣ.—Пѣсенники полка.—Служба урядниковъ.—Производство въ офицеры.—Ученья.—Похороны атамана Платова.—Атаманцы усмиряютъ крестьянъ.—Похороны Императора Александра I.—Участіе въ войсковыхъ кругахъ. 70

Глава XII. **Казачій Наслѣдника полкъ.** Вооруженіе и снаряженіе атаманцевъ.—Пожалованіе Атаманскаго полка Шефомъ.—Рескриптъ 20 октября 1827 года 77

Глава XIII. **Участіе полка въ войнѣ съ турками 1828 года.** Причины войны съ Турціей.—Что дѣлалъ полкъ во время осады крѣпостей.—Дѣло подъ г. Галацомъ.—Стихи, присланные Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Атаманскому полку.—Набрежное донесеніе хорунжаго Попова.—Какъ загладили его атаманцы.—Потери полка въ время войны. 83

Глава XIV. **Первая постройка мундирной одежды за счетъ казны.** Перемѣна формы.—Смотръ полка полковникомъ Золотаревымъ.—Недостатки въ одеждѣ.—Пожалованіе Государемъ 25000 рублей на постройку обмундированія. 91

Глава XV. **Противъ чумы.** На аванпостахъ по Днѣстру.—Устройство постовъ.—Холодъ и лишеніе.—Прибытіе Атаманскихъ казаковъ изъ плѣна.—Назначеніе одной сотни на службу въ Петербургъ 95

Глава XVI. **На взбунтовавшихся поляковъ.** Какъ взбунтовались поляки.—Мѣстность, на которой приходилось дѣйствовать.—Подвигъ хорунжаго Кузнецова у Гарболино.—Дѣла у Куфлево и Сарочино.—Плѣненная застава 3-й сотни.—Дѣла у Маціоржицъ и подъ Варшавой 100

Глава XVII. **„За Варшаву 25 и 26 августа 1831“.** Штурмъ города Варшавы.—Атаманцы первыми входятъ въ Варшаву, выкинувшую бѣлый флагъ.—Отличіе на шапки.—Командированіе двухъ сотенъ въ Петербургъ.—Переименованіе сотенъ въ эскадроны 109

Глава XVIII. **Петербургская служба.** Прикомандированіе къ гвардейскому корпусу.—Перемѣна формы.—Походъ въ Петербургъ.—Разъѣзды по городу.—Маневры.—Случай съ молодымъ казакомъ.—Полковой праздникъ.—Перемѣна формы. — Посѣщеніе Дона Императоромъ Николаемъ Павловичемъ.—Свадьба Наслѣдника Цесаревича.—Ходатайство атамана М. Г. Власова.—Прибавка содержанія.—Переименованіе чиновъ въ регулярные. 114

Глава XIX. **Служба въ Варшавѣ.** Николаевскіе казаки. — Походъ подъ Варшаву.—Смотръ казачьей бригады на Лазенковскомъ полѣ. 129

Глава XX. **На охранѣ Петербурга отъ англійскаго флота.** Постройка казармъ.—Новый панталеръ.—Посѣщеніе Дона Наслѣдникомъ Цесаревичемъ.—Походъ въ Польшу, а потомъ къ Выборгу.—Лѣто на аванпостахъ на берегу моря.—Кончина Государя Николая Павловича.—Новый шефъ полка.—

Стр.

Перемѣна формы.—Участіе въ торжествахъ по случаю коронованія Императора Александра Николаевича.—Сокращеніе срока службы. 142

Глава XXI. **Лейбъ-Гвардіи Атаманскій полкъ.** Пожалованіе полка въ молодую гвардію.—Увеличеніе содержанія офицерамъ.—Пожалованіе полку георгіевскаго штандарта.—Отвозъ стараго знамени въ Новочеркасскъ. 152

Глава XXII. **Передъ походомъ.** Образованіе офицеровъ Л.-Гв. Атаманскаго полка.—Перемѣна формы.—Постройка церкви.—Смотръ полка передъ походомъ въ Польшу. 157

Глава XXIII. **Усмиреніе польскаго мятежа въ 1863 году.** Начало мятежа. — Вооруженіе мятежниковъ и ихъ дѣйствія. — Прибытіе дивизіона въ Вильно.—Подвигъ корнета Грекова у Свѣнцяны. — Дѣло ротмистра Крюкова въ Бельбежскомъ лѣсу. — Дѣло подполковника Курнакова у мызы Баяны.—Прибытіе 2-го дивизіона.—Усмиреніе мятежниковъ. 161

Глава XXIV. **Служба казаковъ въ Петербургѣ.** Посылка дивизіоновъ въ Нижній-Новгородъ на ярмарку.—Изученіе казаками уставовъ. — Казарменныя и лагерныя занятія.—Перемѣны формы 173

Глава XXV. **Сто лѣтъ жизни полка.** Кончина Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича.—Назначеніе Шефомъ Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича.—Торжества по случаю свадьбы.—Посѣщеніе Дона Наслѣдникомъ Цесаревичемъ.—Сокращеніе сроковъ службы.—Столѣтній юбилей полка 178

Глава XXVI. **За свободу славянъ.** Причины турецкой войны 1877 года. — Мобилизація 1-го дивизіона. — Въ Рущукскомъ отрядѣ. — Дѣло Аленича и лубенцовъ у дер. Садино.—Столкновеніе съ черкесами 9 августа.—Бой на Карагасанкіойскихъ высотахъ. 186

Глава XXVII. **Л.-Гв. Атаманскій полкъ въ полномъ составѣ въ Турціи.** Сборы льготныхъ дивизіоновъ.—Отправленіе въ Петербургъ.—Мобилизація въ Петербургѣ.—Присоединеніе 2-го дивизіона къ 1-му въ Брестовцѣ.—Ночная атака 4-го эскадрона.—Усиленная рекогносцировка 18—22 ноября у дер. Соленикъ.—Зимовка въ Брестовцѣ.—Отъѣздъ Наслѣдника Цесаревича въ Петербургъ.—На демаркаціонной линіи.—Пожалованіе правами старой гвардіи.—Путь домой.—Полковой праздникъ въ Измаилѣ. 203

Глава XXVIII. **Возвращеніе съ войны.** Встрѣча полка Государемъ Наслѣдникомъ.—Восторгъ жителей Петербурга.—Заботы генерала Мартынова по приведенію полка въ порядокъ 214

Глава XXIX. **Тяжелые дни полицейской службы.** Покушеніе на жизнь Государя Императора.—Привлеченіе казаковъ къ полицейской службѣ.—Злодѣяніе 1 марта 1881 года.—Вызовъ казаковъ къ дворцу.—Разъѣзды.—Участіе въ погребеніи Императора Александра II.—Перемѣна формы.—Участіе при коронованіи Императора Александра III. 217

Глава XXX. **Л.-Гв. Атаманскій полкъ въ 4-хъ-эскадронномъ составѣ на службѣ въ Петербургѣ.** Трудность службы въ двухъ-эскадронномъ составѣ. — Хлопоты ген. Мартынова.—Генералъ Короченцовъ. — Прибытіе съ

Стр.

Дона еще 2-хъ эскадроновъ. — Офицерское собраніе. — Перемѣна лагерной стоянки.—Садикъ.—Отмѣна шнуръ 222

Глава XXXI. **Устройство полка.** Личность генерала Грекова.—Перемѣна лагерной стоянки.—Посѣщеніе казармъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ.—Сближеніе съ гусарами.—Посѣщеніе Наслѣдникомъ Цесаревичемъ лагеря въ д. Николаевкѣ.—Новая постройка.—Представленіе полка иностранцамъ.—Эскадронные праздники. 227

Глава XXXII. **Отмѣна полицейско разъѣздной службы.** Кончина Императора Александра III.—Участіе полка въ печальныхъ церемоніяхъ погребенія тѣла Государя.—Участіе въ торжествахъ бракосочетанія Государя Николая II.—Отмѣна разъѣздовъ по городу.—Вооруженіе трехъ-линейной винтовкой 234

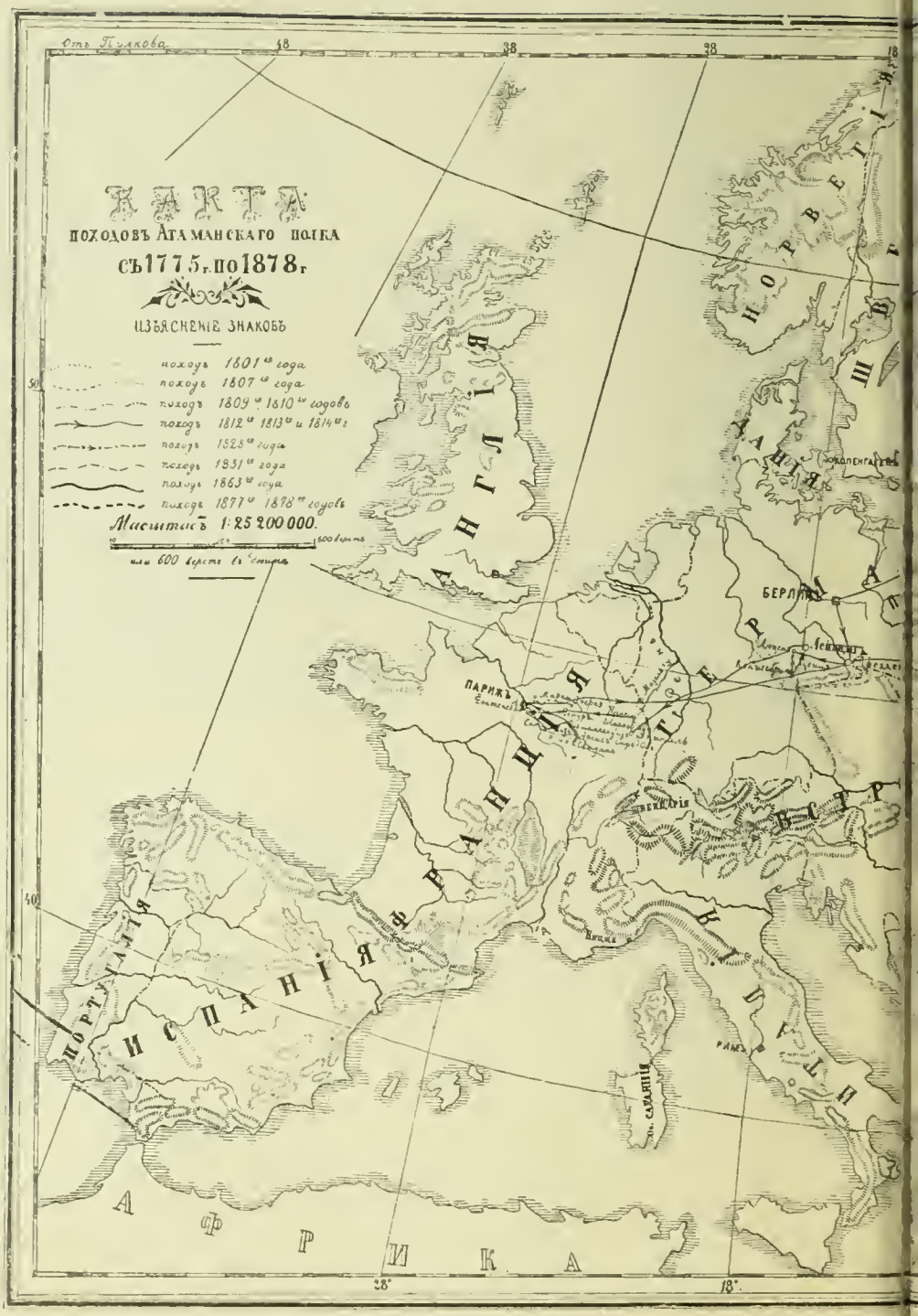
Глава XXXIII. **Съ 1896 по 1900 годы.** Участіе полка въ Коронованіи Государя Императора Николая II.—Посылка казаковъ въ Абиссинію.—Подвигъ урядника Архипова.—Урядникъ Архиповъ во дворцѣ Государя. — Командировка въ Москву на освященіе памятника Императору Александру II.—Перевезеніе старыхъ знаменъ въ бригадную церковь. 240

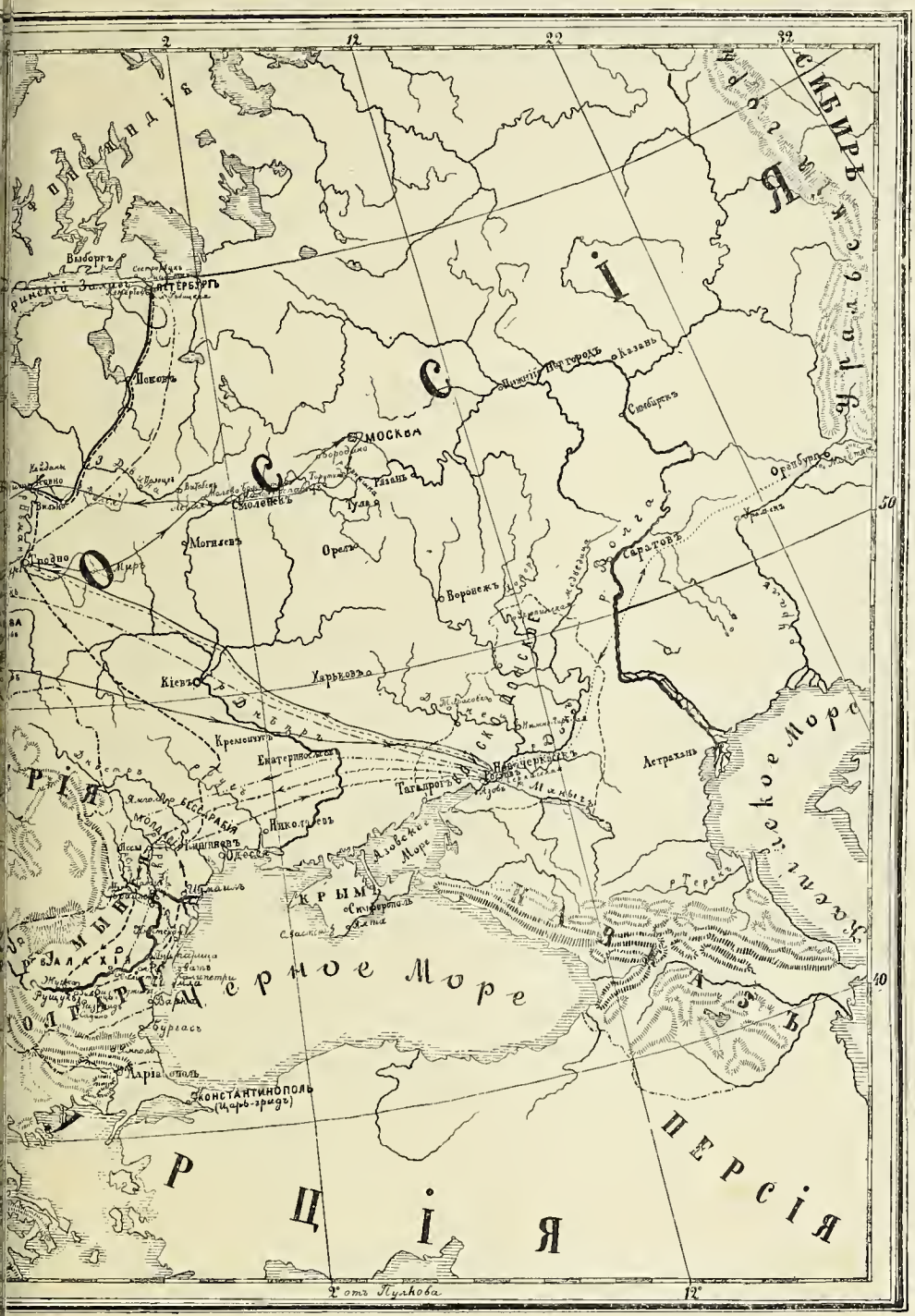
Глава XXXIV. **Служба по новому уставу.** Новыя требованія отъ казаковъ.—Постройки въ лагерѣ и въ городѣ. 247

Командиры: Л.-Гвардіи Атаманскаго Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника полка съ 1775 по 1900 годъ. 257

Матеріалы, послужившіе основаніемъ къ составленію краткой исторіи Л.-Гв. Атаманскаго Е. И. В. Г. Н. Ц. полка. 259

Рисунки 246


КАРТА
походовъ Атаманскаго полка
съ 1775 г. по 1878 г.
Изъясненіе знаковъ
походъ 1801 года
походъ 1807 года
походъ 1809 и 1810 годовъ
походъ 1812 1813 и 1814 г.
походъ 1828 года
походъ 1831 года
походъ 1863 года
походъ 1877 1878 годовъ
Масштабъ 1:25 200 000.
или 600 верстъ въ дюймѣ
Отъ Пулкова
48
38
38
18
50
40
28
18
НОРВЕГІЯ
ШВЕЦІЯ
АНГЛІЯ
ГОЛЛАНДІЯ
БЕЛЬГІЯ
ПАРИЖЪ
ФРАНЦІЯ
ИСПАНІЯ
ПОРТУГАЛІЯ
ИТАЛІЯ
АФРИКА



Тип. Исидора Гольдберга, Спб.

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
Atamanskaia pamiatka : kratkii
355.0947 K91AT
D90168169/